

Актуальные вопросы уголовного процесса современной России:
Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. З.Д. Еникеев. Уфа: РИО БашГУ, 2003. - 236с.

A43 ISBN 5-7477-0826-0 УДК 67.411 ББК 343.11

Сборник посвящен современным проблемам уголовного процесса и связанным с ними некоторым вопросам уголовного права и криминалистики, которые рассматриваются в свете нового УПК РФ с использованием соответствующих положений Конституции России, международных актов, а также зарубежного законодательства.

Рассчитан на преподавателей, аспирантов, соискателей и студентов юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Института права БашГУ

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук, профессор З.Д. Еникеев (отв. редактор); канд. юрид. наук, доцент В.Д. Пакутин; канд. юрид. наук, доцент Р.Д. Сабиров; канд. юрид. наук Е.Г. Васильева; канд. юрид. наук, доцент Л.А. Мифтахова.

Содержание

Еникеев З.Д. Задачи и принципы уголовного процесса в свете проблем борьбы с преступностью

Макарова З.В., Янин М.Г. Обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства

Нуркаева М.К. Презумпция невиновности по УПК РФ в свете международных стандартов уголовного судопроизводства

Васильева Е.Г. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе

Даровских С.М. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей

Яцишина О.Е. Принцип внутреннего убеждения как элемент принципа свободы оценки доказательств

Кудрявцева А.В. Внутреннее убеждение эксперта и его роль в процессе экспертного исследования

Мифтахова Л.А. О проблеме международных актов как источников российского уголовно-процессуального права

Азаров В.А. , Таричко И.Ю. Правовые предпосылки воссоздания функции судебного контроля в российском уголовном процессе

Дмитриева А.А. О необходимости обязательного участия адвоката - представителя потерпевшего в уголовном процессе

Володина Л.М. Новые проблемы возбуждения уголовного дела

Хабиров Р.Ф. Некоторые теоретические аспекты организации борьбы с транснациональной преступностью

Пакутин В.Д. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в законодательстве некоторых зарубежных государств (сравнительный анализ)

Бурылева Е.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования

Лившиц Ю.Д. , Кочетова А.В. Некоторые вопросы эффективности приостановления производства по уголовному делу

Бобылёв М.П. Взаимосвязь обвинения с уголовным правосудием

Татьянина Л.Г. Проблемы реализации прав обвиняемого по делам, расследуемым органами дознания

Дмитриева Л.З. Право потерпевшего на отказ от уголовного правосудия

Латыпов Ф.Т. Правовые основы деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве

Шамсутдинов Р.К. Апелляционная форма уголовного правосудия и проблемы её совершенствования

Хисматуллин Р.С. Проблемы апелляционного производства по делам несовершеннолетних

Мунасыпова Р.Г. Право на надзорное обжалование судебных приговоров, определений, постановлений

Аминев Р.Н. Система правовых запретов в уголовном процессе

Сабиров Р.Д. Некоторые нормы УК РФ в новом уголовно-процессуальном законодательстве

Набиуллин В.В. Понятие обстановки совершения преступлений и ее значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья осужденных в условиях мест лишения свободы

Валеев М.Х. К вопросу о понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений

Попов Д.В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие

Шагеева Р.М. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран

Еникеев Р.З. Некоторые процессуальные и криминалистические аспекты участия адвоката - защитника в доказывании по делам несовершеннолетних

Гатауллина Г.И. Особенности предмета доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями

Сардаров Э.Ш. К вопросу о предмете незаконной порубки деревьев и кустарников (ст.260 УК РФ)

Мунасыпова Э.Ф. Эвтаназия: нарушение или защита прав человека?

Еникеев И.И. Понятие и критерии эффективности частного обвинения

Благодарим редакционную коллегию за предоставленный материал

Еникеев З.Д. ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

З.Д. Еникеев - Заслуженный юрист РФ и РБ, д-р юрид. наук, профессор, Зав. кафедрой уголовного права и процесса БашГУ (г.Уфа)

Как известно, возникновение и функционирование уголовного процесса в истории человечества всегда было обусловлено необходимостью борьбы с преступностью путем претворения в жизнь уголовно-правовых норм. Это потому, что уголовно-правовые меры не могут сами по себе реализовываться и автоматически воздействовать на лиц, совершивших преступление. Соответственно и уголовно-процессуальное право, регулирующее уголовный процесс, детерминируется уголовным правом.

Отправляясь от марксова учения о том, что "процесс есть форма жизни закона",¹ "преступник производит не только преступление, но и уголовное право... всю уголовную юстицию... и т.д.",² следует констатировать, что уголовно-процессуальная процедура нужна для обеспечения задач, стоящих перед уголовным законом, для обслуживания уголовно-правовых отношений. Опираясь на историю, выдающийся русский ученый-юрист И.Я. Фойницкий писал: "уголовное судопроизводство находится в теснейшей связи с уголовным правом... преступление и наказание определяют построение уголовного процесса. В свою очередь, уголовный процесс существенно необходим для применимости уголовно-правовых норм... Правила уголовно-правовые и уголовно-процессуальные составляют как бы одно целое, две стороны или две части одного и того же понятия... Уголовный процесс строится не только в соответствии с нормами уголовного права, но также сообразуясь с преследуемыми им задачами раскрытия истины и с природой возникающих при этом отношений".³

М.В. Духовский в 1905 году уголовный процесс определял как деятельность государственных или общественных органов, направленную к раскрытию совершившегося уголовного преступления и к выяснению, какие меры должны быть приняты для удовлетворения нарушенных им интересов потерпевшего и для законной ответственности виновного. По его мнению, процесс имеет одну цель - раскрыть истину.⁴

О том, что уголовное право и уголовный процесс неразсторжимо связаны между собой, свидетельствуют законы России прошлого и настоящего времени. Так, первый УПК Российской Империи 1832 г. назывался "О судопроизводстве по преступлениям", и им в обязанность полиции вменялось собирание доказательств, открытие и обличение виновных, предписывалось вести следствие с возможной скоростью, полнотой и ясностью. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. следователь обязан был принимать все меры для раскрытия преступления, а обличение виновных перед судом являлось обязанностью прокуроров.⁵

Раскрытие преступления как цель производства следствия прописывалось в Положении о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. УПК РСФСР 1922 г. (в новой редакции 1923 г.) от следователя требовал выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности (ст.111), председательствующему же судебным заседанием предписывал направление судебного следствия в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины (ст. 257).⁷

Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права четко прослеживалась в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г., развернуто установивших задачи уголовного судопроизводства (ст.2). Это быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. В содержание задач также входило содействие укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан в духе соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития.

Более того, ст.3 этих Основ и УПК обязывала суд, прокурора, следователя и органы дознания в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и их наказанию.

В действующих законах РФ "О милиции" (ст.2,8-10), "Об органах Федеральной службы безопасности в РФ" (ст.10,12), "О Федеральных органах налоговой полиции" (ст. 2,10) и "Об оперативно-розыскной деятельности" (ст. 2,11), Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью от 18 апреля 1996 г. (п. 1)8 выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений представлены в виде задач и обязанностей этих органов. Поэтому вполне правомерно некоторые авторы уголовно-процессуальное законодательство относят к законодательству о борьбе с преступностью, а уголовный процесс рассматривают как путь применения уголовного законодательства страны.⁹ Отсюда УПК составляет одну из правовых основ реализации политики борьбы с этим социальным злом, что нельзя не выразить в формуле задач уголовного судопроизводства.

Задачи, как и требования законности, справедливости, всесторонности, полноты, объективности и быстроты исследования обстоятельств дела, - это ориентиры деятельности органов уголовной юстиции, имеют значение, информационное, регулирующее, программирующее, организующе-направляющее данную деятельность по конкретным уголовным делам. Без таких ориентиров, без правовой информации о задачах и путях их решения уголовно-процессуальная деятельность слепа, равносильна движению корабля без компаса, способна породить произвол, необоснованное привлечение к уголовной ответственности людей, не причастных к преступлению, или, напротив, неоправданное освобождение от воздаяния лиц, подлежащих ответственности, а также иные нарушения, ущемляющие права и интересы граждан. Следовательно, отображение в задачах уголовного процесса и обязанностях лиц, ведущих его, процессуальных слагаемых парадигмы "борьба с преступностью" (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений, изобличение лиц, их совершивших, установление истины, правильное применение закона, своевременное, законное, всестороннее, полное, объективное и справедливое разбирательство и разрешение дела) есть объективная необходимость.

А.М. Ларин быстроту уголовного процесса назвал коренным условием построения и проведения всей процессуальной деятельности по уголовным делам, считал её, как и многие другие авторы, принципом уголовного судопроизводства.¹⁰ Прогрессивный итальянский юрист и великий гуманист Чезаре Беккариа ещё в 1766 году утверждал: "Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее...".¹¹ Соблюдение быстроты во многих случаях оказывается решающим фактором в раскрытии преступления и установлении истины по делу. Как подчеркиваются в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. относительно упрощения уголовного правосудия, "задержка в раскрытии преступлений ведет к дискредитации уголовного права и сказывается на надлежащем отправлении правосудия".¹² К тому же "быть судимым без неоправданной задержки" - это право обвиняемого в уголовном преступлении (ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах).¹³

Поскольку уголовное и уголовно-процессуальное право составляют единство в деле борьбы с преступностью, а задачами УК РФ являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ст.2), на наш взгляд, эти положения должны найти разумное отражение и в тексте задач уголовного судопроизводства. Ведь уголовный процесс выступает не только формой, способом борьбы с преступностью, единственно возможным способом реализации уголовного закона, но и способом защиты личности, её прав и свобод, интересов общества и государства.

В этом отношении мы солидарны с высказываниями И.Л. Петрухина о том, что должен быть "баланс между двумя ценностями - правами человека и степенью контроля над преступностью... Система уголовной юстиции нацелена не только на усиление контроля над преступностью, но и на обеспечение прав человека... Раскрывая преступления, система защищает права потерпевших, настоящих и будущих... Минимум принуждения, минимум правоограничений при попытках раскрыть преступление... Не менее, чем установление истины, важна и охрана прав человека при расследовании преступлений и рассмотрении дела в суде... Конечно, эффективный контроль над преступностью невозможен без вынужденного ограничения прав личности... Но без полноценной защиты эффективно бороться с преступностью невозможно".¹⁴

В том же духе пишет Э.Ф. Куцова, утверждая: "Задачи уголовного процесса должны отражать баланс интересов раскрытия преступлений и обеспечения прав и законных интересов граждан в уголовном процессе".¹⁵

Говоря иначе, борьбу с преступностью и защиту личности, её прав и интересов нужно рассматривать как двуединую задачу уголовного процесса. Борьба с преступными проявлениями по существу есть борьба за права человека, за защиту государственных и общественных интересов.

Тем не менее, в новом УПК РФ нет статьи о задачах уголовного судопроизводства, служащих маяком, отправным началом осуществления этой весьма важной государственной деятельности. Появилась статья о его назначении, которое заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ч. 1 ст.6). Здесь нет решения, как должна осуществляться эта защита, и не упоминаются другие задачи уголовного процесса, которые были предусмотрены в прежнем УПК РСФСР. Отсутствие указания о правовом механизме обеспечения данной защиты не дает основания считать это новшество в УПК РФ идеальным, прогрессивным. Наоборот, оно ущербно, регрессивно, повлечет множество отрицательных последствий в плане как уголовного преследования, так и защиты того, что названо в ст.6 УПК. Ибо этот УПК существенно ослабил правовые возможности правоохранительных органов по противодействию преступности.

Наше убеждение в сказанном усиливается тем, что УПК России исключил из системы принципов уголовного процесса всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, а значит, освобождает органы уголовного преследования и суд от обязанности установления истины по делу. Положение усугубляется тем, что в ст. 7 Кодекса, провозгласившей принцип законности при производстве по уголовному делу, отсутствует главное его требование - обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания, дознавателя точно соблюдать требования Конституции, УПК и другие законы. Это не согласуется с частью 2 ст. 15 Конституции РФ, которая гласит: "Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы". Правда, в части 4 ст.7 УПК РФ говорится, что "определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованным и мотивированными". Однако должны быть законными не только решения, но и действия этих органов и должностных лиц.

Изначальное предназначение уголовно-процессуального закона ранга Кодекса - создать правовые условия раскрытия преступных деяний и изобличения их виновников, обеспечения неотвратимости, законности и справедливости воздаяния за каждое совершенное

преступление. Не раскрыв преступление, нельзя обеспечить неотвратимость ответственности виновного лица за содеянное им. Без торжества законности, всесторонности, полноты и объективности разбирательства немисливо распознать путь к истине. А движение к истине неразрывно связано с деятельностью по раскрытию преступления и установлению лица, его совершившего, разумеется, если оно имело место. Если его не было, достижением истины по делу в таких случаях будет установление отсутствия преступления. В свою очередь, когда оно было совершено, без полного его раскрытия, включающего наряду с другими обстоятельствами, выявление причин и условий преступления, бессмысленно проводить действия, направленные на их устранение по конкретным уголовным делам. В сфере уголовного процесса эффективно защищать личность, ее права и свободы, публичные интересы можно лишь путем должного законодательного сформулирования и практического выполнения этих задач.

В отмеченном плане от УПК РФ выигранно отличаются новые УПК республик Беларусь (в дальнейшем - УПК РБ), Казахстан (далее - УПК РК), Кыргызстан (УПК КР), Узбекистан (УПК РУ), в которых задачи уголовного процесса изображены достаточно полно и ясно. В них нет недостатков, которые присущи ст. 6, 7, 15 УПК РФ. К примеру, в ст. 7 УПК РБ задачами уголовного процесса признаются: "защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных действий невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных" (разрядка наша - З.Д.); обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден" (ч. 1). В части 2-й этой статьи сказано: "Установленный настоящим Кодексом порядок производства по материалам и уголовному делу призван обеспечить законность и правопорядок, предупреждение преступлений, защиту от необоснованного обвинения или осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае обвинения или осуждения невиновного - незамедлительную и полную его реабилитацию, возмещение ему физического, имущественного и морального вреда, восстановление нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав".

В УПК РБ к числу принципов отнесена публичность уголовного процесса (ст.15), означающая: "1. Государство гарантирует каждому защиту от преступных посягательств. 2. Государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора". Почти такие же предписания содержатся в ст. 27 УПК РБ под названием "Обязанность осуществления уголовного преследования".

Быстрота, полнота раскрытия преступлений и другие элементы задач уголовного процесса расписаны в УПК РК (ст.8), КР (ст.4), РУ (ст.2). Эти УПК и УПК РБ не только сохранили принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, а развили его дальше. Так, в ст. 24 УПК РК имеется 3-я часть, в которой записано: "Рассматривающий уголовное дело суд, сохраняя объективность и беспристрастность, создает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав на всестороннее и полное исследование обстоятельств дела. Суд не связан мнением сторон и вправе по собственной инициативе принимать необходимые меры для установления истины по уголовному делу". Согласно ст.18 УПК РБ решения о виновности либо о невиновности обвиняемого суд выносит на основе достоверных доказательств, подвергнутых

всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке. А в УПК РУ данный принцип именуется даже "установлением истины" (ст.22).

Характерно, что УПК РБ не ограничивается закреплением упомянутого положения в числе принципов, а предусматривает его требования и в нормах, регулирующих полномочия прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, начальника органа дознания и дознавателя, в виде их обязанности принимать все меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела (ст. 34-36, 38-39,263).

Некоторые авторы хотя и оправдывают отсутствие в УПК РФ данного принципа следствием действия принципа состязательности сторон,¹⁶ но он не компенсирует требований всесторонности, полноты и объективности разбирательства дела. Тем более, в УПК РФ этот принцип сконструирован так, что на суд не возлагается обязанность по доказыванию (ст. 29), в состязательном уголовном процессе он создает лишь необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст.15). Пассивная роль суда в исследовании обстоятельств дела не может не сказаться негативно на исходе судебного разбирательства. В этой связи обращает на себя внимание мудрость авторов нового ГПК РФ, предусмотревших задачи гражданского судопроизводства и правильно определивших роль суда в состязательном процессе именно в плане обеспечения объективного, всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (ст.2, 12).

В ключе этих положений надо отметить, что современное законодательство европейских государств развивает положения об активной роли суда в состязательном процессе, связывая это с необходимостью установления истины (ст. 310 УПК Франции, ст. 244 УПК ФРГ). В США судья не ограничивается фактами и доказательствами, представленными по выбору сторон, может вмешиваться в этот процесс во имя установления истины. И "английское право все более проникается идеей, что уголовный процесс не должен сводиться исключительно к противоборству двух сторон в суде. Его задачей прежде всего является не победа кого-то из "процессуальных противников", а выявление лиц, действительно виновных в совершении преступления...".¹⁷ По тому же пути идет практика Европейских суда по правам человека.¹⁸

Сравнивая УПК РФ с указанными положениями зарубежных государств, мы убеждаемся, что в России роль суда в исследовании обстоятельств уголовного дела неоправданно принижена. Это перечеркивает верное положение Концепции судебной реформы в РФ о том, что "суд не только устанавливает, но и очеловечивает истину".¹⁹ А без истины нет правосудия, истина есть единственно незыблемая основа справедливости.²⁰ Справедливость же включает в себя гарантированность законом прав и свобод человека, равную и эффективную защиту каждого со стороны закона.²¹

В УПК РФ имеются и другие недоразумения, мешающие успешному уголовному преследованию и полнокровной защите означенных ценностей. Но приведенные достаточны для вывода о том, что этот закон во многом не адекватен реалиям жизни. Его авторы поступились теми положениями, полезность и жизненность которых неоспоримо подтверждаются многими международными актами, политико-правовыми документами РФ по вопросам борьбы с преступностью, укрепления законности и правопорядка, а также защиты прав и свобод людей, прогрессивной юридической мыслью, оправдавшим себя своим и зарубежным правовым опытом и самой уголовно-процессуальной практикой.

Так, в Руководящих принципах ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (1985), Руководстве по основным направлениям предупреждения преступлений

(1990), Стандартных минимальных правилах в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правилах от 14 декабря 1990г.), в принятом 17 декабря 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и некоторых других международных документах говорится о необходимости усиления работы по борьбе с преступностью, придания первостепенного значения её предупреждению, широкого участия общественности в этом деле, создания эффективного уголовного судопроизводства, применения новых методов раскрытия преступлений, расследования, судебного преследования и наказания. Причем общественные начала причисляются в них к основополагающим принципам.²² Отсюда видно, что Международные акты не отказываются от понятий "борьба с преступностью", "выявление и раскрытие преступлений" и рассматривают их в единстве с уголовным правосудием, к тому же в контексте развития прав и свобод человека.

Раскрытие преступления остается задачей как всего уголовного процесса, так и досудебной его стадии - предварительного расследования, в Концепции судебной реформы, одобренной постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. В ней утверждается также необходимость установления истины по делу.²³ В УПК же РФ термины "раскрытие преступления", "истина" вообще отсутствуют.

Сложившееся за последние годы состояние преступности таково, что она стала реальной угрозой национальной безопасности страны, продолжает оказывать мощное отрицательное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и государства, подрывает их социально-экономические и политические устои, вызывает рост недоверия людей в способность государства эффективно обеспечить их защиту от противоправных посягательств. Поэтому как важнейшие задачи в области борьбы против преступности выдвинуты: выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность; обеспечение неотвратимости ответственности; активное использование помощи граждан и общественных сил в предупреждении, пресечении, раскрытии преступлений и розыске преступников; создание эффективной правовой базы борьбы с преступностью как основы надежной защиты прав и законных интересов граждан и т.д. Указывалось также на многочисленные нарушения законности, допускаемые в ходе расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел.²⁴ При этих условиях новый УПК РФ должен был обладать оптимальным совершенством, свойствами высокой социальной ценности и эффективности, быть законом, во всем справедливым, правильно и предельно полно отражающим объективные потребности переживаемого периода. Ибо любой закон должен отвечать этим требованиям, а закон о борьбе с преступностью - отражать также политику, задачи в этой области, чего нет в УПК РФ.

Главным в деле противодействия преступности является прежде всего профилактика преступлений, которая в свое время считалась одной из функций уголовного судопроизводства, функций органов расследования, прокуратуры и суда.²⁵ В отличие от прежнего УПК РСФСР в нынешнем УПК РФ не предусмотрены нормы о предупреждении преступлений. Нет также нормы, обязывающей органы уголовной юстиции выявлять причины и условия преступления. Это при том положении, что ст. 241 Модельного УПК для стран СНГ (далее - МУПК), принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. в виде рекомендательного законодательного акта, предписывает следователю, дознавателю обязанность выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и внесения представления о принятии мер к их устранению.

В то же время УПК РБ (ст. 7, 38, 90, 199), РК (ст.8, 65, 66), КР (ст. 4,19) содержат нормы, регулирующие предупреждение и пресечение преступлений, выявление и устранение их

причин и условий. В УПК РУ мерам предупреждения преступлений посвящен целый раздел, состоящий из пяти статей (ст.296 - 300). Примечательно, что в нем участие общественности в производстве по уголовным делам возведен на уровень принципа уголовного процесса, что соответствует Миланскому плану действий (1985г.), относительно обеспечения как можно более широкого участия общественности в предупреждении преступности и борьбе с ней, а также широкого её доступа к уголовному судопроизводству.²⁶ По этому поводу уместно напомнить слова К. Маркса о том, что "мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него".²⁷

УПК - фундамент уголовного процесса. Поэтому в нем не должно быть пробелов и неясностей. От того, насколько он конструктивен, совершенен, во многом зависит урегулированность процессуального порядка, необходимого для эффективной следственной, прокурорской и судебной деятельности по уголовным делам. Следовательно, качество и степень детализации законодательного регулирования уголовно-процессуальных отношений должны быть высокими, такими, чтобы УПК мог служить настольной книгой в информационном арсенале следователей, дознавателей, прокуроров, судей, адвокатов и всех тех, кто интересуется проблемами уголовного судопроизводства. По справедливому замечанию С.С. Алексеева, "там, где в процессе совершенствования права выясняется, что законодатель в состоянии детально регламентировать данные общественные отношения, дальнейшее развитие формальной определенности права следует признать вполне закономерным процессом".²⁸ Чтобы устранить неясности, точнее сформулировать запреты и дозволения, полнее запрограммировать действия должностных лиц, ведущих процесс, оптимально сузить пределы их усмотрения в решении процессуальных вопросов, а также с точки зрения укрепления законности, успешного раскрытия преступлений и обеспечения прав личности, по словам В.М. Савицкого, "подробное, детальное, исчерпывающее законодательное регулирование судопроизводства представляется не только желательным, но и необходимым".²⁹

По природе своей закон должен быть высшим разумом, за что еще в древности ратовал Цицерон в своей книге "Диалоги".³⁰ Особенно это касается принципов уголовного процесса, занимающих центральное, ведущее место в системе уголовно-процессуального права. По МУПК они носят основополагающий характер и определяют правомерность производства по каждому делу (ст.11). Принципы - это нормы общего и руководящего значения, образующие основу уголовного судопроизводства, очертающие построение всех его стадий, форм и институтов, отражающие фундаментальные свойства уголовного процесса, его гуманистическую и демократическую сущность. Они направлены на обеспечение выполнения задач этой сферы государственной деятельности. В этом смысле предпочтительно, во-первых, закрепление задач и принципов уголовного процесса в одной главе УПК, как это сделано в УПК РБ и РК (гл.2). Во-вторых, круг и содержание провозглашенных в УПК принципов должны соответствовать международным стандартам, Конституции РФ и объективным потребностям жизни.

В ракурсе их развития было бы правильно развернуто отразить в УПК РФ в системе принципов закрепленные в ст. 51,52 Конституции РФ принципы свободы от дачи показаний и обеспечения потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба. При этом необходимо иметь в виду Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. "О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса" в части того, что "основной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего..., важно повысить доверие потерпевшего к уголовному правосудию..., следует в большей степени учитывать запросы потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса".³¹ В УПК РК освобождение от обязанности давать показания предусмотрено в числе принципов уголовного процесса (ст.27). В МУПК этот принцип

обозначен как свобода от самоизобличения (ст. 25). МУПК (ст.27), УПК КР (ст.21) к принципам относят также обеспечение прав пострадавших от преступлений, злоупотреблений властью и судебных ошибок, которое включает в себя право потерпевшего требовать возбуждения уголовного дела. Помимо этого, УПК КР как принцип отдельно предусматривает ещё обеспечение доступа к правосудию (ст.24), содержащее обязанность следователя и прокурора не только по реализации указанного права потерпевших, но и по возбуждению уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления, установлению события преступления и лица, его совершившего.

В УПК РУ (ст.15) в виде принципа сформулирована обязанность возбуждения уголовного дела, нацеливающая уголовную юстицию на раскрытие преступления, установление виновных лиц и обеспечение их наказания. Такое повышенное внимание к разоблачению и привлечению к законной ответственности виновных лиц в названных УПК оправдано тем, что воплощение в жизнь этого назначения уголовного процесса по конкретным делам выступает весомой гарантией реализации прав потерпевшего.

Есть резон ввести в систему принципов уголовного процесса и справедливость, основываясь на международных актах о необходимости эффективной её реализации органами государственной власти, в том числе правоохранительными, в своей деятельности.³² Как видно из Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г., справедливость имеет емкое содержание.³³ Как и законность, она распространяется на весь уголовный процесс, все его стадии. Согласно МУПК (ст.3), УПК РБ (ст.2) уголовно-процессуальный закон призван способствовать утверждению справедливости.

Имплементация общеправового принципа справедливости в уголовное судопроизводство нужна и с точки зрения укрепления его нравственных основ, того, что задачи уголовного процесса могут проводиться в жизнь только законными, справедливыми способами и средствами.

Анализируя задачи и принципы уголовного процесса в свете проблем борьбы с преступностью, мы приходим к выводу, что УПК РФ нуждается в коренном улучшении. Чтобы избежать тех пробелов, которыми страдает нынешний его вариант, думается, следует трансформировать в него все то прогрессивное, которое наработано в международной, зарубежной практике, имеется в прежнем УПК РСФСР, проектах, теоретических моделях УПК РФ, а также в уголовно-процессуальной науке. Только при этом условии новый УПК РФ может стать истинным законом и подлинным инструментом как противодействия преступности, так и защиты личных и публичных интересов.

Во избежание ошибок, допущенных при его принятии, необходимо учесть, что отпечатавшаяся в нем концепция самоограничения государства в сфере уголовного процесса³⁴ оказалась в немалой степени негативной для правоохранительных интересов. Об этом свидетельствуют практика и результаты обсуждения данного УПК на конференциях, "круглых столах" с участием дознавателей, следователей, прокуроров и судей.³⁵

Литература и примечания

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С. 158.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.26. Ч. 1. С. 393.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. Т. 1 1996. С. 4-5.

4. Хрестоматия по уголовному процессу России. М.: Городец. 1999. С. 13, 49.
5. Об этом см.: Уголовный процесс. Учебник / Под. ред. В.П. Божьева. М.: Спарк.2002. С. 65, 68, 70.
6. СУ РСФСР. 1920.№ 83. Ст.407.
7. СУ РСФСР. 1923.№ 7. Ст. 106.
8. См.: Организация и порядок уголовного судопроизводства. Сборник правовых актов. М.: Юрид.лит. 1998. С. 341-343, 425-426; 453, 456; Правоохранительные органы Российской Федерации. Сборник нормативных актов. М.: Юрайт. 1999. С. 319-325, 332-337, 362-365; СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.
9. См.: Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М.: Юрид.лит. 1978.; Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург. 1997; Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью. Екатеринбург.1999.; Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность// Законодательство.2002. № 9. С. 71-79; Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. №3. С. 63-69.
- 10.См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование и организация. М.: Юрид.лит. 1970. С. 15,25; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука. 1970. С. 63-64; Гуляев А.П. Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 18. 1973. С. 66-83, и др.
11. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. 1939. С. 281-286, 340-341.
12. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: Спарк.1998. С.117. О значении быстроты судопроизводства более подробно см.: Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М.: Юрид. лит. 1976. С. 23-27.
13. Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Норма-Инфра.1998. С. 58
14. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юристь. 1999. С.112-113, 118, 140.
15. Куцова Э.Ф. Указ. соч. С. 72.
16. См., например: Подольный Н. Новый УПК - новая идеология уголовного процесса // Рос. юстиция. 2002. № 11. С.2.
17. Гуценко Г.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А, Уголовный процесс западных государств. М. 2001. С.119.
18. См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М. 2000. Т.1. С. 321; Т. 2. С. 330.
19. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика. 1992. С.44.

20. См.: Софронов Г.В. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург. 1998. С. 14,18.
21. См.: Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (п. 5) // Международные акты о правах человека. М. 1998. С. 653-654.
22. См.: Миланский план действий // Сов. юстиция. 1992. № 13-14. С. 38-40; № 15-16. С. 35-37; Международные акты о правах человека... С. 175, 217, 223,273-285; Сборник документов Совета Европы... С. 77-79. 2
3. См.: Концепция судебной реформы... С. 77, 89-91, 94.
24. См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. (в ред. его Указа от 10 января 2000г.) // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст.170.; Рекомендации по результатам "круглого стола" на тему "О состоянии борьбы с преступностью и мерах по укреплению правопорядка и законности в Российской федерации" // СЗ РФ.2000. № 31. Ст. 3233, и другие политико-правовые документы РФ // СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2642; 1996. № 22. Ст. 2696; 1999. № 12. Ст. 1484; 2001. № 3. Ст. 238.
25. См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. лит. 1986. С. 102-109; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит. 1989. С. 435-440; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск. 1994. С. 81-92; Комментарий к УПК РСФСР. М.: Проспект. 1999. С.51.
26. См.: Сов. юстиция. 1992. № 13-14. С. 38-40; № 15-16. С. 35..
- 27.Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 131.
28. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М. 1971. С. 101.
- 29.Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель. Под ред. и с предисловием В.М. Савицкого. М. 1990. С. 8-9.
- 30.Об этом см.: Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Норма-Инфра. 1999. С. 185.
- 31.Сборник документов Совета Европы... С. 115.
- 32.См.: Международные акты о правах человека... С. 39-41, 53-59, 77-95, 168-169, 276-282, 284-295, 318-319, 539-541, 642, 645-650, 653-655, 664-671 и др.
- 33.См.: Международные акты... С. 653-654.
- 34.Мизулина Е. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту. 1991.
- 35.См.: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ. М. 2002; Новый УПК РФ и практика его применения. Оренбург. 2002; Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч.10: Проблемы уголовного процесса в свете нового УПК РФ. Томск. 2002; Республика Башкортостан. 2002. 17 декабря. С. 3; - 2003. 17 января. С. 1-2, и др.
-

|||

Макарова З.В., Янин М.Г. ОБЖАЛОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

З.В. Макарова - Заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор Южно-Уральского государственного университета, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса (г. Челябинск)

М.Г. Янин - ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Челябинского государственного университета (г. Челябинск)

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ есть глава вторая "Принципы уголовного судопроизводства". УПК РСФСР подобной главы не имел. На первый взгляд, это представляется как безусловно прогрессивное нововведение. В действительности же новое уголовно-процессуальное законодательство больше ставит вопросов, чем отвечает на них. Так, законодатель, вводя понятие "принципы уголовного судопроизводства", не дает его определения, а та попытка систематизации принципов уголовного процесса, которая была предпринята в главе второй УПК РФ, не выдерживает критики. Приводя перечень основных нормативных положений, которым должна соответствовать уголовно-процессуальная деятельность, законодатель подразумевает его исчерпанность (ст. ст. 6 - 19 УПК РФ). Но как в таком случае быть с такими принципами, как равенство граждан перед законом и судом, публичность, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела? Получается, что они утратили актуальность и значимость для современного уголовного судопроизводства, хотя были сформулированы в УПК РСФСР достаточно четко (ст. ст. 3, 14, 20). С другой стороны, законодатель, как нам представляется, фактически дублирует одно и то же в следующих принципах: уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ), тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ).

Как уже было отмечено выше, на сегодняшний день отсутствует законодательно установленное понятие "принципы уголовного судопроизводства", что вносит определенную сумятицу в правоприменение.¹ Так, Л.Т. Ульянова определяет принципы уголовного процесса как руководящие идеи, определяющие построение уголовного процесса.² А.С. Кобликов считает, что принципы уголовного процесса - это основополагающие, руководящие правовые нормы, определяющие характер уголовного процесса, содержание всех его

институтов и выражающие взгляды о построении процессуального порядка, обеспечивающего справедливое правосудие по уголовным делам, эффективную защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от преступных посягательств.³ Н.А. Громов трактует принципы уголовного процесса как вытекающие из природы российской государственности теоретически обоснованные и законодательно закрепленные основные нормативные положения, которые выражают демократическую и гуманистическую сущность уголовного процесса, определяют построение всех его процессуальных норм, стадий и институтов и направляют уголовно-процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством.⁴ И.Ф. Демидов определяет принципы уголовного процесса как исходные, руководящие идеи о наиболее существенных свойствах и закономерностях уголовного процесса.⁵ В.П. Божьев вводит вместо понятия "принципы уголовного процесса" понятие "конституционные принципы уголовного процесса" и рассматривает их как закрепленные в Конституции РФ, основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм.⁶ Ю.Д. Лившиц и А.В. Кудрявцева предлагают различать принципы уголовного процесса как отрасли права и принципы уголовного процесса как науки. При этом роль принципов науки играют теоретические, основополагающие идеи уголовного процесса, разрабатываемые учеными, а роль принципов отрасли - правовые положения, выступающие в уголовно-процессуальной деятельности в качестве общеобязательных требований закона.⁷ А.В. Смирнов полагает, что правовые принципы есть не что иное, как мера справедливости в праве; они, во-первых, могут индуктивно выводиться из некоего множества норм, а, во-вторых, (более развитая форма), существовать в качестве нормативных предписаний, закрепляемых в специально посвященных им статьях законодательных актов.⁸

Уголовно-процессуальные принципы прежде всего должны быть закреплены в нормах права, ибо в противном случае они теряют свое значение: в правоприменительной деятельности руководствуются законом, а не исходными, основными положениями теории. Принципы, главным образом, должны определять не построение (иными словами, форму), а сущность и содержание уголовного судопроизводства как уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в ходе возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела. При этом не обязательно в законодательных актах выделять главу "Принципы", тем более когда законодатель не раскрывает понятие принципов. Более правильно, на наш взгляд, поступили авторы Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ, которые главу первую назвали "Основные положения". В этих основных положениях установлены такие нормы, которые действительно выражают сущность арбитражного и гражданского процессов (законодательство о судопроизводстве, его задачи и принципы). По нашему мнению, таким же образом следовало поступить законодателям при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ, что определяло бы единство основных положений судопроизводства в Российской Федерации.

Предлагаем следующее определение понятия "принципы уголовного судопроизводства". Это - юридически оформленные основные положения, закрепляющие наиболее общие свойства уголовного судопроизводства, выражающие его демократическую сущность и определяющие правовое и социальное назначение уголовного судопроизводства.

Признаки принципов уголовного процесса:

а) принципами могут быть лишь те основные положения, идеи, которые соответствуют социально-экономическим и политическим условиям развития общества;

б) принципами являются только те основные положения, которые нашли закрепление в нормах права;

в) совокупность всех принципов должна представлять собой концентрированное выражение сущности уголовного процесса;

г) принципы не должны дублировать друг друга;

д) принципы должны образовывать систему, обладающую цельным, интегративным качеством.

Система принципов уголовного судопроизводства является одной из актуальных проблем, так как только она может гарантировать достижение конечных целей уголовного судопроизводства. С одной стороны, система принципов как логико-теоретическая конструкция высвечивает внутренние, закономерные связи между принципами, а с другой стороны, как система юридических норм наиболее общего характера имеет значение твердого правового основания процессуальной деятельности.⁹

В литературе принципы классифицируются различным образом. Предлагается подразделять принципы уголовного процесса на конституционные и специальные, закрепленные в других законодательных актах;¹⁰ на судоустройственные и процессуальные;¹¹ на общесоциальные и общеправовые, общепроцессуальные, служащие основой для всей системы уголовного процесса, и специфические, характерные для его подсистем (досудебное производство и судебное производство).¹² Большинство же авторов представляют систему принципов уголовного процесса как совокупность единых и равнозначных элементов, не выделяя каких-либо особых групп и подгрупп.

В системе принципов уголовного судопроизводства значительное место отводится принципу обжалования процессуальных действий и решений. Он нашел свое выражение в ст. ст. 46 и 50 Конституции РФ и в ст. 19 УПК РФ.

Обжалование процессуальных действий и решений УПК РФ включил в систему принципов уголовного процесса, хотя еще УПК РСФСР закреплял данную норму в главе первой "Основные положения" (ст. 22 УПК РСФСР "Право обжалования действий и решений суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание"), а некоторые ученые - юристы относили данное положение непосредственно к системе принципов уголовного процесса.¹³ Это стало возможным ввиду того, что положение, закрепленное в ст. 19 УПК РФ, полностью соответствует тем характерным признакам, которым отвечают основные положения уголовно-процессуальной деятельности. Обжалование процессуальных действий и решений является конституционным правом, закрепленным в ст. ст. 46 и 50 Конституции РФ, и реализуется в порядке, установленном Законом РФ от 27 апреля 1993 года "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" (с изменениями от 14 декабря 1995 года),¹⁴ то есть такое обжалование является законодательно закрепленным и юридически оформленным свойством уголовного судопроизводства, отражающим его демократическую сущность. Являясь существенной гарантией обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, обжалование процессуальных действий и решений обеспечивает действие таких принципов, как законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), закрепляя взаимосвязь и взаимообусловленность всех принципов между собой.

Сущность этого принципа состоит в том, что действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ. Согласно данному положению закон не ограничивает круг субъектов обжалования только заинтересованными в ходе уголовного дела лицами (как это было закреплено в ст. 22 УПК РСФСР), хотя в первую очередь законодатель постарался обеспечить право на обжалование действий и решений органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, именно заинтересованными участниками уголовного процесса, поэтому в число их процессуальных прав входит право на обжалование (ст. ст. 42 - 48, 53 - 60 УПК РФ). Более того, законодатель особо выделяет право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 43 - 45, 48 и 49 УПК РФ (ч. 2 ст. 19 УПК РФ). Тем самым лицу, которое привлечено к уголовной ответственности, установлены дополнительные гарантии его права на защиту.

В процессуальном законе обращается внимание на обязанность государственных органов и должностных лиц не только разъяснять вышеуказанное право, но и обеспечить возможность его осуществления (ст. ст. 124 - 126 УПК РФ).

Уголовно-процессуальная норма, закрепленная в ст. 19 УПК РФ, установила возможность прямого применения ст. 46 Конституции РФ. способствовала расширению права на судебное обжалование решений, принятых на предварительном следствии и дознании.¹⁵ По сравнению с иными процедурами, судебный порядок рассмотрения жалоб обеспечивает большую объективность, более широкие возможности заинтересованных лиц в отстаивании своих интересов, большую авторитетность и обязательность принятого по результатам рассмотрения жалобы решения.¹⁶ При этом согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 года суд при проверке в период предварительного расследования тех или иных процессуальных актов не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу.¹⁷

Значение принципа обжалования процессуальных действий и решений проявляется двояко: как обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина и как обеспечение законности в ходе досудебного и судебного производства.

Литература и примечания

1. См.: Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 33; Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М., 1987. С. 9 - 10. 2.

См.: Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1997. С. 58. 3.

См.: Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.С. Кобликова. М., 1999. С. 24. 4.

См.: Бандурин С.Г., Громов Н.А. О соотношении принципов публичности и презумпции невиновности в российском уголовном процессе // Закон и право. 2001. № 8. С. 10. 5.

См.: См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 136. 6.

См.: Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 73. 7.

См.: Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 163. 8.

См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. М., 2000. С.58-59. 9.

См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 140. 10.

См.: Гуткин И.М. Принципы советского уголовного процесса // Советский уголовный процесс. М., 1982. С. 49 - 51. 11.

См.: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 14. 12.

См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 144. 13.

См.: Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учебное пособие. М., 1998. С. 82 - 86.; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1999. С. 154. 14.

См.: СЗ РФ 1996. № 1. 15.

См.: Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 98. 16.

См.: Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева; Науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 42. 17.

См.: ВКС РФ. 1999. № 4.

Нуркаева М.К. Презумпция невиновности по УПК РФ в свете международных стандартов уголовного судопроизводства

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

М.К. Нуркаева - доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ПО УПК РФ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Давно назревшая необходимость, которая диктуется осуществляемой в России правовой реформой,¹ сформулировать в уголовно-процессуальном законодательстве принцип презумпции невиновности, закреплена в ст.14 УПК РФ.

Оценивая, дана ли полная формулировка принципа презумпции невиновности в УПК РФ, с позиций международного процессуального права, следует разрешить немало вопросов, связанных с раскрытием содержания этого понятия. К их числу можно отнести, например, следующие: 1) является ли презумпция невиновности объективным правовым положением, выражающим отношение закона к вопросу о виновности лиц, в отношении которых фактически ведутся действия инкриминирующего характера, или она - субъективное мнение отдельных участников процесса по данному вопросу; 2) к кому следует относить презумпцию невиновности (к обвиняемому или к любому лицу, на которое падает подозрение в причастности к расследуемому преступлению); 3) как формулировать презумпцию невиновности: лицо "считается" или "предполагается" невиновным, либо "не считается" виновным; 4) что понимать под термином "в предусмотренном законом порядке" (считается ли лицо невиновным до вынесения органами предварительного расследования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного заключения, обвинительного акта, постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по, так называемым, нереабилитирующим основаниям, либо до вынесения судом обвинительного приговора, либо до вступления приговора в законную силу, либо до принятия в установленном законом порядке иного решения); 5) на каких стадиях процесса действует презумпция невиновности (во всех ли стадиях, включая пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, или ее действие прекращается после вступления приговора в законную силу); 6) как соотносится принцип презумпции невиновности и принцип обязательности исполнения приговора, вступившего в законную силу.

Разногласия по этим и многим другим вопросам обуславливают существование неодинаковых определений презумпции невиновности в международных актах,² в Конституции РФ (ст.49), в УПК ряда стран,³ в Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г. (ст.23), в работах ученых⁴ и в словарях.

Сопоставление приведенных в указанных источниках формулировок показывает, что в одних случаях презумпция невиновности распространяется только на обвиняемого, а в других - как на обвиняемого, так и на подозреваемого, а иногда и на любое лицо, каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности; в одних случаях лицо "считается" или "предполагается" невиновным, а в других - "не считается" виновным; в одних случаях обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока не доказано обратное, а в других случаях - до вынесения судом обвинительного приговора, до вступления приговора в законную силу и т.д.

За такими, казалось бы, терминологическими расхождениями скрываются вопросы, которые имеют не формальное, а большое теоретическое и практическое значение.

Для уяснения сущности и значения презумпции невиновности важно точно определить, кто считается невиновным - обвиняемый (подсудимый), подозреваемый или всякий гражданин.

Ряд авторов, подразумевая под термином "обвиняемый" только лицо, привлеченное к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, полагают, что в определение презумпции невиновности необходимо включить не только обвиняемого, но и подозреваемого.⁵

Думается, что сферу действия этого института не следует ограничивать указанием конкретной процессуальной фигуры (обвиняемый, подсудимый, подозреваемый) (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, ст.16 УПК РБ, ст.23 УПК РУ, ст.15 УПК КР). Представляется, что презумпция добропорядочности каждого гражданина трансформируется в презумпцию невиновности с момента появления в уголовном судопроизводстве лиц, невиновность которых вызывает сомнения у правоохранительных органов. Эти лица могут не выступать в качестве подозреваемого или обвиняемого. Не исключено, что они и не станут таковыми вообще. Такого рода лица по УПК РФ называются по - разному: "лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование" (ст. 213 ч.4); "лицо, привлекаемое к уголовной ответственности" (ст. 318 ч. 5 п. 4); "лицо, в отношении которого подано заявление" (ст. 319 ч.ч.3,4); "лицо, сделавшее добровольное сообщение о совершенном им преступление" (ст. 142 ч.1); "лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера" (ст.133 ч. 2 п.5); "лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения" (ст. 133 ч.3); "свидетель, допрашиваемый об обстоятельствах, могущих быть использованными против него" (ст.56 ч.4 п.1). Презумпция невиновности должна полностью распространяться и на этих лиц, т.к. понятие "обвиняемый" следует понимать в соответствии с Конвенцией по правам человека. Этот термин является более емким. Европейский Суд склоняется при рассмотрении конкретных дел к выбору в пользу "содержательного", а не "формального" понятия "обвиняемый" в тексте п.2 ст.6.6 В свете и целях п.2 ст. 6 Конвенции по правам человека "обвиняемого" можно было бы определить как каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, т.е. всякое лицо, невиновность которого в совершении преступления ставится под сомнение. Так этот вопрос урегулирован в МУПК (ч.ч. 1,2 ст. 23) и УПК РК (ч.ч. 1,2 ст.19).

Необходимо также решить, что следует понимать под терминами: "установленный законом порядок", "в соответствии с требованиями уголовного судопроизводства". Формулировка этого элемента принципа презумпции невиновности в Конституции РФ (ст.49 ч. 1), УПК РФ (ст.14 ч.1), УПК РБ (ст.16 ч.1), УПК РУ (ст.23 ч.1), УПК РК (ст.19 ч.1), УПК КР (ст.15 ч.1), МУПК (ст.23 ч.1) более конкретизирована по сравнению с Международным пактом о гражданских и политических правах и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, где говорится просто о законном порядке признания лица виновным. На первый взгляд может показаться, что данному принципу, сформулированному в международных актах, противоречат правила Конституции РФ (ст.49 ч.1), УПК РФ (ст. 14 ч. 1) и других указанных выше источников, связывающие возможность признания лица виновным с обязательным проведением судебного разбирательства - стадии, где сосредоточены!максимальные гарантии прав и законных интересов личности.⁷ Однако Европейские комиссия и суд по правам человека, толкуя термин "законный порядок" в формулировке презумпции невиновности, данной Конвенцией ("Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком" (ст.6 ч.2), указали, что презумпция невиновности, воплощенная в п.2 ст.6, и различные права, неисчерпывающий перечень которых приводится в п.3 ст.6, являются составными элементами понятия справедливого судебного разбирательства по уголовным делам.⁸ В приложении протокола № 11 к Конвенции по защите прав человека и основных свобод "Заголовки статей, подлежащие включению в текст Конвенции о защите прав человек и основных свобод и Протоколов к ней" указано, что ст.6 должна быть озаглавлена "Право на справедливое судебное разбирательство".⁹А это значит, решение вопроса о том, где признается лицо виновным по УПК РФ не противоречит п.2 ст.6 Конвенции о защите права человека и основных свобод. Тем более, на это указано в ст.11 Всеобщей декларации о правах человека, принятой ООН в 1948 году, где прямо отмечено, что виновность лица устанавливается путем судебного разбирательства.

Практика Европейского суда по правам человека также свидетельствует о том, что лицо признается виновным независимым и беспристрастным судом при справедливом и публичном судебном разбирательстве. В этом отношении характерны решения по делам Адольфа против Австрии, Минелли против Швейцарии и др. 10

Возникает также вопрос, является ли презумпция невиновности объективным правовым положением, выражающим отношение закона к вопросу о виновности привлеченного к уголовной ответственности лица, или она - субъективное мнение отдельных участников процесса по данному вопросу.

Сразу же надо рассеять обычно возникающие относительно презумпции невиновности недоразумения: как же обвиняемый может считаться невиновным до завершения расследования и судебного разрешения уголовного дела, когда он потому и привлечен в качестве обвиняемого, что в отношении его были собраны веские доказательства его виновности. Презумпция невиновности вовсе не является выражением субъективного мнения того или другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности, она является выраженным в законе объективным правовым положением.¹¹ Она не запрещает дознавателю, следователю, прокурору избочличать обвиняемого, доказывать его виновность. Но этот общепризнанный принцип запрещает объявлять обвиняемого, каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, виновным, поступать с ним как с преступником. Так, Европейский суд по делу Минелли против Швейцарии постановил: "Презумпция невиновности нарушается, если ранее виновность обвиняемого не была доказана по закону и, прежде всего, если он не имел возможности осуществить свои права на защиту..."¹² Этот суд также часто заявлял, что предварительное содержание под стражей не должно использоваться в качестве предварительного наказания (решение по делу Летелье от 26 июня 1991 года, решение по делу Томази от 27 августа 1992 года).¹³

Презумпция невиновности как объективное правовое положение означает, что закон считает лицо, привлеченное к уголовной ответственности, невиновным, пока те, кто считает его виновным, не докажут, что он действительно виновен, и его виновность не будет установлена вступившим в законную силу решением суда. Анализ ч.1 ст.14 УПК РФ позволяет выделить два неразрывно связанных между собой признака: 1) признак доказанности виновности в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и 2) признак установления виновности вступившим в законную силу приговором суда. Может показаться, что такая формулировка данного принципа в УПК РФ по сравнению с международными актами ставит обвиняемого в менее выгодное положение, поскольку его формулировка в Международном пакте о гражданских и политических правах (ч.2 ст.14) и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (п.2 ст.6) акцентирует только доказанность (установленность) виновности законным порядком, не связывая этот признак с конкретным решением суда о признании лица виновным. Однако и по международным актам можно сделать вывод, что вопрос о виновности решается в судебном документе, который объявляется публично (п.1 ст.6 Конвенции, ч.1 ст.14 Пакта), т.к. презумпция невиновности является одним из элементов справедливого судебного разбирательства.

Отмечая это, следует заметить, что Европейский суд по правам человека считает, что посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от всех остальных органов государства¹⁴, т.е. сфера применения этого принципа шире: он обязателен не только для уголовного суда.

Поэтому УПК РФ в свете Конвенции по правам человека требует от всех до вступления приговора в законную силу относиться к лицу, привлеченному к уголовной ответственности, не как к виновному в уголовно-правовом смысле. До вынесения обвинительного приговора и

вступления его в законную силу обвиняемый еще не считается законом виновным и поэтому к нему не могут быть применены меры уголовного наказания или, используя фразеологию судебного решения Европейского суда по делу Лутц против ФРГ, меры ему равносильной.¹⁵

В этом отношении примечательно также высказывание Европейского суда по делу Саундерс против Соединенного Королевства, смысл которого заключается в том, что предварительное расследование по объему гарантий прав личности отличается от судебной процедуры, установленной ст.6 Конвенции.¹⁶ Поэтому лицо может быть признано виновным только в судебном порядке со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями.

Принцип презумпции невиновности определяет правовой статус лица, привлеченного к уголовной ответственности, не только в уголовном процессе, но и во всех общественных отношениях, в которых он выступает в качестве субъекта. При отсутствии вступившего в законную силу обвинительного приговора суда за лицом, даже если он содержится под стражей, сохраняются трудовые, семейные и иные права и свободы человека и гражданина. Но из этого признания не вытекает, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, до вступления судебного решения в законную силу, в уголовно-процессуальном смысле считается невиновным.

При наличии обоснованного подозрения о совершении преступления данным лицом предусматривается возможность ограничения некоторых прав этого лица (например, права на свободу передвижения, на личную свободу и т.д.) в предусмотренном законом порядке. Совместимы ли такие меры с презумпцией невиновности? Цель этих правоограничений заключается не в карательном или исправительном воздействии на лицо, привлеченное к уголовной ответственности, а в создании условий для законного и обоснованного разрешения уголовного дела. Наиболее существенное, чем отличаются меры процессуального принуждения от уголовного наказания - их условный, временный характер. Решения о мерах процессуального принуждения исполняются лишь постольку, поскольку существуют обстоятельства, которыми они вызваны. И если данные обстоятельства миновали, то они должны быть отменены.

Из изложенного вытекает, что следователь, дознаватель и прокурор должны устанавливать, доказывать виновность обвиняемого, но объективная доказанность его виновности в стадии предварительного расследования не прекращает действия презумпции невиновности как объективного правового положения, т.к. лицо, привлеченное к уголовной ответственности, по закону в уголовно-правовом смысле считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу решением суда.

На вопрос о том, кто должен считать (признавать) виновным лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, государство или закон, следует ответить, что лицо признается виновным законом, а не государством, т.к. понятие "государство" обычно ассоциируется с правоохранительными органами и их должностными лицами - работниками органов дознания, следователями, прокурорами или судьями. Однако эти органы и должностные лица действуют строго в рамках, установленных законом.

Вопрос о виновности положительно решается не только при вынесении таких решений, как: 1) привлечение лица в качестве обвиняемого; 2) обвинительное заключение; 3) обвинительный акт. Этот вопрос положительно решается при принятии решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. В связи с этим были предложения - запретить освобождение от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования и освобождать от уголовной ответственности только по приговору суда.¹⁷ Прекращение уголовного дела или уголовного

преследования по нереабилитирующим основаниям не означает, что презумпция невиновности после этого полностью прекращает свое действие, и лица, в отношении которых состоялись подробные решения, считаются виновными. В этих случаях имеет место лишь установление виновности лица для целей прекращения дела или преследования, а не признание его виновным в совершении преступления приговором суда.

Здесь уместно сослаться на дело Лутц против ФРГ, анализ которого позволяет сделать вывод о различном решении вопроса о виновности на разных этапах уголовного процесса до судебного разбирательства и во время судебного разбирательства. По данному делу, которое было прекращено в связи с истечением срока давности до судебного разбирательства, Европейский суд поддержал правительство ФРГ в том, что, прекращая дело до судебного разбирательства, остаются серьезные подозрения относительно г-на Лутца в совершении правонарушения и если бы срок давности не истек, то обвиняемый, вероятнее всего, был бы признан виновным и осужден.¹⁸

Признание лица виновным означает его осуждение судом, вынесение в отношении него обвинительного приговора как с назначением, так и без назначения наказания, наступление уголовной ответственности, претерпевание отрицательных последствий принуждения, даже и при освобождении от отбывания наказания, т.е. наступление для виновного уголовно-правовых последствий за совершенное им преступление. Установление же виновности лица не связывается законом с возможностью наступления уголовно-правовых последствий, а влечет только уголовно-процессуальные последствия. Это выражается, например, в том, что такие лица не имеют судимости, не могут именоваться совершившими преступление и т.д.

Практика Европейского суда по правам человека, в частности, предусматривает возможность прекращения дела обвинением на предварительном расследовании по малозначительным преступлениям в случае, если само лицо отказывается от своего права на судебную защиту, либо по иным основаниям, когда расследование не считает возможной передачу дела в суд, однако сам факт прекращения дела не должен повлечь для лица каких-либо последствий, косвенно указывающих на его вину. В этом отношении показательны, например, два противоположных дела. Так, по делу Минелли против Швейцарии при прекращении в связи с истечением срока давности на обвиняемого возложили основную часть издержек и часть расходов частных обвинителей. Европейский суд по данному делу выявил нарушение п.2 ст.6 Конвенции (презумпции невиновности), оценив возложенные расходы как наказание.¹⁹ А вот по делу Лутц против ФРГ Европейский суд, ссылаясь на свое разъяснение Конвенции, что п.2 ст.6 не обязывает Договаривающиеся Государства возместить лицу, обвиняемому в совершении преступлении, его убытки, если уголовное преследование было прекращено,²⁰ не выявил нарушений презумпции невиновности, т.к. отказ от оплаты издержек и расходов г-на Лутца не приближается к наказанию или к мере, равносильной наказанию.²¹

Именно это положение было взято за основу Конституционным Судом РФ при рассмотрении дела о конституционности ст.6 УПК РСФСР. В своем Постановлении от 28 октября 1996 г. Суд отметил, что "решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, в каком это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации".

Прекращение уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям завершает уголовное судопроизводство. Поэтому все задачи уголовного судопроизводства должны быть разрешены к моменту прекращения уголовного дела, что возможно только в том случае, если такие преступления будут действительно раскрыты,²² а лица, их совершившие, изобличены. Поэтому виновность этих лиц должна быть бесспорно установлена, доказана.

Запретить освобождение от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования по той причине, что орган дознания, следователь, прокурор решают вопрос о виновности, нельзя, т.к. эти органы решают указанный вопрос и при привлечении лица в качестве обвиняемого, при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта.

Освобождение от уголовной ответственности только по приговору суда ведет к моральным страданиям граждан, для исправления которых не требуется применения мер уголовного наказания, ибо они лишаются такой возможности как прекращение уголовного дела или преследования на более ранних этапах. У лица, в отношении которого прекращается производство по делу, должен быть выбор: либо его освобождают от уголовной ответственности до судебного разбирательства, либо вопрос о виновности решается в приговоре. Таким образом, встает вопрос о расширении действия диспозитивности в уголовном процессе. УПК РФ предусмотрел нормы (ч.3 ст.213, ч.2 ст.27, п.п.3 и 6 ч.1 ст.24, ст.25, 26, 28, п.п.3,6,7 ч.1 ст.27, ч.6 ст.427), согласно которым орган дознания, следователь, прокурор при прекращении производства по нереабилитирующему основанию должен спрашивать на это согласие лиц, интересы которых затрагиваются при этом.

Следует определить пределы действия презумпции невиновности, на каких стадиях процесса действует презумпция невиновности, когда следует считать ее опровергнутой. Эти вопросы решаются по-разному. Одни авторы таким моментом считают вступление в силу обвинительного приговора,²³ другие - формирование у следователя убеждения в виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица.²⁴ В.П. Нажимов высказал оригинальное мнение по этому вопросу. Он считает, что уголовно-процессуальная презумпция ограничивается не временем вступления приговора в законную силу, а моментом процессуального оформления органом расследования, прокуратуры и суда своего окончательного вывода по вопросу виновности обвиняемого (для органа расследования - это момент составления обвинительного заключения, для прокурора - утверждение обвинительного заключения, для суда первой инстанции - вынесение обвинительного приговора, для кассационного суда - вынесение кассационного определения, а для надзорного суда - вынесения решения об оставлении обвинительного приговора в силе).²⁵ В литературе выдвигаются также позиции, что принцип презумпции невиновности осуществляется во всех стадиях уголовного процесса,²⁶ кроме стадии исполнения приговора.²⁷

По смыслу закона (ч.1 ст.14 УПК РФ) виновность может быть установлена вступившим в законную силу приговором. Поэтому презумпция невиновности действует на протяжении всего производства в апелляционной и кассационной инстанциях, т.к. здесь проверяется приговор, не вступивший в законную силу. В случае признания обвинительного приговора обоснованным и законным апелляционная и кассационная инстанция оставляют его без изменения, а жалобу или представление - без удовлетворения. Презумпция невиновности с этого момента перестает действовать. Приговор считается законным, обоснованным и справедливым и обращается к исполнению. Но если суд кассационной инстанции отменяет приговор и направляет уголовное дело на новое судебное рассмотрение (ч.1 ст.378 УПК РФ), презумпция невиновности действует до тех пор, пока в общем порядке вновь не будет установлена виновность лица вступившим в законную силу приговором.

В уголовном процессе судебные ошибки могут быть исправлены и после вступления приговора в законную силу. Этому служат стадии пересмотра дел в порядке надзора и ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. То обстоятельство, что речь идет о вступивших в законную силу приговорах, дает некоторым авторам основания заключать, что здесь действие презумпции невиновности исключается и на смену ему заступает презумпция истинности приговора.²⁸ Ч.С. Касумов занимает иную позицию в данном вопросе. Он отмечает, что в

надзорном производстве презумпция истинности приговора продолжает действовать (поскольку приговор еще только проверяется, он не отменен), но уже вместе с презумпцией невиновности.²⁹

Вступление приговора в законную силу означает его обязательность и неукоснительность исполнения на всей территории РФ (ст.392 УПК РФ), а не то, что он приобретает силу закона, ибо в таком случае его изменение судебными органами было бы невозможно, а должно было бы осуществляться одним лишь законодателем. Обязательность и неукоснительность исполнения вступившего в законную силу приговора означает, что оно подлежит исполнению в точном соответствии со своим содержанием и какие бы то ни было изменения, затрагивающие существо этого решения, могут вноситься в него только в установленном законом судебном порядке. Когда после приобретения приговором законной силы процесс завершается, презумпция невиновности прекращает свое действие, и ей на смену приходит принцип обязательности исполнения вступившего в законную силу судебного решения. Если же процесс возобновляется и вновь решается вопрос о виновности или невиновности, т.е. виновность лица ставится под сомнение, то об отказе от презумпции невиновности речи быть не может, несмотря на то, что в деле имеется приговор, вступивший в законную силу.³⁰

В УПК РФ должна быть предусмотрена норма,³¹ дающая возможность приостановить исполнение вступивших в законную силу судебных решений при их пересмотре в надзорной инстанции и ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, так как одновременно действовать эти принципы не могут.

Единственной стадией уголовного процесса, где презумпция невиновности теряет свое значение, является стадия исполнения приговора, т.к. в ней виновность лица не ставится под сомнение, а она считается полностью доказанной.³²

Итак, сравнительный анализ положений нового российского УПК с позиций международных норм и стандартов позволяет предложить следующую редакцию определения презумпции невиновности: каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, считается законом невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном порядке и установлена вступившим в законную силу судебным решением (приговором, решением апелляционной, кассационной, надзорной инстанций, суда при рассмотрении дела о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).³³

Литература и примечания

1.

См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации /Сост. С.А. Пашин. - М., 1992. - С.42. 2.

См.: Хартия прав человека: Всеобщая декларация прав человека (п.1 ст.11); Международный пакт о гражданских и политических правах (п.2 ст.14); Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (п.2 ст.6), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (п.2 ст.6). 3.

См.: УПК Беларусь - УПК РБ (ст.16); УПК Республики Узбекистан - УПК РУ (ст.23); УПК Республики Казахстан - УПК РК (ст.19); УПК Кыргызской Республики - УПК КР (ст.15). 4.

См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М., 1956. - С. 182; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. - М., 1955. - С.183-184; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовного процесса. - М., 1960. - С. 114; Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. - Ярославль, 1978. - С.44; Савицкий В.М. Проблемы социалистического правосудия в свете Новой Конституции СССР. - В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. - М., 1978. - С.10. Аналогичное определение дает И.А. Либус в кн.: Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. - Ташкент, 1981. - С.56; Петрухин И.Л. Презумпция невиновности - конституционный принцип советского уголовного процесса. - Советское государство и право, 1978, №12. - С.18; Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. - М., 1980. - С.73; Касимов Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве. - Баку, 1984. - С.24; Мажинян Дж.Р. Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления. - Ереван, 1989. - С.28; Гуляев А.П. В кн.: Комментарий к УПК РФ/ Под общ. ред. В.В. Мозякова. - М., 2002. - С.55-57; Шварц О.А. В кн.: Конституция РФ: Проблемный комментарий./ Отв. ред. В.А. Четвернин. - М., 1997. - 279 - 284; Ларин А.М. В кн.: Конституция РФ: Научно-практический комментарий./ Под. ред. акад. Б.Н. Топорнина. - М., 1997. - С.331-334; Вандышев В.В. Уголовный процесс. Конспект лекций. - СПб, 2002. - С.30; Смирнов А.В. В кн.: Комментарий к УПК РФ/ Под ред. А.В. Смирнова. - СПб, 2003. - С.86-88; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. - М., 2003. - С. 44, 91-103, и др. 5.

См.: Петрухин И.Л. Указ. соч., с.18; Касимов Ч.С. Указ. соч., с.24; Шварц О.А. Указ. соч., с.280; Гуляев А.П. Указ. соч., с.56. 6.

См.: Решения по делу Девеер против Бельгии, по делу Лутц против ФРГ, по делу Фенке против Франции, по делу Аллене де Рибемон против Франции, по делу Саундерс против Соединенного Королевства (См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения в 2-х т. Т.1. М., 2000 - С.308 - 310, 543, 790; Т.2. М., 2000 - С.87, 312 - 313). 7.

См.: Гуляев А.П. Комментарий к УПК РФ/ Под общ. ред. В.В. Мозякова. - М., 2002. - С.51. 8.

См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1., М., 2000. - С.315. 9.

Там же, с.710. 10.

См.: Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). Пер. с англ. - М., 1997. - С.438-444, 446. 11.

Заслугой М.С. Строговича является отстаивание им понимания принципа презумпции невиновности как объективного правового положения (См.: Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. - М.; Л., 1947. - С.236). 12.

См.: Дженис М. и др. Указ. соч., С.446. 13.

См.: Европейский суд по правам человека... - С.699, 757. 14.

См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.2, М., 2000. - С.87. 15.

См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1, М., 2000. - С.545. 16.

См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.2., М., 2000. - С.313-17.

См.: Савицкий В.М. Правосудие и личность. - Советское государство и право, 1983, №5, с.59-60; Нажимов В.П. Право обвиняемого на защиту и презумпция его невиновности в советском уголовном процессе. - В кн.: Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Вып. 10. - Калининград, 1982, с.15; Ларин А.М. Презумпция невиновности. - М., 1983, с.119; Гуляев А.П. В кн.: Комментарий к УПК РФ /Под общ. ред. В.В. Мозякова. - М., 2002. - С.56; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Указ. соч., с.92-93 и др. 18.

См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т.1., М., 2000. - С.545-19.

Там же, с.545. 20.

Там же, с.545. 21.

Там же, с.545. 22.

См.: Шварц О.А. Указ. соч., с.283; Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ/ Под ред. А.В. Смирнова. - СПб., 2003. - С.528, 531. 23.

См.: Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. - М., 1978, с.74; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Указ. соч., с.44. 24.

См.: Полянский Н.Н. Указ. соч., с.187 25.

См.: Нажимов В.П. О презумпции невиновности в уголовном процессе и о суде присяжных //Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. - Калининград, 1991. - С.73. 26.

См.: Касумов Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве. - Баку, 1984. - С.117-122. 27.

См.: Мажинян Дж.Р. Указ. соч., с.124. 28.

См.: Темушкин О.П. Ука. Соч., с.74; Бабаев В.К. Презумпция в советском праве. - Горький, 1974. - С.119; Перлов И.Д. Надзорное производство в уголовном процессе. - М., 1974. - С.34; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Указ. соч., с.129 - 140. 29.

См.: Касумов Ч.С. Указ. соч., с.122. 30.

См.: Мотовиловер Я.О. О сущности, гарантийном значении и пределах действия презумпции невиновности в советском уголовном процессе //Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. - Ярославль, 1984. - С.14. В связи с этим нельзя согласиться с мнением Дж.Р. Мажинян по данному вопросу (см.: Указ. соч., с.121-124). 31.

В УПК РСФСР была ст.372, которая предусматривала приостановление исполнения судебного решения. 32.

Нельзя согласиться по этому вопросу с Ч.С. Касимовым (см.: Указ. соч., с.117) и А.А. Любавиным (см.: Процессуальный порядок разрешения дел в стадии исполнения

приговора //В кн.: Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. - Томск, 1963, с.105-106. 33.

В связи с этим следует обратить внимание на ст.20 проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, подготовленного Всесоюзным научно-исследовательским институтом по проблемам укрепления законности и правопорядка, где отмечено, что виновность устанавливается вступившим в законную силу судебным решением (см.: Соц. законность, 1990, №3, с.37).

Васильева Е.Г. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Е.Г. Васильева - канд. юрид. наук, ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Конституция РФ провозгласила: "Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность" (ч.1 ст.22). При уяснении данной конструкции, сразу возникает вопрос: каково же соотношение понятий "свобода" и "неприкосновенность"? Представляется, что, прежде всего, необходимо разграничить такие понятия, как "личная свобода" и "свобода личности". Первое, по нашему мнению, означает свободу моральную, нравственную и физическую, второе - более широкое - общую свободу, включая возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов общества. Учитывая же месторасположение указанной статьи в Конституции РФ, а также совокупность содержащихся в ней норм, можно прийти к выводу, что она (статья) оперирует более узким понятием, т.е. "личной свободой".¹ Проблематика нашей статьи, помимо "личной свободы" и "свободы личности", требует введения еще более узкого понятия - понятия "индивидуальной свободы".² Под последней, в нашем случае, мы понимаем возможность человека по своему усмотрению определять место пребывания, свободу передвижения, право на отсутствие наблюдения или охраны.

Рассмотрим теперь соотношение неприкосновенности личности и личной свободы. Данные понятия не являются ни тождественными, ни взаимосодержащими.³ В философии существует концепция о существовании двойной, так называемой, "позитивной" и

"негативной" свободы. Первая предполагает свободу, позволяющую что-либо, вторая - свободу от принуждения.⁴ В аспекте этой концепции право на личную свободу может рассматриваться как право на такое состояние, при котором человек может распоряжаться собой, своим телом, психикой, нравственностью, безопасностью по своему усмотрению, в рамках, ограниченных лишь правами других лиц, а неприкосновенность личности - как право на такое состояние, при котором не допускается стеснение моральной, нравственной, физической и иной целостности⁵ человека путем принуждения со стороны государства, должностных лиц, остальных граждан. Личная свобода и неприкосновенность личности, таким образом, - двуединая основа психофизической целостности и автономии личности.

Человек в обществе ограничен определенными рамками. Внешние границы рамки (неприкосновенность личности) защищают его от вторжения общества, государства, других людей в его свободное состояние, внутренние границы (личная свобода) - напротив, не позволяют человеку распоряжаться своими правами в ущерб остальным.

Неприкосновенность личности охватывает лишь сферу деятельности общества (отдельного его индивидуума, группы индивидуумов) в отношении конкретного лица, а не его собственную деятельность. Неприкосновенность личности охватывает многие права: право на жизнь, право на здоровье, право не подвергаться пыткам и т.д. Но не подменяет их, а означает запрет какого бы то ни было внешнего влияния на них без собственной (личности) на то воли (разрешения), т.е. своеобразную "охранительную оболочку". В этом смысл неприкосновенности личности. Понятие личной свободы, как второе составляющее автономии личности - наоборот, определяется его деятельностью, и не охватывает деятельности "извне". Человек постоянно находится в контакте с иными людьми, механизмами, силами природы и т.д. Этот контакт не проходит для него бесследно: человек постоянно испытывает на себе их влияние (физическое, психическое и пр.). Признание возможным некой "абсолютной" неприкосновенности и ее добровольного ограничения привело бы к выводу о практической невозможности реальной, сколько-нибудь продолжительной неприкосновенности, это понятие стало бы аморфным.

Итак, пока человек существует и действует в соответствии с собственной волей, без принуждения, он неприкосновенен. Но как только воздействие на него осуществляется принудительно (помимо его воли), неприкосновенность ограничивается (если принуждение правомерно), либо нарушается (если принуждение неправомерно).

Отсутствие законодательного определения неприкосновенности личности закономерно породило противоречивые позиции по данному вопросу. Их анализ позволил выявить следующее:

1. Существуют две отправные точки зрения по проблеме определения неприкосновенности личности - узкое и широкое толкование данного принципа. А) При узком толковании под неприкосновенностью личности понимают такое построение и осуществление уголовного судопроизводства, при котором никто не может быть подвергнут аресту иначе, как на основании судебного решения или с санкции прокурора.⁶ Причиной образования подобных суждений явилось как отсутствие четкого законодательного определения признаков неприкосновенности личности,⁷ так и прослеживаемая в большинстве международных актах тенденция соседства данного принципа с правом каждого на защиту от произвольных арестов. Именно в узком понимании дает свое определение и Конституционный Суд РФ: "конституционное право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти".⁸

Б) При широком толковании происходит отход от рассмотренной выше позиции в сторону расширения предполагаемого объема неприкосновенности личности. На наш взгляд, именно

такое понимание отвечает сегодняшним требованиям. Когда комитету по правам человека по делу "Э. Делгадо Паэс против Колумбии" (№195\1985)⁹ пришлось столкнуться с проблемой толкования термина "личная неприкосновенность", он после тщательного обсуждения вопроса, взвесивая все "про" и "контра", принял консенсусом широкое толкование этого термина.¹⁰ Согласно ч.1 ст.55 Конституции РФ перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.¹¹ В.М. Корнуков по этому поводу справедливо заметил:

"возможность ограничения неприкосновенности личности сопряжена как с производством ареста, так и с применением других мер процессуального принуждения. Но поскольку арест из всех возможных принудительных действий более всего стесняет личную свободу, Конституция и соответствующие нормативные акты уголовно-процессуального права, закрепляя принцип неприкосновенности личности, формулируют условия ограничения личной свободы только при его применении... Условия же применения других принудительных мер, стесняющих личную свободу, находят свое выражение непосредственно в нормах, предусматривающих применение этих мер".¹²

2. Все ученые, разделяющие вторую позицию, сходятся на том, что неприкосновенность личности представляет собой сложное понятие, образующееся из системы базовых составляющих. При ответе на вопрос - что же конкретно охватывается этим общим понятием - такого единодушия нет. Прежде всего, это можно объяснить отсутствием единого употребления терминов в нормативных актах различного уровня. Встречаются, например, такие сочетания (противопоставления) прав и свобод: "право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность",¹³ "право на свободу и личную неприкосновенность",¹⁴ "право на жизнь и личную неприкосновенность",¹⁵ "физическое и психическое здоровье и неприкосновенность лиц",¹⁶ "посягательство на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц",¹⁷ "право на личную свободу и безопасность",¹⁸ "право на жизнь, на физическую и моральную неприкосновенность... на свободу и безопасность".¹⁹

Среди базовых составляющих общего принципа неприкосновенности личности, поэтому называют: физическую (телесную) неприкосновенность (И.Л. Петрухин,²⁰ З.Д. Еникеев,²¹ В.А. Патюлин,²² Р.Х. Ильясов,²³ Н.Н. Короткий,²⁴ В.М. Корнуков,²⁵ Ю.И. Стецовский,²⁶ О.Е. Кутафин,²⁷ Е.А. Лукашева²⁸), психическую неприкосновенность (И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев, Е.А. Лукашева), нравственную неприкосновенность - честь и достоинство (И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев, В.А. Патюлин, Н.Н. Короткий, О.Е. Кутафин, Е.А. Лукашева), духовную неприкосновенность (Ю.И. Стецовский, О.Е. Кутафин), половую неприкосновенность (И.Л. Петрухин), индивидуальную личную свободу (И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев, В.А. Патюлин, Р.Х. Ильясов, Н.Н. Короткий), личную безопасность (И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев, О.Е. Кутафин, В.А. Патюлин, А.М. Баранов и П.Г. Марфицин²⁹), право свободного передвижения и выбора занятий (В.М. Корнуков), отсутствие контроля (Ю.И. Стецовский), возможность свободно располагать собой (В.А. Патюлин, Р.Х. Ильясов, Ю.И. Стецовский, Е.А. Лукашева).

Некоторые из указанных компонентов включают в себя другие, что осложняет уяснение содержания и структуры неприкосновенности личности. Так, физическая неприкосновенность включает в себя наряду с телесной, также половую неприкосновенность; психическая - духовную ("дух" - сознание, мышление, психические способности³⁰), индивидуальная свобода - право свободного передвижения. Право выбора занятий и возможность располагать собой - слишком емкие понятия, не имеющие конкретного содержания: сюда можно отнести и свободу передвижения, и право избирать и быть избранным и т.д. и т.п.

Поэтому, на наш взгляд, изложить структуру (вычленив базовые компоненты) можно следующим образом: 1) Физическая неприкосновенность (предполагает защиту от насилия, опасного для жизни и здоровья, насилия, не опасного для жизни и здоровья,³¹ охрану половой свободы); 2) Нравственная неприкосновенность (защита чести и достоинства личности); 3) Психическая неприкосновенность (защита нормального течения психических процессов); 4) Индивидуальная свобода (защита права по своему усмотрению определять место пребывания, свободу передвижения, право на отсутствие наблюдения или охраны); 5) Общая свобода действий (защита действий, не охватываемых формализованным правом); 6) Личная безопасность (обеспечение отсутствия угрозы причинения вреда).

3. В зависимости от того, что авторы выдвигают на первый план при конкретном формулировании понятия, под неприкосновенностью личности понимается: 1) Совокупность базовых составляющих, как таковых (Ю.И. Стецовский, Р.Х. Ильясов, Е.А. Лукашева) - по нашему мнению, такое определение не указывает на взаимосвязь, общность входящих в неприкосновенность личности элементов. 2) Определенное состояние правопорядка и положение человека в обществе (Н.Н. Короткий) 3) Определенное построение и осуществление уголовного судопроизводства, порядок производства по уголовным делам (С.В. Долгоруков, Ю.Д. Лившиц³²). 4) Совокупность гарантий и средств обеспечения (В.М. Корнуков, В.А. Патюлин) - в данном случае, как и в двух предыдущих, происходит отрыв понятия неприкосновенности личности от самого человека, его прав. 5) Гарантированная государством личная безопасность и свобода гражданина (И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев) - при таком определении "свободу" следует рассматривать как понятие, охватывающее все остальные элементы неприкосновенности личности, за исключением личной безопасности. 6) Право на защиту от противоправных посягательств на личную безопасность (О.Е. Кутафин, А.М. Баранов, П.Г. Марфицин) - на наш взгляд, право на защиту - это не право "на постоянное обладание", получается, пока посягательств нет, а следовательно, и нет защиты, то и нет реализации неприкосновенности личности. Поэтому мы придерживаемся, как уже отмечали выше, того мнения, согласно которому под правом на неприкосновенность личности понимается определенное, гарантированное государством, состояние человека.

4. Подобно ученым-процессуалистам, практические работники также не имеют общего мнения о том, что же понимается под неприкосновенностью личности. По данным, полученным нами в ходе опроса 261 работника дознания, следователя, прокурора, 33% из них придерживаются мнения, что под неприкосновенностью личности необходимо понимать недопустимость в процессе осуществления уголовного судопроизводства противоправных посягательств от кого бы то ни было на личную безопасность гражданина, его свободу, жизнь, здоровье, честь и достоинство. Как право на индивидуальную свободу неприкосновенность личности понимают 13,8% опрошенных; 24,5% - в соответствии с частью 2 ст.22 Конституции РФ (т.е. как право не подвергаться произвольному задержанию, аресту или заключению под стражу); 28,7% от общего числа опрошенных рассматривают неприкосновенность личности как право каждого на защиту от всякого посягательства на личную безопасность гражданина, его права и свободы.

5. Характерно мнение опрошенных нами 107 осужденных к лишению свободы, т.е. лиц, чья неприкосновенность уже подверглась определенным ограничениям. В их числе 14% вообще не знают о существовании такого права. Другие формулируют его различно: как охрану личности законом и государством (19,7%), как право на свободу (17,4%), как право ни в чем не быть ограниченным (8,7%), как презумпцию невиновности (5,4%). Встречаются и такие ответы, как, например, "все должны меня уважать", "нельзя меня трогать руками", "надеюсь, что она есть" и т.п. Таким образом, никто из опрошенных нами осужденных не осведомлен в полной мере о праве на неприкосновенность личности.

Опираясь на изложенные выше результаты анализа, мы пришли к выводу, что наиболее обоснованным является определение права на неприкосновенность личности, данное И.Л. Петрухиным: это гарантированная государством личная безопасность и свобода гражданина, как и любого человека вообще, состоящая в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на физическую, нравственную, психическую неприкосновенность и личную безопасность.³³ Такое определение выгодно отличается от других тем, что содержит в себе перечень базовых составляющих (соответственно определяется и структура неприкосновенности личности), и обращает внимание на наличие гарантий, обеспечиваемых государством. Однако хотелось бы отметить и некоторые недостатки данного определения.

Во-первых, согласно логическому правилу, определение не должно "заключать в себе круга".³⁴ В рассматриваемом определении присутствует нарушение разновидности этого правила: определяющие понятия "личная безопасность" и "неприкосновенность" являются повторением определяемых.

Во-вторых, И.Л. Петрухин понимает под личной безопасностью пресечение и недопущение посягательств на индивидуальную свободу человека, выражающуюся в предоставленной ему возможности располагать собой и по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной.³⁵ На наш взгляд, индивидуальная свобода, предполагающая указанные выше возможности, не совпадает по значению с личной безопасностью и является самостоятельным элементом расширенного понятия неприкосновенности личности. Исходя из семантического значения слова безопасность ("вне опасности"), а также из определений, данных словарем русского языка, "безопасность - положение, при котором не угрожает опасность", "опасность - способность вызвать, причинить вред, несчастье; угроза чего-нибудь опасного" мы пришли к выводу, что словосочетание "личная безопасность" предполагает, прежде всего, отсутствие угрозы причинения вреда личности. Т.е. акцент ставится не на какую-либо конкретизацию возможного вреда, а на отсутствие угрозы его причинения. От базового элемента "психическая неприкосновенность" личная безопасность отличается тем, что при ней возникает угроза без какой-либо связи с деятельностью человека - "угроза без заставления" (сделать или воздержаться от каких-либо действий), тогда как психическая неприкосновенность связывается с "угрозой для заставления".

В-третьих, исследуя базовые компоненты неприкосновенности личности, имеет смысл отметить также и такую категорию, как "общая свобода действий". Несмотря на то, что осуществление формальных основных прав исторически находится под особой защитой, концепция правового государства требует охраны всех выражений свободы действий вне зависимости от того, закреплены они формально или нет. Поэтому общая свобода действий, проявляющаяся лишь тогда, когда формализованные права не охватывают возможные поступки, также подлежит защите государством.

В-четвертых, большинство процессуалистов справедливо исходят из того положения, согласно которому право на неприкосновенность личности может быть правомерно ограничено. Если же признать, что это право (через свободу и безопасность) состоит в ограждении и защите от посягательств, то его ограничение будет означать допуск таких посягательств, хотя бы и в исключительных случаях. Выход из этой ситуации может быть двояким: либо отнести такое определение к принципу неприкосновенности личности, либо расширить понятие "посягательство" в аспекте определения неприкосновенности личности. То есть исходить не из общепринятого его толкования, как активного, преднамеренного и прямо направленного на незаконное ущемление охраняемого блага действие со стороны государственных органов и должностных лиц, а из более широкого определения данного термина, сформулированного в правовой литературе: "в качестве посягательства следует

расценивать любое обусловленное волей поведение - действие или отказ от действия со стороны государственных органов, которые имеют своим следствием прогнозируемое нарушение охраняемого блага... как посягательство следует рассматривать и законные ограничения возможности действия, являющиеся первичными по отношению к действию направленной полицейской или уголовно-правовой меры".³⁶

Принципы (от лат. *principium* - начало, основа) права, согласно их традиционному пониманию, представляют собой руководящие идеи, его сущность и назначение в обществе. Это наиболее общие нормы, которые действуют во всей сфере правового регулирования и распространяются на всех субъектов.³⁷ Принцип, как ведущая идея, как исходное положение, характеризующее содержание той или иной отрасли права (в нашем случае это уголовное судопроизводство), не может быть ограничен. Не каждый уголовно-процессуальный принцип проявляется одинаково на каждой стадии уголовного судопроизводства, но там, где возникают отношения, которые должны быть им урегулированы, он не подлежит никаким ограничениям. Конституция РФ своими положениями допускает ограничение прав (ч.3 ст.55), но не принципов.

С учетом изложенного, мы полагаем, что принцип неприкосновенности личности может рассматриваться как недопустимость (запрещение) любого противоправного посягательства на физическую, нравственную и психическую целостность, индивидуальную свободу, общую свободу действий и личную безопасность при осуществлении уголовного судопроизводства. Право на неприкосновенность личности - это такое гарантированное государством состояние человека, при котором его психофизическая целостность и автономия личности свободны от принуждения. Согласно части 3 ст. 55 Конституции РФ, такое право может быть правомерно ограничено.

Литература и примечания

1. См. об этом: Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М. 1999. С. 251. 2.

Употребляя термины "свобода личности", "личная свобода" и "индивидуальная свобода", мы не претендуем на исключительность, точность их конкретного определения, пользуясь ими лишь в силу необходимости разграничения различных уровней и сфер свободы личности для нашего исследования. Об ином понимании этих понятий см., например: Джон Стюарт Милль. О свободе. С-Пб. 1906. 3.

Имеются и иные точки зрения на этот счет. Так, Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации в ст. 10 ч. 2 закрепила положение, согласно которому каждый человек имеет право на личную свободу, в частности (курсив наш - Е.В) на физическую и психическую неприкосновенность и на свободу передвижения (См.: Конституции зарубежных государств // Сост. Проф. В.В. Малков. М. 2000. С. 228). 4.

См.: Peter M.R. Stirk and David Weigall. An Introduction to Political ideas. London. 1995. 5.

Конституция Федеративной Республики Бразилия гарантирует право заключенного на уважение его физической и моральной неприкосновенности (ст.5 п.XLIX). При этом слово "неприкосновенность" выражается через бразильское "Integridade", что буквально означает "целость, целостность, неприкосновенность, полнота" (См.: Конституции зарубежных государств. М. 2000. С. 410). 6.

См., например: Новый энциклопедический словарь. М. 2001. С. 800; Долгоруков С.В. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 1985. С. 52; Уголовно-процессуальное право РФ. Отв. ред. П.А. Лупинская. М. 2000. С. 127; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. 1968. Т.1. С.59; Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. М. 1997. С.26 и др. 7.

См.: Международные акты. М. 2000. С. 40, 56, 540; СЗ РФ 1999. № 13. Ст. 1489 и др. 8.

Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 220-1 и ст. 220-2 УПК РСФСР в связи с жалобой В.А. Аветяна от 3 мая 1995 г. // Рос. газета. 1995. 12 мая. 9.

См.: ООН. Доклад Комитета по правам человека. 45-ая сессия. Нью-Йорк. 1990. 10.

Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М. 1991. С. 158. 11.

Лучшим образом эту мысль выразил Международный пакт о гражданских и политических правах: "никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека не допускается под тем предлогом, что в указанном Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшей мере" (ч. 2 ст. 5) (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 55). 12.

См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов. 1978. С. 39. 13.

Ст.3 Всеобщей декларации прав человека (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 40). 14.

Ст.9 Международного Пакта о гражданских и политических правах, ст. 16 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (См.: Межд. акты. М. 2000. С.56, 365). 15.

Ст. 5 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 407); Ст.2 п.2 Основного Закона ФРГ (См.: Конституции зарубежных государств. М. 2000. С.68). 16.

Ст.11 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 469). 17.

Ст.1 Европейской конвенции о пресечении терроризма (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 603). 18.

Ст.7 Американской конвенции о правах человека (См.: Межд. акты. М. 2000. С. 722). 19.

Ст.15, ч.1 ст.17 Конституции Королевства Испания (См.: Конституции зарубежных государств М. 2000. С. 175 - 176). 20.

См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. 1985. С.35. 21.

См.: Еникеев З.Д. Проблема усиления гарантий неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве // Рос. юридический журнал. 1997. № 3. С. 68 - 74. 22.

См.: Патюлин В.А. Неприкосновенность личности как правовой институт // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 18. 23.

См.: Ильясов Р.Х. Судебная практика Верховного Суда РФ в обеспечении прав личности в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 1998. С. 55. 24.

См.: Короткий Н.Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. М. 1981. С.14. 25.

См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов. 1978. С. 39. 26.

См.: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М. 1999. С.101. 27.

См.: Юридический словарь. М. 1987. С. 249. 28.

См.: Права человека. Учебник для вузов. Отв. ред. Е.А. Лукашева. М. 1999. С.145. 29.

См.: Баранов А.М., Марфицин П.Г. Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов // Ресурс: <http://lawtech.agava.ru/pub/buppdic/g0000125.htm> 30.

См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1985. С.157. 31.

О том, что следует понимать под насилием, опасным и не опасным для жизни и здоровья, см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о грабеже и разбое" // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961 - 1996. М. 1997. С.205. 32.

Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. 1964. С.74. 33.

См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. 1985. С.35. 34.

См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М. 2001. С.51. 35.

См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М. 1985. С.35. 36.

См.: Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экштайн К.А. Научно-практический комментарий к гл. 2 Конституции РФ "Права и свободы человека и гражданина". М. 2000. С. 41. 37.

См.: Теория государства и права. Под ред. В.М. Корельского. М. 1998. С. 237.

Даровских С.М. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

С.М. Даровских - канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета "Экономика и право" Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Конституция РФ провозгласила, что судопроизводство в РФ осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 126 Конституции).

Принцип состязательности в уголовном процессе представляет собой такое положение, при котором в судебных стадиях присутствуют стороны защиты и обвинения, обладающие равными правами, осуществляющие разные процессуальные функции, отделенные от функции суда, путем противоборства друг другу при активном участии суда, восполняющего усилия сторон, в целях установления истины по данному делу.

Особенность рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей, состоит в том, что вопрос о виновности или невиновности подсудимого выносят не судьи - профессионалы, а такие же граждане как сам подсудимый. Решения принимаются не на основании норм закона, а на основании представлений присяжных о справедливости, их житейского опыта и здравого смысла. Суд с участием присяжных заседателей представляет собой еще одну форму реализации права гражданина участвовать в отправлении правосудия, фактически это одна из форм контроля общественности за данным видом деятельности. Данный особый вид судопроизводства предполагает разделение задач в процессе: присяжные решают вопросы факта (было преступное деяние или нет, совершил или не совершал его подсудимый, виновен он или нет), а судья-профессионал решает правовые вопросы (вопросы юридической оценки деяния).¹ Некоторые ученые, например, В.В. Мельник, М.В. Немытина² высказывают мнение, что полностью отделить вопросы факта и вопросы права, невозможно, так как они тесно между собой переплетаются. Верховный Суд предлагает использовать в вопросных листах только общеупотребительные выражения, и запрещает ставить вопросы в вероятностной, предположительной форме.³ И если второе предложение возражений не вызывает, то относительно первого согласиться нельзя, поскольку многие юридические термины понятны и используются лицами не имеющими юридического образования. В литературе так же высказывались предложения о необходимости определения юридических терминов, понятных присяжным заседателям либо предоставления им права принимать решение о виновности подсудимого во всем его объеме, как по фактическим, так и по правовым признакам состава преступления.⁴ Нам это не представляется нецелесообразным, так как, во-первых, закон не отличается стабильностью, что потребует постоянных дополнений в этот перечень юридических терминов, иначе присяжные не смогут разрешить некоторые категории уголовных дел. Во-вторых, потребуются проведение с присяжными занятий по ликвидации их юридической безграмотности, либо повышения того уровня

правовых познаний, которыми они обладают. Указанные действия не совсем безобидны, поскольку не позволят воспринимать присяжных как совершенно незаинтересованных в определенном судебном решении, лиц.

Вердикт присяжных не мотивирован и поэтому причина, почему присяжные пришли к тому или иному решению, остается невыясненной. Недостаток информации об обстоятельствах дела и недостаток правовых знаний присяжных может влиять на окончательное решение по уголовному делу, которое выносит судья-профессионал. Для разрешения этой проблемы в науке высказывался ряд предложений: во-первых в случаях, когда подсудимому грозит наказание в виде смертной казни либо пожизненного заключения либо заключения на длительный срок, более 15 лет, мера наказания должна определяться судьей вместе с присяжными заседателями.⁵ Данное предложение, основанное на опыте зарубежных стран, в частности США, не представляется конструктивным. Присяжные высказали свое мнение, изменить которое уже не вправе, поэтому их роль нахождения в совещательной комнате с судьей неясна, противоречит закону и сложившейся практике. Иное мнение, относительно изменения порядка вынесения обвинительного вердикта с указанием на то, что обвиняемый заслуживает снисхождения в целях постановки законного и обоснованного приговора,⁶ требует внимания. Вынося вердикт и высказывая мнение относительно меры наказания, присяжные не обладают информацией о личности подсудимого. Если после оглашения обвинительного вердикта присяжным будут сообщаться данные о подсудимом, которые ранее им не были известны (о его прежних судимостях, отрицательных характеристиках), после чего присяжные вновь в совещательной комнате будут решать вопрос о проявлении снисхождения к подсудимому, то их решение будет уже обдуманым и справедливым. Данный порядок позволит судье выносить приговор на основании обвинительного вердикта и реально учитывать обстоятельства как отягчающие ответственность, так и смягчающие ее.

В соответствии с действующим законодательством суд присяжных рассматривает уголовные дела подсудные судам субъектов РФ, что в соответствии со ст.31 УПК РФ составляет более 40 составов. Исследования, проведенные учеными, показывают, что количество дел рассматриваемых судом присяжных в России пока увеличивается из года в год. По данным, представленным А. Шурыгиным в регионах, где действует суд присяжных, в 1994 году было заявлено ходатайств о рассмотрении дел судом присяжных по 20,4% от всех дел поступивших в суды. В 1995 году эта цифра составила уже 30,9%, в 1996 -38,5%, в 1998 году - 43,2% в 1999 году- 44 % ходатайства.⁷ Увеличивается и количество лиц, в отношении которых судом присяжных вынесены приговора, если в 1994 году их было 241, то в 1999 году- 867 человек.⁸ В других странах мира, по данным С.В.Боботова⁹ количество уголовных дел, рассматриваемых, судом присяжных из года в год уменьшается: в США- 7,6%, в Англии- 3%, во Франции - менее 1 % от общего числа дел.

Рост уголовных дел, рассматриваемых судом присяжных в России, объясняется рядом причин. Во-первых, тем, что данный суд начал действовать только фактически с 1994 года, т.е. 6 лет. Во-вторых, сложная процессуальная форма данного суда обеспечивает двойную защиту от обвинительного уклона, ошибочных решений, выносимых профессиональными судьями. В-третьих, запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, является еще одной гарантией, что приговор будет обоснованным и законным. Значение имеет и общепринятое мнение, что суды присяжных выносят больше оправдательных приговоров, чем обвинительных, что в России соответствует действительности. По данным В.В. Мельника, в 1994 году было оправдано 45 лиц из 241, в 1995- 81 из 419, в 1996 году -88 из 622, в 1997 году оправдано 200 из 880 лиц, преданных суду, в 1998 -165 из 389.¹⁰ Суды в составе трех профессионалов за это же время вынесли оправдательные приговора только в 1997 году в отношении 22 лиц из 1185.

Уменьшение количества дел, рассматриваемых данными судами, может произойти путем отнесения к подсудности суда присяжных только тех дел, по которым подсудимый не признает себя виновным. Во всех странах, где действуют суды присяжных, они могут рассматривать практически все уголовные дела (так как к тяжким преступлениям там относятся преступления, мера наказания, за которые может быть назначена более 3 месяцев лишения свободы), но при этом там так же широко распространено суммарное производство и заключение сделок о признании вины. Если подсудимый признает свою вину, утрачивается необходимость рассмотрения дела с участием присяжных, предназначение которых решать вопрос о виновности. В Англии, если подсудимый в судебном разбирательстве с участием присяжных признает себя виновным, дело как бы изымается у присяжных (аналогичная процедура изъятия дела у присяжных, при признании подсудимым себя виновным, существует и в США).¹¹ В соответствии с действующим законодательством такого ограничения в Российском судопроизводстве нет. Независимо от признания или непризнания вины, уголовные дела, по ходатайству обвиняемых, рассматриваются судом с участием присяжных заседателей (ст. ст. 217, 218 УПК РФ). Представляется, что соответствующая статья в законе должна иметь следующее содержание "Суду присяжных подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет, по которым подсудимый не признает свою вину". Изменения должны быть внесены и в статьи закона, предусматривающие права обвиняемого (подозреваемого).

Механизм реализации принципа состязательности в суде при участии присяжных заседателей проявляется достаточно полно. Ст. 15 УПК РФ закрепляет положение, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности. В то же время принцип состязательности не должен являться самоцелью судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Цель уголовного процесса, выяснение всех обстоятельств дела, объективное, полное и всестороннее остается и при рассмотрении дела с участием присяжных. Поэтому, как нам представляется, судья в соответствии со ст. 243 УПК РФ, создавая условия для этого, должен обладать определенной активностью, позволяющей ему обеспечить получение присяжными полной информации по рассматриваемому уголовному делу. Для этого судья должен иметь право в случае необходимости (она может возникнуть не по всем делам), истребовать дополнительные доказательства, но только для того, чтобы исследовать все обстоятельства происшедшего события полно, всесторонне и объективно. Такое право имеется у судьи в Англии,¹² такое право имеют присяжные заседатели в Австрии.¹³

В силу ст. 335 УПК РФ при разбирательстве уголовного дела, судья обязан как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе исключить из дела все недопустимые доказательства, путем вынесения об этом мотивированного постановления. Судья вправе проявлять инициативу при возвращении уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, в ходе судебного следствия он вправе задавать вопросы подсудимым, после того как подсудимые будут допрошены сторонами. Сложность возникает тогда, когда судья посчитает, что предъявленных сторонами доказательств недостаточно для вынесения справедливого, законного и обоснованного решения. В такой ситуации присяжные, не смогут достичь цели, ради которой была введена данная форма уголовного судопроизводства. Справедливый вердикт в суде присяжных может быть вынесен только на основании исследования всех доказательств по делу и не может находиться в зависимости от усмотрения сторон, которые вправе предъявлять доказательства определенного содержания, но могут и воздержаться, если им, для проведения своей позиции, это невыгодно. Судья, единственное должностное лицо, которое объективно может, а на наш взгляд и обязан, обеспечить выявление всех доказательств, позволяющих принять законное, справедливое, обоснованное решение. Поэтому, нам представляется необходимым наделение судью правом истребования

доказательств, после того, как стороны заявят об отсутствии у них ходатайств и дополнений к судебному следствию. Редакция соответствующей нормы в законе может звучать так: "При отсутствии у сторон дополнений и ходатайств к судебному следствию, суд вправе по своей инициативе с целью, выяснения всех обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, вызывать и допрашивать свидетелей, истребовать дополнительные материалы и т.д."

Состязательные начала в разбирательстве уголовных дел с участием присяжных должны проявляться и в порядке исследования доказательств. В действующем УПК эта процедура расписана не достаточно подробно и при рассмотрении дел, в каждом заседании она строится по усмотрению председательствующего и сторон. На наш взгляд, это не допустимо. Порядок рассмотрения доказательств должен быть строго определен в законе. Первоначально суд должен исследовать доказательства предъявляемые стороной обвинения, а уже затем, стороной защиты. Поскольку показания подсудимого являются средством защиты, подсудимый должен быть допрошен, после того, как государственный обвинитель представит все свои доказательства. Для своей защиты подсудимый должен знать объем предъявленного обвинения и доказательственную базу, на основе которой, это обвинение было выдвинуто. На наш взгляд, иной порядок нарушает принцип состязательности, так как не позволяет разграничить показания свидетелей со стороны обвинения и со стороны защиты. Представляется, что необходимо внести изменения в соответствующую статью УПК и определить порядок предоставления доказательств, первоначально стороной обвинения, затем должен следовать анализ предъявленных доказательств государственным обвинителем. Защитник должен иметь возможность представить свои возражения, а затем уже должен следовать допрос подсудимого и свидетелей защиты. Кроме того, действующий закон, не упоминают о видах допросов в судебном следствии при участии присяжных заседателей. Полагаем, что в законе необходимо указать на возможность проведения прямого, перекрестного допроса и передопроса и определить порядок их проведения.

Противоречит, на наш взгляд, принципу состязательности закрепленное в п.15 Постановления Верховного Суда РФ №9 от 20 декабря 1994 года положение, в котором допускается возможность устранения судом из уголовного дела доказательств, полученных в установленном законом порядке, если исследование этих доказательств может повлиять на объективность и беспристрастность присяжных заседателей. Нам представляется, что это положение не согласуется с целью разбирательства уголовного дела с участием присяжных заседателей. Как можно вынести справедливый вердикт, не обладая полной информацией о происшедшем событии. Присяжные не только принимают судьбоносные решения, отвечая на вопросы о деянии, виновности, но оказывают влияние и на меру наказания. Указывая на необходимость проявления снисхождения они, при этом, остаются в неведении не только о сведениях касающихся личности подсудимого, но и существенных обстоятельств уголовного дела. Считаем, что этим нарушается равенство сторон в процессе, поэтому от данного ограничения следует отказаться.

Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с ограничениями прав участвующих лиц при заявлении безмотивных отводов присяжным заседателям. Право на мотивированный отвод принадлежит всем участвующим в деле лицам. В силу действующего законодательства, п.2ч.5ст.327 УПК РФ право на безмотивный отвод присяжных при их отборе предоставлено только государственному обвинителю, защитнику и подсудимому. Лишены этого права потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. На наш взгляд, в этом проявляется неравенство сторон. Жюри присяжных формируется в результате как мотивированного, так и безмотивного отвода. Процессуальное равенство сторон предполагает наличие равных прав, поэтому любые ограничения, в том числе и при отборе присяжных, свидетельствуют о нарушении положений принципа состязательности. Сторону

обвинения представляют государственный обвинитель, потерпевший и гражданский истец со своими представителями. Сторону защиты подсудимый, защитник и гражданский ответчик со своим представителем. Как нам представляется, эти лица и должны иметь права на отвод присяжных заседателей. Конечно, следует согласиться, что предоставление такого права всем названным лицам сделает процесс излишне громоздким, но право потерпевшего на безмотивный отвод необходимо подтвердить законодательно еще и потому, что выбытие государственного обвинителя при отказе от обвинения, если против прекращения уголовного дела возражает потерпевший, требует от потерпевшего выполнения обвинительной функции.

Равенство должно прослеживаться и в количестве отводимых присяжных заседателей. По действующему законодательству в силу ч.12 ст. 328 УПК РФ, если в результате отводов и самоотводов присяжных заседателей осталось 18 человек или более, судья использует безмотивный отвод. Государственный обвинитель отводит присяжных первым и вправе отвести не более двух человек (п.2. ч.5 ст.327 УПК РФ). Сторона защиты, которую представляют подсудимый или несколько подсудимых, защитник или несколько защитников - могут отвести тоже только двух человек, так чтобы их осталось 14. Если подсудимый в процессе один, равенство прав сохраняется, но если более, ущемляются права и сторона обвинения оказывается в привилегированном положении, что в состязательном процессе недопустимо. Следует отметить, что в России количество присяжных отводимых не мотивированно меньше, чем в других странах. В Англии их число достигает 7 человек, 14 во Франции до 5, а в США по делам об особо тяжких преступлениях - до 10-15 присяжных заседателей. 15 В дореволюционной России в соответствии со ст. 656 Устава уголовного судопроизводства стороны могли отвести: прокурор или частный обвинитель до 6 присяжных, подсудимый мог отвести столько, чтобы их из 30 осталось 18 (т.е. фактически тоже 6 человек). При таком положении сохранялось равенство сторон, и участники процесса имели реальное право на отвод присяжных, которые, по их мнению, не могли находиться в составе жюри. Полагаем, что требуется внесение соответствующих изменений в статью 327 УПК РФ, увеличив количество присяжных заседателей, отводимых путем безмотивного отвода до шести человек от каждой из сторон, увеличив и количество присяжных, вызываемых для рассмотрения уголовного дела до 30 человек.

Состязательный процесс требует определенных ограничений, но они не должны ставить суд в положение молчаливого арбитра, выносящего такое решение, какое требуется сторонам, по сути выполняя посредническую роль в спорах сторон. Кроме того, в состязательном процессе должно быть обеспечено процессуальное равенство сторон, в силу чего суд не может отдавать предпочтение какой - либо стороне и в первую очередь стороне обвинения.

Литература и примечания

1. На данную проблему обращали внимание ученые и в других странах. См. об этом: Введение в шведское право./ Отв. ред. Б.С. Крылов.- М., 1986. - С 97.
2. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. - М., 2000.- С.99; Немытина М.В. Российский суд присяжных. Учебно-методическое пособие. - М., 1995.- С.84-85.
3. Постановление № 9 Пленума Верховного Суда Российской Федерации." О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных" от 20 декабря 1994 года п.18 // Бюллетень Верховного Суда РФ.- 1995. - №3. - С.6.

4. Немытина М.В. Российский суд присяжных. Учебно-методическое пособие. - М., 1995.- С.85.
 5. Петрухин И.Л. Суд присяжных : проблемы и перспективы // Государство и право. - 2001.- №3. - С.7.
 6. Мельник В.В. Указ. соч. - С.49.
 7. Шурыгин А. Суд присяжных должен действовать на всей территории России. // Российская юстиция. - 2000. - №4. - С.6.
 8. Шурыгин А. Там же.
 9. Боботов С.В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. - М., 1989.- С.42.
 10. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. - М., 2000. - С.49.
 11. Радутная Н.В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах // Советская юстиция. - 1993.- №5. - С.4.
 12. Радутная Н.В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах. // Советская юстиция. - 1993. - №5. - С. 4.
 13. Там же.
 14. Радутная Н.В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах. // Советская юстиция. - 1993.- №4.- С. 6.
 15. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы// Государство и право. - 2001.- №3. - С.9.
-

Яцишина О.Е. Принцип внутреннего убеждения как элемент принципа свободы оценки доказательств

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

О.Е. Яцишина - аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

ПРИНЦИП ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Сущность убеждения как принципа оценки доказательств закреплена в ст.17 УПК РФ: "судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью".¹ Будучи самостоятельным принципом доказательственного права, внутреннее убеждение является в то же время составляющей такого важного принципа как свобода оценки доказательств, впервые сформулированного законодателем, и потому, нуждающемся в научном толковании.

Под содержанием судейского убеждения как принципа оценки доказательств традиционно понималась свобода судей в оценке доказательств по каждому конкретному делу,² означающая, что "...подход к оценке доказательств на любой стадии включает непредвзятость, отсутствие предубежденности, независимость".³ В целом этот принцип характеризуется следующим: во-первых, "указание закона на внутреннее убеждение нужно прежде всего понимать как исключительность компетенции лица, ведущего производство по делу. Тем самым закрепляется прерогатива этого лица в области оценки доказательств, подчеркивается, что оценка доказательств является его неотъемлемым правом и обязанностью. Переложить ее на кого-либо или руководствоваться оценкой, данной другим лицом, ... судья не вправе".⁴ В этом смысле внутреннее убеждение понимается, как самоубеждение, как формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств. Во-вторых, "закон не предписывает, какими доказательствами должны быть установлены те или иные обстоятельства, не устанавливает заранее силы доказательств, преимущественного значения видов доказательств, количественных показателей достаточности доказательств для того или иного решения по делу".⁵ При этом закон не знает заведомо "лучших" или "худших" доказательств. Всякая попытка наделить какое-либо доказательство, например, показания обвиняемого или заключение эксперта, предустановленной силой и значением недопустима.

В-третьих, оценка доказательств не может быть произвольной. Поэтому принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению всегда был неразрывно связан с принципом всесторонности, полноты и объективности рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности, закреплённом в ст.20 УПК РСФСР. В самом общем виде "всесторонность... означает выдвижение всех возможных версий происшедшего; полнота - учет всех "за" и "против" по каждой версии; объективность - с одной стороны, беспристрастность в выдвижении и проверке версий, с другой - стремление к познанию материальной истины".⁶ Данный принцип в первую очередь был направлен на ограничение субъективизма, предвзятости, ведущих к обвинительному уклону в деятельности не только судей, но и следователей, прокуроров и дознавателей. Невыполнение данных требований являлось одним из наиболее частых оснований отмены судебных приговоров вышестоящими инстанциями.⁷ К большому сожалению, УПК РФ его вообще не предусмотрел, перечеркнув главную цель уголовного процесса - достижение объективной истины. Думаю, в таком случае, внутреннее судейское убеждение абсолютно не застраховано от превращения в самоуверенность, бездоказательную и бесконтрольную убежденность, что на практике ведет к вынесению необоснованного, а вместе с тем и незаконного приговора. Одного провозглашения принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению недостаточно, если не предусмотрены гарантии обеспечения его объективности.

В-четвертых, внутреннее убеждение должно строго опираться на достоверные факты и основываться на проверенных и рассмотренных в суде доказательствах. Ни один приговор суда не может быть основан на предположениях, или на данных, не проверенных в судебном заседании. Так, например, в своем постановлении "О судебном приговоре" Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание судей на то, что "... суд не в праве ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания", что по делу должны быть "...исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены".⁸

В-пятых, судья не связан оценкой доказательств, которую дали другие лица или органы в предшествующих стадиях процесса или в пределах данной стадии. Например, вышестоящие суды, отменяя приговор и возвращая дело на новое рассмотрение, не могут давать указания, предрешающие убеждение судьи, в том числе и по оценке доказательств (ч.2 ст.386 УПК РФ). Сказанное, конечно, не означает, что суду абсолютно безразличны оценки, которые даются доказательствам со стороны защитника, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и т.д. Как верно отметили авторы "Теории доказательств...", "прислушиваясь к их суждениям и оценивая их со своей стороны, скорее можно прийти к правильным выводам... Но речь идет об учете и рассмотрении мнений иных участников процесса, а отнюдь не об автоматическом следовании за ними".⁹

С учетом изложенного можно сказать, что внутреннее убеждение как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины, является необходимым условием оценки доказательств, характеризует сам подход к оценке доказательств. Однако среди процессуалистов до сих пор отсутствует единое понимание функционального назначения убеждения в доказывании. Одни понимают его в качестве метода оценки судебных доказательств,¹⁰ другие - как метод и результат оценки,¹¹ третьи считают убеждение и принципом, и методом, и критерием оценки доказательств,¹² некоторые авторы даже трактуют его как способ оценки.¹³

По мнению В.Д.Арсеньева, внутреннее убеждение как метод оценки доказательств означает "несвязанность... суда... в определении силы и значения каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности".¹⁴ На мой взгляд, с приведенной точкой зрения согласиться нельзя, поскольку здесь идет некоторая подмена понятия. Ведь что такое метод? Согласно положениям диалектического материализма, это "форма практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта; система регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной, теоретической деятельности".¹⁵ И, поскольку "судейское убеждение представляет собой не практическую или познавательную деятельность, а только их результат",¹⁶ постольку, думаю, правильно определять его как "принцип", выражающий собой начало, основу знаний, руководящее, основное правило поведения или деятельности.

Взгляд на внутреннее убеждение как критерий истины, а также критерий оценки доказательств длительное время был весьма распространен в процессуальной литературе. Известна позиция А.Я.Вышинского, который утверждал, что "единственным мерилom доказательств новейшая теория справедливо признает не свойства этих доказательств, а единственно степень судебного убеждения".¹⁷ М.С.Строгович наряду с другими учеными, исходя из положений материализма, доказал, что единственным критерием истины в уголовном судопроизводстве может быть практика, т.е. "вся совокупность практической деятельности людей в прошлом и настоящем времени".¹⁸ Однако, отрицая внутреннее убеждение как критерий истины, М. С. Строгович, Я.О.Мотовиловкер¹⁹ придерживались мнения, что для такой сферы деятельности судей, как оценка доказательств, судебское

убеждение сохраняет значение критерия. Они полагали, что "нельзя смешивать критерий оценки доказательств, при помощи которой устанавливается истина, и критерий истинности выводов суда, получаемых при помощи доказательств".²⁰ Т.е., рассматривалось двойное понимание критерия в уголовном судопроизводстве, где деятельность суда по установлению истины отграничивалась от деятельности суда по оценке доказательств. Подразумевая под критерием способ поиска истины, М.С.Строгович предлагал строить познавательную деятельность суда таким образом, чтобы поиск истины осуществлялся только на основе судейского убеждения. Когда же знания будут накоплены, выводы сформулированы, тогда следует применять критерий практики, на основании которого можно определить истинность имеющихся знаний и выводов. Тем самым отрицалось воздействие практики на процесс судебного познания и допускалось ее применение лишь для определения истинности результатов познания.

Если признать эту точку зрения правильной, то тогда получается, что достоверность, истинность доказательств проверяется судьей через его же психическое состояние - убеждение. Такая трактовка, конечно, является неверной, и здесь я полностью согласна с мнением В.Д.Арсеньева, который подчеркивает, что "критерий (показатель, мерило) должен лежать вне того явления, критерием которого он является".²¹ Иначе объективный критерий заменяется субъективным, игнорируется тот факт, что внутреннее убеждение может быть и неправильным. Подобное утверждение, что достоверность определяется чувством уверенности, возникающим в сознании судей, может существовать только в рамках концепции идеализма, что неприемлемо в рамках российской теории доказательств.

На протяжении долгого времени ученые не могли однозначно определить, являлся ли принцип судейского убеждения самостоятельным принципом, либо же он представлял собой одну из составных частей более объемного принципа - свободной оценки доказательств. Некоторые авторы вообще считали оценку доказательств по внутреннему убеждению институтом, производным от принципа объективной истины, с чем я не согласна, поскольку объективная истина - являлась целью уголовного доказывания, но не его принципом, а "одно и то же положение не может в пределах данной системы выступать одновременно и ее целью, и ее принципом".²² Другие процессуалисты считали, что деятельность судей на основе судейского убеждения, полностью охватывается принципом независимости судей и подчинения их только закону.²³ Третьи утверждали, что сводить внутреннее убеждение только к принципу оценки доказательств неправильно, т.к. оно "...по своему объему, по своему содержанию более широкое понятие, чем принцип".²⁴ Думаю, такое разнообразие точек зрения было продиктовано тем, что ст. 71 УПК РСФСР называлась "Оценка доказательств", т.е. говорить о судейском убеждении как о принципе мы могли только в рамках теории доказательств, но не уголовно-процессуального права в целом. Думаю, на сегодняшний день ситуация достаточно прояснилась в связи с принятием УПК РФ, где в главе второй, закрепляющей принципы всего уголовного судопроизводства, ст.17 посвящена принципу свободы оценки доказательств. Т.о., можно говорить о том, что принцип судейского убеждения, предполагающий несвязанность судебного познания с какими-либо формальными критериями, его свободу и осуществление на основе практики, является важной составной частью более широкого принципа уголовного процесса - принципа свободы оценки доказательств.

Литература и примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г., №174-ФЗ// Российская газета №249 от 22 декабря 2001г.

2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.361-371; Советский уголовный процесс. М., 1968. С.118-121; Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С.45-50.
3. Миньковский Г.М. Оценка доказательств. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР/ Под ред. Божьева В.П. М., 1997. С.145.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.475.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации./ под. ред. Лупинской П.А. М., 1998. С.191.
6. Софронов Г.В. Проблема истины в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург, 2000. С.13.
7. См.: Бюллетень ВС РФ, 2001, №4, С.12; №5, С.13; №9. С.13, 16.
8. Постановление Пленума ВС РФ от 29 апреля 1996г. "О судебном приговоре"//Бюллетень ВС РФ, 1996. №7. С.3.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.475-476.
10. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С.104.
11. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С.153; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Издательство Казанского Ун-та, 1976. С.180; Ульянова Л.Д. Внутреннее убеждение в условиях формирования и его роль в оценке доказательств. М., 1974. С.52-58; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С.95.
12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т.1, М., 1968. С.339; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.,1962. С.216; Лупинская П.А. Принципы уголовного процесса. Уголовно-процессуальное право. М., 1997. С.162; Божьев В.П. Принципы уголовного процесса. Уголовный процесс. Общая часть. М., 1997. С.66.
13. Мухин И.И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском процессе. Л., 1974. С.67.
14. Арсеньев В.Д. Указ. соч. С.47.
15. Философский словарь/ под. ред. Розенталя М.М., Юдина П.Ф. М., 1963. С.267.
16. Бохан В.Ф. Формирование убеждений суда. Минск, 1973. С.26.
17. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С.103.
18. Философский словарь/ под. ред. Розенталя М.М., Юдина П.Ф. М., 1963. С.449.
19. Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974. С.61.
20. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т.1, М., 1968. С.339.

21. Арсеньев В.Д. Указ. соч. С.49.
22. Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002. С.53.
23. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968. С.127-129; Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. №7. С.37; Громов Н.А., Николайченко В.В., Францифоров Ю.В. Принципы уголовного процесса. М., 1997, С.12; Быков В.М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года //Российская юстиция. 1994. №8. С.8.
24. Мухин И.И. Указ. соч. С.66.
-

|||

Кудрявцева А.В. Внутреннее убеждение эксперта и его роль в процессе экспертного исследования

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

А.В. Кудрявцева - д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г.Челябинск)

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ЭКСПЕРТА И ЕГО РОЛЬ

В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс экспертного исследования представляет собой познание фактов и обстоятельств (в гносеологическом значении), которые в свою очередь для следователя и суда также являются объектами (фактическими данными в процессуальном значении этого слова) познавательной деятельности. Познавательный процесс нельзя рассматривать в отрыве от социального фактора. Причем рассмотрение познавательного процесса с деятельностной стороны предполагает учет как социальных, так и психологических факторов познавательной деятельности. Процесс познания необходимо рассматривать как единство логико-гносеологического, социального и психологического аспектов. Принимая во внимание, что уголовно-процессуальное познание, частью которого является экспертное исследование, имеет еще и достоверительную сторону, которая проявляется в процессуальной форме, необходимо познавательную деятельность эксперта рассматривать как единство логико-гносеологических, социальных, психологических и процессуальных факторов. 1

Осуществляемый экспертом процесс познания и логического доказывания в процессе экспертного исследования с точки зрения используемой аргументации, интеллектуальной деятельности, психологических процессов не отличается от процесса отыскания истины в других областях установления истины, в том числе от деятельности следователя и судьи по отысканию, проверке и оценке доказательств (в уголовно-процессуальном значении). Особенность познавательного процесса экспертного исследования заключается в предпосылках формирования внутреннего убеждения эксперта: в наличии специальных познаний и на их основе в профессиональной (специальной) оценке свойств и признаков объекта экспертного исследования, в относительной свободе эксперта в выборе познавательных приемов исследования.

Внутреннее убеждение эксперта - сложное многогранное понятие, которое выступает как предпосылка, как процесс, как результат познавательной деятельности эксперта. Внутреннее убеждение одновременно является основой для формирования экспертом выводов. Существенную роль в формировании внутреннего убеждения играют такие разные по сущности понятия, как интуиция и правосознание. Так как внутреннее убеждение законом отнесено к одному из критериев оценки доказательств, то в этом смысле внутреннее убеждение получило свое внешнее выражение в законе, в частности в ст. 17 УПК РФ.

В литературе отсутствует единая точка зрения относительно природы и понятия внутреннего убеждения, а также факторов, влияющих на него. Проблема внутреннего убеждения затрагивалась выдающимися русскими процессуалистами И.Я. Фойницким и В.К. Случевским.² Они рассматривали внутреннее убеждение не как озарение, посетившее субъекта оценки доказательств, а как мыслительный акт, который связывали с сознанием и обстоятельствами дела, как основным критерием формирования внутреннего убеждения.

М.С. Строгович рассматривал внутреннее убеждение применительно к судьям как субъективное выражение объективной истины, как критерий, процесс, метод и результат оценки доказательств.³

А.Я. Вышинский в качестве факторов, влияющих на внутреннее убеждение, выделял мировоззрение и правосознание: "Установление материальной истины, составляющее одну из основных задач советского судебного процесса, является итогом сложной психической деятельности, завершающейся формированием уверенности судьи в правильности принятого им по данному делу решения, т.е. формированием так называемого внутреннего судебного убеждения.

Этот процесс формирования внутреннего убеждения судьи происходит на основе восприятия и оценки судом происходящих перед ним фактов (доказательств), оценка же этих фактов (доказательств) в решающей степени зависит, как мы говорили уже выше, от таких руководящих начал, как господствующее в данном обществе правосознание, с одной стороны, и степень научно-методологической подготовленности или квалификации судьи - с другой.

Внутреннее убеждение судьи всегда органически связано с его мировоззрением, с его правосознанием, являющимся в данном обществе господствующим".⁴

Наиболее верный подход к пониманию природы и сущности внутреннего убеждения мы находим у А.Р. Ратинова и М.С. Строговича. Они рассматривают внутреннее убеждение как предпосылку, процесс и результат познавательной деятельности субъекта доказывания. На этой основе они выделяют гносеологический, логический и психологический аспекты внутреннего убеждения.⁵

В литературе также высказывается мнение, в соответствии с которым внутреннее убеждение следует рассматривать как начало, принцип, как метод оценки доказательств и как результат такой оценки.⁶

Особая точка зрения на сущность убеждения высказывается Ю.В. Корневским.⁷ В частности, он считает, что "Критерием истины в правосудии может быть только внутреннее убеждение следователя, прокурора и главного судьи".⁸ Он совершенно справедливо замечает, что необходимо отказаться от сложившихся идеологических мифов и уделить основное внимание поискам способов более полного всестороннего доказывания, более надежного формирования внутреннего убеждения правоприменителей, прежде всего судей.

В научной литературе также отмечается этический аспект внутреннего убеждения. "Внутреннее убеждение как этическая категория представляет собой рациональную основу нравственной деятельности личности, позволяющую ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения".⁹

Внутреннее убеждение как нравственная, этическая категория связано с другой этической категорией совести. Совесть проявляется в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий. Человек судит о своих поступках как бы от своего собственного имени, исходя из своих собственных представлений о справедливости, долге, правом или неправом.¹⁰

В литературе обращается внимание еще на один аспект внутреннего убеждения, на обязательность его внешнего выражения в аргументированности, обоснованности принятого решения по оценке доказательств.¹¹

Представляется, что внутреннее убеждение необходимо рассматривать как систему элементов, образующих новое качественно сложное явление. В качестве элементов внутреннего убеждения как понятия, имеющего неоднородную природу, необходимо рассматривать: 1) индивидуальные знания субъекта, которыми субъект обладал до акта оценки информации; 2) процесс познания информации, представленной или полученной субъектом оценки доказательств (информации); 3) осознание субъектом оценки степени своей независимости; 4) эмоциональное состояние субъекта при исследовании информации; 5) волевой стимул, побуждающий субъекта к определенным практическим действиям; 6) внешняя обоснованность и аргументированность принятого решения в процессуальных актах.

В процессуальной литературе ученые указывают на неразрывную связь внутреннего убеждения и правосознания. Дискуссионным является вопрос о характере связи внутреннего убеждения и правосознания,^{12.13}

В теории права правосознание определяется как форма или область сознания, отражающая правовую действительность форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях.¹⁴ Совершенно справедливо отмечается, что правосознание явление - субъективное и состоит из представлений людей о праве (действующем, относящемся к прошлым эпохам, желаемом), из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям, из правовой психологии и даже индивидуальной или эмоциональной массовой реакции на право, подчас интуитивной, подсознательной (как, скажем, реакция на нарушение норм писаного права).¹⁵ Из всех характеристик свойств, и сторон правосознания нас интересуют те, которые

способствуют формированию внутреннего убеждения или представляют с ним смежную зону. Безусловно, к этим сторонам правосознания относится совокупность знаний и отношений к праву, а также те переживания, которые субъект оценки испытывает в момент оценочной мыслительной деятельности. В литературе высказывается суждение об уголовно-процессуальном правосознании, в которое наряду с общеправовыми идеями и принципами входит совокупность специфических взглядов и оценок, относящихся к явлениям и институтам только процессуального права.¹⁶ Следует согласиться с тем, что субъекты уголовно-процессуальной деятельности обладают особым специфическим правосознанием, особенно это касается субъектов оценки доказательств, лиц, обладающих юридическими знаниями. Это, на наш взгляд, можно отнести и к экспертам, работающим в экспертных учреждениях, даже если у них отсутствует юридическое образование.

Профессиональное правосознание в литературе определяется как правовое сознание юристов. В его содержание принято включать квалифицированные научно-обоснованные суждения, выводы, закономерности, умение применять право.¹⁷ Представляется, что к лицам, обладающим особым профессиональным правосознанием, необходимо отнести и экспертов, работающих в экспертных учреждениях. В содержание профессионального правосознания экспертов можно включить специальные знания, знания своих прав и обязанностей как эксперта, отношение к специальным знаниям и к своему профессиональному и процессуальному положению, знание процессуальных основ назначения и проведения экспертизы, а также экспертную психологию. Многие эксперты-криминалисты, имеющие юридическое образование, вправе в полной мере относиться к лицам, обладающим профессиональным юридическим правосознанием. Особенность профессионального правосознания экспертов предопределяется наличием у них специальных познаний и характером специальных познаний. Правосознание эксперта-криминалиста отличается от правосознания эксперта в области судебной медицины. Отличие это предопределяется не только характером специальных познаний, но и тем, что судебно-медицинские эксперты отождествляют себя с врачами и все этические, психологические, познавательные особенности врачебной деятельности распространяют на себя. Другими словами, судебно-медицинские эксперты обладают врачебным (медицинским) правосознанием.

Правосознание является основой, предпосылкой формирования внутреннего убеждения, именно на основе правосознания, как знания права, отношения к праву и правоотношениям, принципам и правилам права формируется внутреннее убеждение.

Представляется, что именно в этой плоскости лежат трудности доказывания и проведения экспертизы по так называемым "врачебным делам" или по делам о неправильном лечении, повлекшим за собой тяжкие последствия.

Ст. 17 УПК Российской Федерации устанавливает: "Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью".¹⁸ Представляется, что исключение из совокупности критериев оценки доказательств категории правосознания и замена этическим эквивалентом правосознания совестью ничем не оправдано.

Внутреннее убеждение, как справедливо отмечает Ю.К. Орлов, служит одним из способов достижения объективной истины. Не повторяя анализ дискуссий в науке уголовного процесса о содержании и характере истины, мы остановимся на том, что считаем истину, устанавливаемую по уголовному делу, относительной и конкретной.¹⁹ Различие внутреннего убеждения, формирующегося у субъектов оценки доказательств, и внутреннего убеждения у

эксперта лежит в плоскости различного содержания истины, устанавливаемой следователем и судом по уголовному делу, и истины, устанавливаемой экспертом в ходе экспертного исследования. Под истиной следует понимать соответствие нашего знания объективной действительности. Если в содержание истины, устанавливаемой следователем и судьей мы включаем не только соответствие установленных ими обстоятельств уголовного дела фактам реальной действительности, но и правильную юридическую оценку этих деяний и установление справедливой меры наказания. Исходя из этого, способом достижения истины в процессе расследования и разрешения уголовного дела является не только правильное установление фактических обстоятельств уголовного дела, но и юридические знания, на основе которых дается правовая оценка деяния. Процесс формирования внутреннего убеждения у субъектов доказывания ограничен процессуальными нормами и рамками, только путем собирания, проверки и оценки доказательств можно установить истину по уголовному делу.

В процессе экспертного исследования мы тоже получаем знание, которое должно соответствовать реальной действительности. Но истина, устанавливаемая экспертом в процессе экспертного исследования, включает в свое содержание не только установление фактических данных на основе специальных познаний, но и их профессиональную (специальную) оценку. В содержание внутреннего убеждения эксперта, в отличие от внутреннего убеждения следователя и судьи, должны входить специальные знания, которыми эксперт обладает, знания, полученные в ходе экспертного исследования и изучения материалов уголовного дела, а также профессиональная оценка (толкования) фактических знаний применительно к предмету конкретной экспертизы.

Проблема внутреннего убеждения эксперта рассматривается учеными-криминалистами с 50-х годов XX-го века.²⁰ В частности, под внутренним убеждением эксперта понималось сознательно и свободно сложившееся убеждение, имеющее объективные основания, позволяющие сделать только один истинный вывод.²¹ В качестве факторов, влияющих на заключение эксперта, по мнению В.П. Колмакова, выступают следующие: 1) высокая подготовленность по своей специальности и практический опыт эксперта; 2) мотивированность и логичность суждений эксперта, изложенных в обобщающей (синтетической) части акта экспертизы так, чтобы следователь и суд могли проследить ход его мысли; 3) достаточный объем и надлежащее количество представленного на исследование материала; достоверные обстоятельства, установленные по делу.²²

Я.М. Яковлев под внутренним убеждением понимает состояние уверенности эксперта в том, что его выводы отражают действительно существующие факты. Внутреннее убеждение, по его мнению, является результатом деятельности эксперта.²³ Рассматривая структуру внутреннего убеждения эксперта, Я.М. Яковлев указывает на единство гносеологического, логического и психологического аспекта внутреннего убеждения. Гносеологический аспект означает, что убеждение эксперта должно правильно отражать выявленные в результате исследования свойства и признаки объекта экспертизы. В логическом плане убеждение эксперта представляет собой выводное знание об установленных в процессе исследования свойствах и особенностях объекта экспертизы. В психологическом плане внутреннее убеждение представляет собой интеллектуально-эмоциональное состояние, заключающееся в уверенности эксперта в том, что сделанные им заключения и выводы являются в данном конкретном случае правильными и единственно возможными.

Нам представляется, что внутреннее убеждение эксперта - это психологическое эмоционально-интеллектуальное состояние эксперта, заключающееся в чувстве уверенности в правильности примененных знаний, экспертных методов, методик, в правильной оценке свойств и особенностей экспертных объектов и в правильности сделанных умозаключений.

Гносеологический аспект внутреннего убеждения эксперта заключается в чувстве уверенности в правильности его специальных знаний и правильности всего процесса исследования. Логический аспект заключается в чувстве уверенности в правильности логических операций, примененных экспертом в процессе экспертного исследования. В свете экспертного правосознания можно выделить и процессуальный аспект внутреннего убеждения - это чувство уверенности, что при проведении экспертизы и формировании экспертного заключения не были нарушены правила, установленные уголовно-процессуальным законом.

Безусловной заслугой Я.М. Яковлева является выделение и рассмотрение этапов формирования внутреннего убеждения эксперта. Это очень важный момент с точки зрения влияния различных этапов экспертного исследования на формирование экспертного внутреннего убеждения.²⁴

Р.С. Белкин в качестве объективных оснований внутреннего убеждения эксперта рассматривал наряду с профессиональными знаниями эксперта еще и мировоззренческие принципы и установки.²⁵

Представляется, что необходимо разделить понятия предпосылки возникновения внутреннего убеждения, оснований внутреннего убеждения и результата внутреннего убеждения эксперта. Мы выше уже говорили о том, что одной из предпосылок формирования внутреннего убеждения эксперта является его правосознание, составной частью которого является и его мировоззрение. В связи с этим очень ценно для нас замечание А.Р. Ратинова, в соответствии с которым "оценка любого значимого факта, затрагивающего интересы людей, всегда дается с позиций определенной идеологии, определенного мировоззрения".²⁶

Под правовой идеологией необходимо понимать систему воззрений на основе демократизма права, гуманизма, справедливости, приоритета прав и свобод человека и гражданина.

В содержание правосознания эксперта, на наш взгляд, следует включать также специальные знания, которыми эксперт обладает. Представляется, что характер специальных знаний, применяемых в сфере права, уголовного и гражданского судопроизводства, таков, что эти знания с некоторой долей условности для отнесения их к содержанию правосознания можно считать юридическими (правовыми) в той мере, в которой они служат решению задач уголовного и гражданского судопроизводства.

Правосознание эксперта мы называем не основанием, а предпосылкой возникновения внутреннего убеждения. Предпосылка - это то, что предшествует внутреннему убеждению, являясь необходимым условием возникновения внутреннего убеждения, но предпосылка, безусловно, (обязательно) не порождает внутреннее убеждение. Предпосылкой формирования внутреннего убеждения эксперта можно считать его автономность (независимость) в процессе проведения исследования от руководителя экспертного учреждения и от следователя и суда, а также свободу от предубежденности. Понятие предпосылки ближе к пониманию условия как фактора, который способствует, но не предопределяет внутреннее убеждение эксперта.

Основанием же внутреннего убеждения эксперта (следователя и судьи), по нашему мнению, является информация. Экспертом эта информация черпается из самого экспертного исследования путем изучения свойств и признаков объектов экспертного исследования, а также из материалов уголовного дела.

Р.С. Белкин относил к объективным основаниям внутреннего убеждения эксперта также профессиональные качества эксперта: наблюдательность, внимание, глубина, гибкость, логичность, критичность ума, самостоятельность мышления, способность преодолеть предубеждение или предвзятость.²⁷ Все эти психологические качества эксперта поглощаются такой составляющей правосознания, как правовая психология, если предпосылкой внутреннего убеждения эксперта является правосознание как явление не только индивидуальное, но и групповое.

Следовательно, можно говорить о правосознании экспертного учреждения, а значит, и о внутреннем убеждении коллектива экспертов.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Представляется, что внутреннее убеждение как обобщающее понятие необходимо рассматривать как систему элементов, образующих новое качественно сложное явление. В качестве элементов внутреннего убеждения как понятия, имеющего неоднородную, природу необходимо рассматривать: 1) индивидуальные знания субъекта, которыми субъект обладал до акта оценки информации; 2) процесс познания информации, представленной или полученной субъектом оценки доказательств; 3) осознание субъектом оценки степени своей независимости; 4) эмоциональное состояние субъекта при исследовании информации; 5) волевой стимул, побуждающий субъекта к определенным практическим действиям; 6) внешняя обоснованность и аргументированность принятого решения в процессуальных актах.

Нам представляется, что внутреннее убеждение эксперта (как результат и критерий экспертного исследования) - это психологическое эмоционально-интеллектуальное состояние эксперта, заключающееся в чувстве уверенности в правильности примененных знаний, экспертных методов, методик, в правильной оценке свойств и особенностей экспертных объектов и в правильности сделанных умозаключений. Гносеологический аспект внутреннего убеждения эксперта заключается в чувстве уверенности в правильности его специальных знаний и правильности всего процесса исследования. Логический аспект заключается в чувстве уверенности в правильности логических операций, примененных экспертом в процессе экспертного исследования. В свете экспертного правосознания можно выделить и процессуальный аспект внутреннего убеждения: это чувство уверенности, что при проведении экспертизы и формировании экспертного заключения не были нарушены правила, установленные уголовно-процессуальным законом.

Предпосылкой формирования внутреннего убеждения является правосознание эксперта (как субъективный фактор) и независимость автономия эксперта (как объективный фактор) в процессе экспертного исследования. Основанием для внутреннего убеждения является информация, получаемая экспертом в процессе изучения экспертных объектов и материалов уголовного дела, предоставленных в его распоряжение.

Правосознание эксперта состоит из его специальных познаний, знаний процессуальных основ производства экспертизы, отношений к специальным знаниям, к праву, к правовым принципам. Важной составляющей правосознания эксперта является его правовая психология, которая включает в себя психологические качества самого эксперта, а также его чувства, ценностные отношения, настроения, желания, предопределяемые его профессиональными устремлениями.

Литература и примечания

1. "Научно-познавательная деятельность представляет собой одну из сторон социальной жизни; она не изолирована от других ее сторон, воздействует на них и сама испытывает на себе обратное воздействие. Все эти процессы замыкаются на человеке, а он благодаря им все полнее раскрывает свою социальную сущность и самоутверждается как универсальное существо" - так характеризуют особенности познавательного процесса философы - сторонники диалектического материализма. См: Чупин П.П. К анализу движущих сил развития науки //Диалектика научного поиска. Сб. научных трудов. Свердловск, УГУ,1984.С.14. С.5-18.

2. "Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающая сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних и тех же чувственных восприятий, непроверенных умственным процессом. Не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки доказательств с решением его по непосредственному впечатлению", - писал И.Я Фойницкий. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства.Т.2. Санкт-Петербург, 1996. С.188; "Внутреннее судебное убеждение вытекает из объективных оснований, порождающих в Судье субъективную уверенность в отношении действительности и значении тех фактов, которые были подвергнуты исследованию средствами уголовного процесса, уверенность, вытекающая только из одних субъективных ощущений Судьи, имеет значение только для мнения или предубеждения Судьи и не может быть поэтому положена в основание судебного приговора. Субъективизм - только один из элементов судебного убеждения, но не единственное его основание и значение убеждения находится в прямой зависимости от того, вытекает ли оно из фактических обстоятельств данного дела... Внутреннее убеждение судьи должно быть сознательным, т.е. таким, в отношении которого Судья мог бы всегда дать себе отчет о том, почему сложилось оно у него..." - Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб, 1910.С.123.

3. Внутреннее убеждение судей, следователя и прокурора - это разумная, осознанная, обоснованная уверенность в правильности определенного вывода, опирающаяся на объективные факты и достигаемая в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела. Поэтому, если судьи убеждены в доказанности определенного факта, они всегда могут, а в силу закона и обязаны указать, на что опирается их убеждение. Поэтому внутреннее убеждение - это именно разумная и аргументированная уверенность, а никак не "интуиция", не "чутье", не "наитие", не "импульс". Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. Том 1. М.,1968,С.345.

4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.,1950. С.177-178.

5. Ратинов А.Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств //В кн. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.С. 474-478.

6. См. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.,1977; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.С.213.; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993.С.119.

7. Корневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе //Государство и право, 1999, № 2. С 55-62; Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) //В кн. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность. М., 2000. С.134.

8. Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе. М.,2000. С.155.

9. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С.91.
10. Словарь по этике С.325-326. Советский энциклопедический словарь. М.,1980.С.1242.
11. Ратинов А.Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств //В кн. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.476; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С.119.; Халдеев Л.С. Судья в уголовном процессе. М., 2000.С.290.
12. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.С.182.
13. Ратинов А.Р. Роль закона и социалистического правосознания при оценке доказательств //Теория доказательств в советском уголовном процессе М., 1973. С.487.
14. Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание //Общая теория государства и права. М.,1998.С.379.
15. Алексеев С.С.. Право. Опыт комплексного исследования. М.,1999.С.264.
16. Ратинов А.Р. Роль закона и социалистического правосознания при оценке доказательств //В кн. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.С.484.
17. Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание //В кн. Общая теория государства и права. Академический курс. Т.2. М., 1998. С.393.
18. Проект УПК РФ, принятый во втором чтении Государственной Думой 22 июня 2001 года.
19. Анализ дискуссии по поводу характера и содержания объективной истины содержится в научно-практическом пособии: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С.8-13. См. также Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.,1977.С.10-35; Мухин И.И. Объективная истина и некоторые другие вопросы судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л.,1971.С.6-7; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.,1968.Т.1, С. 310-311; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. //Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца М., 1989. С.540-542; Пашкевич П.Ф. Объективная истина и некоторые другие вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971. С.119; Резник Г.М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.,1969.С. 5-6; Грошевой А.М. Правовые свойства приговора - акта социалистического правосудия. Харьков, 1978. С.34; Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его основные компоненты. Воронеж,1984. С.68.
20. Первым проблему внутреннего убеждения эксперта затронул Колмаков В.П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта //Вопросы советской криминалистики. М.,1951.С.28.
21. Колмаков В.П. Указ. соч.С.30.
22. Колмаков В.П. Указ. соч. С.30.
23. Реферат монографии Я.М. Яковлева "Основы психологии судебно-экспертной деятельности". М.,1975. С.6-7.

24. Реферат монографии Я.М. Яковлева "Основы психологии судебно-экспертной деятельности. М.,1975.С.8-9.

25. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т.2. М., 1997.С.331.

26. Ратинов А.Р. Роль закона и социалистического правосознания при оценке доказательств.//В кн. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.,1973 С.491.

27. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т.2. М.,1997. С.331.

Мифтахова Л.А. О проблеме международных актов как источников российского уголовно-процессуального права

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Л.А. Мифтахова - канд. юрид. наук, доцент Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (г.Уфа)

О ПРОБЛЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ КАК ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Интеграция России в мировое сообщество, ее членство в Совете Европы делает необходимым приведение в соответствие с международными стандартами и взятыми на себя международными обязательствами действующего в стране правового порядка.

Конституция РФ объявила общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ составной частью ее правовой системы (ч.4 ст.15),1 а основанный на Конституции УПК РФ называет их составной частью законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство (ч.3 ст.1).2 И Конституция РФ, и УПК РФ предусматривают преимущественное применение правил международного договора в случае несоответствия им норм закона, в том числе УПК. Анализ положений статей 15, 71 Конституции РФ и статей 1,7 УПК РФ позволяет признать следующую систему источников российского уголовно-процессуального права: конституционные нормы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, УПК РФ, иные федеральные законы, применяемые в сфере уголовного судопроизводства в той мере, в какой они не противоречат УПК РФ.

Данный вывод согласуется и с Концепцией Модельного УПК для государств-участников СНГ, разработанной в соответствии с Постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 14.02.95 №4.3 Сам же Модельный УПК для государств СНГ предусматривает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры независимого государства не только в качестве составной части его уголовно-процессуального права, но и как непосредственно порождающие права и свободы человека в сфере уголовного судопроизводства (ч.2 ст.4).⁴ Этот кодекс запрещает издание для действия в сфере уголовного судопроизводства законов, других нормативных актов, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, положениям международных договоров независимого государства, а равно применение таких актов (ч.4 ст.4, ч.2 ст.5). Таким образом, Модельный УПК для государств СНГ устанавливает не только преимущественное, но и прямое действие в сфере уголовного судопроизводства, как международных договоров независимого государства, так и общепризнанных принципов и норм международного права.

В наиболее полном виде вышеназванные положения Модельного УПК нашли отражение в частях второй и пятой ст.1 УПК Кыргызской Республики.⁵ Данный кодекс также предусматривает, что международные договоры, ратифицированные Кыргызской Республикой, имеют приоритет перед настоящим кодексом и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона (ч.3 ст.2).

УПК Республики Казахстан предусматривает, что этот кодекс, определяющий порядок уголовного судопроизводства на территории данной республики, основан на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права (ч.1 ст.1), а международные договорные и иные обязательства Республики Казахстан являются составной частью уголовно-процессуального права (ч.2 ст.1).⁶ Аналогично киргизскому УПК казахский УПК формулирует правило о приоритетном и прямом применении ратифицированных Республикой Казахстан международных договоров и исключение из данного правила, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона (ч.3 ст.2). Казахский УПК дополнительно конкретизирует приоритетное применение ратифицированного Республикой Казахстан международного договора, устанавливающего иные, чем в УПК, правила действия этого кодекса в пространстве (ч.2 ст.3). Кроме того, казахский УПК допускает применение на территории Республики Казахстан уголовно-процессуального права иностранного государства, если это предусмотрено ратифицированным Республикой Казахстан международным договором (ст.4).

УПК Республики Беларусь упоминает лишь международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина, как применяемые в уголовном процессе наряду с настоящим кодексом (ч.4 ст.1).⁷

УПК Республики Узбекистан в главе, посвященной уголовно-процессуальному законодательству, вовсе не упоминает международные акты.⁸ Конституция этой республики признает безусловное верховенство в Республике Узбекистан ее Конституции и законов и также не упоминает какие-либо международные нормы.⁹

Как видно из сравнительного анализа новых УПК некоторых стран СНГ, не все из них признают общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры частью национальной правовой системы, не все из вышеназванных УПК предусматривают преимущественное, а тем более непосредственное действие и применение органами досудебного и судебного производства международных актов.

Россия, заняла своего рода промежуточную позицию между Кыргызстаном, Казахстаном, с одной стороны, и Беларусью, Узбекистаном, с другой стороны, объявив общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ составной частью уголовно-процессуального законодательства, предусматривая преимущественное действие международных договоров РФ в случае несоответствия им законов, однако, не устанавливая непосредственного действия международных норм в сфере уголовного судопроизводства.

Согласно федеральному закону "О международных договорах РФ" международные договоры РФ, устанавливающие иные правила, чем предусмотрено законом, подлежат ратификации, осуществляемой в форме федерального закона (ст.14, ч.1 ст.15).¹⁰ Следовательно, о преимущественном перед законом, в том числе УПК, действии можно говорить лишь в отношении международных договоров РФ, ратифицированных федеральным законом.

При ратификации международного договора законодатель может ограничить пределы действия в России заключенного международного договора, сделав соответствующие оговорки (ст.2 ФЗ "О международных договорах в РФ"). Так, например, с оговорками были ратифицированы Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней,¹¹ Европейская конвенция о выдаче и дополнительные протоколы к ней,¹² Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам и дополнительный протокол к ней.¹³ Без оговорок была ратифицирована Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания и протоколы к ней,¹⁴ поскольку по тексту данной конвенции никакие оговорки в отношении ее положений не допускаются (ст.21).¹⁵ Федеральные законы о ратификации международных договоров РФ, имеющих значение в уголовном процессе, также относятся к источникам уголовно-процессуального права.

Ратификация некоторых международных договоров РФ может вызвать необходимость внесения изменений и дополнений в отдельные законодательные акты РФ. Подобное было в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод.¹⁶

Возникает вопрос, если отдельные положения международного договора РФ не нашли отражения в российском законодательстве, но при ратификации этого договора Россия не сделала оговорку о неприемлемости этих положений, могут ли они применяться судами непосредственно. Представляется, что ответ должен быть положительным в случае пробела в российском законодательстве, восполнить который возможно с помощью международной нормы. А это значит прямое действие последней.

Преимущественное же действие должно быть в случае несоответствия (противоречия либо разночтения) норм российского законодательства и положений международного договора, ратифицированного РФ без оговорок относительно исключения или изменения юридического действия этих положений договора в их применении к РФ.

Прямое действие норм международных договоров РФ возможно еще и в случае отсылки к ним, имеющимся в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Например, УПК РФ устанавливает, что суд, прокурор, следователь исполняют переданные им в установленном порядке запросы о производстве процессуальных действий, поступившие от соответствующих компетентных органов и должностных лиц иностранных государств, в соответствии с международными договорами РФ, международными соглашениями или на основе принципа взаимности (ч.1 ст.457).

Непосредственное применение норм международных актов в уголовном судопроизводстве законом прямо не предусмотрено, однако и не противоречит ему. Аргументом в пользу

непосредственного применения норм международного права выступает то, что оно не только способствует исполнению взятых Россией международно-правовых обязательств, но и в определенной мере корректирует несовершенство (пробельность, противоречивость) внутреннего законодательства.

Но если действие международных договоров РФ, так или иначе, обозначено и в Конституции РФ, и в УПК РФ, то в отношении иных международных актов, формулирующих, в частности общепризнанные принципы и нормы международного права, ясности еще меньше. Международные нормы об основных правах и свободах человека включены в Конституцию РФ, имеющей прямое и преимущественное перед иными нормами действие. Учтены они и в новом УПК РФ, однако духу данных международных актов в большей степени отвечало бы правило о соответствии общепризнанным принципам и нормам международного права не только уголовно-процессуального законодательства, но и практики его применения. Подобное правило предусмотрено ч.3 ст.3 УИК РФ.17 Более того, в УИК РФ упоминаются не только международные нормы, имеющие обязательный характер, но и рекомендации (декларации) международных организаций, внедряемые государством в той степени, в которой имеются необходимые экономические и социальные предпосылки их реализации (ч.4 ст.3).

Представляется весьма важным заблаговременно "проникаться" духом международных стандартов в области уголовного судопроизводства, учитывая наряду с реальными уголовно-процессуальными нормами и перспективные уголовно-процессуальные нормы. И те, и другие должны быть строго определены. Для их реализации должны быть в наличии необходимые условия и средства, и в первую очередь, требуется достаточная подготовленность следственных, прокурорских, судебных кадров, адвокатов к работе в новых условиях. Вышесказанное актуализируется также большим количеством международных договоров, подписанных РФ, но еще не ратифицированных, а также международных договоров, готовящихся к подписанию РФ.

Подводя итоги вышеизложенному, подчеркнем, что международные акты выступают источниками российского уголовно-процессуального права постольку, поскольку содержат общепризнанные принципы и нормы международного права или международно-правовые обязательства РФ. Следует законодательно разрешить вопросы о прямом, преимущественном либо ограниченном действии не только международных договоров РФ, но и международных актов, формулирующих общепризнанные принципы и нормы международного права. Также важно обозначить учет рекомендаций международных организаций уголовно-процессуальным законодательством и практикой его применения по мере создания необходимых условий, а до тех пор стремиться соблюдать, если не букву, то, по крайней мере, дух международных стандартов в области уголовного судопроизводства.

Литература и примечания

1. Конституция РФ. М.:Юрист.1997. С.8.
2. УПК РФ. М.: ООО "ВИТРЭМ". 2002. С.3.
3. Концепция Модельного УПК для государств СНГ // URL: <http://www.hro.org/docs/rlex/urkmod/0-2/htm> (2003, 21 января).
4. Модельный УПК для государств-участников СНГ //Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996, №10. С.4.

5. УПК Кыргызской Республики // URL: <http://www.ssu.samara.ru/process/raznoe.htm>. (2001, 10 декабря)
 6. УПК Республики Казахстан // URL: <http://finmarket/co.kz/zakon>. (2003, 21 января).
 7. УПК Республики Беларусь. Минск: Амалфея. 2001. С.4.
 8. УПК Республики Узбекистан // URL: <http://lawlib.freenet.uz/laws/uzbek/upkuz/2.htm> (2003, 21 января).
 9. Конституция Республики Узбекистан // URL: <http://www.cjes.ru/law/index.php>. (2003, 21 января)
 10. ФЗ от 15.07.95 №101-ФЗ // СЗ РФ, 1995, №29, ст.2757.
 11. ФЗ от 30.03.98 №54-ФЗ // СЗ РФ, 1998, №14, ст.1514.
 12. ФЗ от 25.10.99 №190-ФЗ // СЗ РФ, 1999, №43, ст.5129.
 13. ФЗ от 25.10.99 №193-ФЗ // СЗ РФ, 1999, №43, ст.5132.
 14. ФЗ от 28.03.98 №44-ФЗ // СЗ РФ, 1998, №13, ст.1466.
 15. См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью /Сост. Т.Н.Москалькова и др. М.: "Спарк". 1998. С.90.
 16. См., например: ФЗ от 20.03.2001 №26-ФЗ (ред. от 30.12.2001) // СЗ РФ, 2001, №13, ст.1140; 2001, №52 (ч.1), ст.4924; 2002, №1 (ч.1), ст.2.
 17. УИК РФ. М.: ООО "ТК Велби". 2002. С.4.
-

Азаров В.А. , Таричко И.Ю. Правовые предпосылки воссоздания функции судебного контроля в российском уголовном процессе

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

В.А. Азаров - Заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор Омской академии МВД России (г.Омск)

И.Ю. Таричко - соискатель Омской академии МВД России г.Омск)

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССОЗДАНИЯ ФУНКЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Начало XX века отмечено процессом обширных реформ. К 1907 году, проанализировав действие на практике Судебных Уставов 1864 года, приняв во внимание зарубежный опыт, российские юристы и реформаторы в полный голос говорили о необходимости нормативно закрепить гарантии прав и свобод человека. В первую очередь это относилось к сфере уголовного процесса, где, как мы уже отмечали, граждане оказываются в наиболее уязвимом положении.

6 марта 1907 года, представляя депутатам 2-ой Государственной Думы законопроекты, подготовленные Министерством внутренних дел, П.А. Столыпин отмечает острую необходимость законодательно урегулировать свободу слова, собраний, печати, союзов, и, что связано с предметом нашего исследования, неприкосновенность личности, жилища, тайну корреспонденции. "Преобразованное по воле монарха, - писал П.А. Столыпин, - Отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены."¹

2 июня 1907 г. Комиссия Государственной Думы второго созыва представила законопроект "О неприкосновенности личности, жилища и тайне корреспонденции". Первый пункт данного документа содержал положение, которым руководствовались авторы проекта при составлении каждой последующей нормы: "Личность каждого неприкосновенна". Исходя из этого было определено, что задержание, заключение под стражу, личный обыск, полицейский надзор или иное ограничение свободы возможно лишь по предъявлении и вручении копии постановления надлежащего судебного органа (ст.4). Исключение из этого правила составляли случаи, когда лицо было застигнуто при совершении преступного деяния или сразу же после его совершения, когда очевидцы прямо указали на подозреваемое лицо, когда на подозреваемом или в его жилище найдены явные следы преступления и когда вещи, служащие доказательством преступного деяния принадлежат подозреваемому или оказались при нем. Все указанные случаи задержания были возможны только в том случае, если подозреваемый мог скрыться. Более того при каждом варианте задержания лица без письменного постановления судебной власти следовало либо немедленное освобождение задержанного, либо доставление его к судье или судебному следователю в течение последующих 24 часов. Контроль за соблюдением установленных законом правил задержания возлагался авторами закона на судью и прокурора.

Согласно проекту судебное постановление должно было требоваться также в случаях ограничения в избрании места пребывания, осмотра, выемки, обыска (здесь исключения были возможны, если полиция застигла совершающееся или только что совершившееся деяние и когда до прибытия на место происшествия представителя судебной власти следы преступления могли исчезнуть), нарушения тайны почтовых, телеграфных и телефонных сообщений.

Данный законопроект не был единственным представленным Государственной Думе и касающимся неприкосновенности личности. Однако все подготовленные тогда материалы

связывали защиту прав человека в сфере уголовного судопроизводства с наличием функции судебного контроля, возвышением статуса судебной власти и были объединены общей идеей: Россия вступает на путь правого развития. В объяснительной записке к законопроекту "О неприкосновенности личности", внесенному в Государственную Думу 9 апреля 1907 года, отмечалось, что основным условием действенности подобного закона является восстановление общего и единого для всех суда и права. "Охрана личной неприкосновенности в духе настоящего закона, отмечают авторы, может стать действенной и практически осуществимой лишь в том случае, если на страже гражданской свободы будет стоять суд авторитетный и влиятельный, не знающий рядом с собой никаких других судов и подчиняющийся всех велению единого и равного для всех закона... Только при этом условии возможно ожидать практического осуществления настоящего закона, и только в этом случае получают силу провозглашаемые им начала. Что касается этих начал, то в основу их положено одно общее требование: непрерывный и неизменный надзор общего суда над администрацией. Это повсюду испытанное средство ограждения личности от произвольных действий исполнительной власти есть вместе с тем и единственное средство, которым располагает в данном случае право."²

Мы намеренно подробно привели здесь положения законопроектов и мнения их авторов с тем, чтобы проиллюстрировать тот уровень правовой мысли, которого достигла Россия накануне Октябрьской революции, и хотя идеи эти так и не были законодательно оформлены (в силу объективных причин), уже само стремление провести их в жизнь со стороны ученых и политиков того времени было существенным прорывом по пути построения правового государства. Более того, если рассматривать данные законопредложения с позиций исследуемой нами темы, то можно смело констатировать факт окончательного оформления в теории российского уголовного процесса идеи судебного контроля. Предоставив судам столь широкие контрольные полномочия в сфере уголовного судопроизводства, законодатели, тем самым, добились бы, во-первых, возвышения роли и статуса судебной власти и, во-вторых, на нормативном уровне оградили бы личность, ее права и свободы и свободы от возможных злоупотреблений со стороны административной власти. Решение этих задач в российском уголовном процессе пришлось отложить более чем на 80 лет. "Пролетарская революция, - писал Н.Н. Полянский, - смела до основания старый суд. Слом старых судебных учреждений повлек за собой и крушение дореволюционной буржуазной науки о суде."³ Несмотря на то, что новая социалистическая, пролетарская наука все же не смогла отказаться от многих дореволюционных институтов русского уголовного процесса, задачи и цели, которые теперь ставились перед уголовным судопроизводством были искажены до неузнаваемости.

Сегодня уже далеко в прошлом остались ленинские декреты, сталинские репрессии, правовой нигилизм Брежневского периода. С началом перестроечных процессов и падением железного занавеса Россия стала критически относиться к своему историческому прошлому и более пристально, без однозначно негативной оценки, вглядываться и осмысливать исторический опыт Запада. Провозгласив демократический путь развития и поставив цель построения правового государства, мы, наконец, стали обращаться к тем положениям в области прав и свобод человека, которые уже не одно столетие являются неотъемлемыми и естественными для всех цивилизованных стран мирового сообщества. Огромное значение в этом плане имеет Всеобщая декларация прав человека 1948 г., ставшая ориентиром в создании национальных концепций по правам человека не менее чем для 90 государств. Однако разработка Декларации носила для российской истории весьма трагичный характер. Дело в том, что в процессе обсуждения текста данного документа выявились довольно острые, а порой - и неразрешимые противоречия между странами социалистического лагеря и западными капиталистическими державами. Позиция Советского Союза основывалась на том, что человек получает свои права исключительно от государства, "которое по своему усмотрению закрепляет их в законодательстве."⁴ Западные страны придерживались точки

зрения, опирающейся на законодательные документы, закрепляющие как и Декларация естественные права человека. Более того, предоставление их не в коей мере не должно зависеть от места проживания лица, а "их содержание не может определяться исключительно государством."⁵ Тем не менее принятие данной позиции означало бы для Советского Союза отказ от проводимой политики и шло вразрез с социалистической идеологией и правом. Если сегодня мы приводим внутригосударственное законодательство в соответствие с общепризнанными нормами международных документов, то тогда при подготовке Декларации глава российской делегации настаивал на включении в ее текст положений, закрепленных в Конституции СССР 1936 г. Так, в частности по мнению А.Я. Вышинского необходимо было закрепить в Декларации лишь право каждого народа и каждой нации на самоопределение, о равенстве прав каждого народа и каждой национальности в пределах государства.⁶ Ни о каких-либо личных естественных правах не было и речи. Под давлением социалистических государств из Пактов о правах человека полностью были изъяты "какое-либо упоминание о праве владеть собственностью и о запрещении насильственного и произвольного лишения этого права."⁷ Во всем мире уже давно бесспорным стал тот факт, что в любом обществе определяющими являются отношения власти и собственности. На практике это может означать прямую зависимость прочности личных, политических, экономических, социальных прав граждан от возможности реализовывать последними права собственности. "При неразвитости права собственности, - пишет И.Б. Михайловская, - его монополизации государством юридические гарантии прав человека теряют свою надежность и легко превращаются в декларацию."⁸ Тем не менее, институт частной собственности полностью противоречил представлениям коммунистов о равенстве и свободе и являлся (по их же мнению) фундаментом эксплуатации человека. Декларация все же оказалась довольно гибким документом, способным соотносить права личности, общества и государства в странах с различным общественно-экономическим строем.⁹ Несмотря на то, что Декларация носит рекомендательный характер, ее положения давно стали общепризнанными нормами международного права в области прав и свобод человека. На ее текст ссылаются большинство наиболее значимых документов, созданных в мире за последние пятьдесят лет. Так, Конвенция о защите прав и основных свобод 1950 года в преамбуле содержит следующую формулировку: "Принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации объединенных наций 10 декабря 1948 года, учитывая, что эта Декларация имеет целью обеспечить всеобщее и эффективное признание и соблюдение провозглашенных в ней прав.." Концепция более подробно регламентирует вопросы защиты личности. Статья 5 содержит незыблемый постулат о том, что никто не может быть произвольно лишен свободы и личной неприкосновенности. Исключения составляют случаи законного содержания под стражей на основании признания виновности лица компетентным судом, законного ареста или задержания лица за невыполнение решений суда либо каких-то иных законных предписаний, законного ареста или задержания лица, произведенных в целях передачи его компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что таким образом будет предотвращено совершение преступления либо лицо скроется после его совершения.¹⁰ Важным моментом является также и то, что Конвенция именно на суд возлагает функцию проверки законности задержания лиц. П. 4 ст. 5 закрепил правило, согласно которому каждое лицо, лишенное свободы путем ареста или задержания, имеет право на судебное разбирательство, в ходе которого суд быстро решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно. Подобные положения содержит также Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. В ряду данных международных документов нельзя не упомянуть о Хартии Европейского Союза об основных правах, подписанной в 2000 году в Ницце. Исследователи международного права называют ее уникальным документом, подводящим итог работы человечества по правовой защите прав и свобод за два тысячелетия и отражающим тенденции и перспективы развития

правового статуса человека и гражданина на национальном, региональном, интеграционном, региональном и международном уровнях.¹¹ В действительности многие входящие в Европейский Союз страны уже давно на конституционном уровне закрепили функцию судебного контроля в качестве эффективного механизма защиты личности в уголовном судопроизводстве. Так, Конституция Королевства Дании содержит положение, по которому любое лицо, взятое под стражу должно предстать перед судьей в течение двадцати четырех часов (п. 3 ст. 71). Статья 72 предусматривает также, что обыск жилища, арест и перлюстрация писем и других документов, нарушение тайны почтовых, телеграфных отправок, телефонных переговоров могут иметь место только на основании судебного приказа, если исключения не установлены законом.¹² Статья 6 Конституции Греции гласит: "Никто не может быть подвергнут аресту либо тюремному заключению без обоснованного судебного ордера, который должен вручаться в момент ареста или задержания. Исключение составляет арест на месте преступления".¹³ Статья 9 предусматривает иммунитет жилища и возможность любого домашнего обыска только в присутствии представителя судебной власти.¹⁴ Подобные нормы содержатся также в Конституциях Австрии и Бельгии.

Без сомнения положительный зарубежный опыт не мог остаться незамеченным. Более того, провозгласив демократический путь развития и признав невозможность существования государства на основе коммунистических идей и принципов Россия, таким образом, взяла на себя серьезные обязательства по построению свободного цивилизованного общества. Ответственность за этот шаг государство должно нести прежде всего перед своими гражданами. Сегодня практически каждое научное выступление или публикация, касающиеся проведения судебной реформы в сфере уголовного процесса, не обходятся без упоминания о контрольных функциях суда в ходе расследования преступлений. Проблема "реального включения суда в досудебные стадии уголовного процесса с самого начала, с тем, чтобы все основные процессуально значимые решения - и прежде всего решения о применении к лицам, вовлеченным в орбиту уголовного судопроизводства, мер уголовно-процессуального принуждения - принимались судом"¹⁵ уже давно и остро обсуждается в научных кругах. Однако, правовые предпосылки для воссоздания функции судебного контроля в Российском уголовном процессе появились с принятием Верховным Советом РСФСР Декларации прав и свобод человека и гражданина¹⁶ - документа с подписанием которого начался для России отсчет "нового" времени. В преамбуле четко была определена задача приведения законодательства России в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека. Статья 1 впервые в отечественном законодательстве закрепила положение, согласно которому права и свободы человека принадлежат ему от рождения, признав тем самым "буржуазную" концепцию прав человека и гражданина. Серьезным шагом на пути воссоздания функции судебного контроля явились статьи Декларации прав и свобод человека и гражданина, определяющие порядок задержания, заключения под стражу, ограничения тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, обыска, иных действий, совершаемых с проникновением в жилище. Тем не менее, как правильно заметил Евгений Догот, "институт прав человека - новое для России явление, требующее заметного изменения правосознания в обществе".¹⁷ Добавим, что не только "изменения правосознания" было недостаточно на том этапе для полного восстановления контрольной функции суда в уголовном процессе. В 1991 году мы были в самом начале длинного этапа реформ. Несмотря на нормативное закрепление в Декларации положения о том, что общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР (п.2 ст.1), несмотря на положения, устанавливающие судебный контроль, Россия все еще жила по принципам Конституции РСФСР 1978 года. Концепция судебной реформы, разработанная и одобренная в тот же период, поставила перед законодателем определенные цели и задачи, задала общее направление деятельности по приведению законодательства в соответствие с нормами

международного права. Однако, проблема заключалась в том, что уже имея хорошую правовую основу для реализации контрольных полномочий, суды в отсутствие конституционного закрепления демократических принципов и процессуальной регламентации оказались не готовы принять на себя столь обширные полномочия по защите прав и законных интересов граждан в сфере уголовного судопроизводства. В 1992 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был дополнен статьями 220-1 и 220-2, позволяющими подавать в суд жалобы на применение органом, производящим предварительное следствие, заключения под стражу в качестве меры пресечения, продление срока содержания под стражей, а так же предусматривающими судебную проверку законности и обоснованности ареста или срока содержания под стражей. Механизм реализации данных норм, мягко говоря, определен опять-таки не был. На помощь судам, как в старые добрые времена, пришел Пленум Верховного Суда РФ, разъяснив на какие моменты следует обратить внимание при рассмотрении таких жалоб.¹⁸ Конечно, судьи испытывали немало трудностей в процессе реализации контрольных полномочий. Тем не менее, положительный результат от введения института судебного контроля был отмечен практически сразу. Посмотрим: в 1992г. судами было рассмотрено 14387 жалоб на арест обвиняемых (подозреваемых), в 1993 году их число увеличилось до 53874.¹⁹ О значимости и действенности судебного контроля говорит также и тот факт, что зачастую принесение в суд жалобы на необоснованность ареста или содержания под стражей уже само по себе становилось поводом для более внимательного пересмотра следователем принятого им решения. В подтверждение данного тезиса Председатель военного суда Екатеринбургского гарнизона В. Бозров приводит такие цифры: "20% поданных в военный суд Екатеринбургского гарнизона жалоб на незаконность ареста производством прекращено, поскольку к моменту их рассмотрения органы предварительного следствия сами изменили заключение под стражу на иную меру пресечения."²⁰

1993 год был ознаменован принятием новой Конституции Российской Федерации. Основной Закон обновляющегося государства провозгласил ряд демократических принципов, отсутствие которых во многом затруднило, а скорее сделало бы невозможным воссоздание на практике функции судебного контроля в уголовном процессе.

Еще одним важным моментом является то, что Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие. Данное положение является гарантией того, что ее нормы не станут очередной декларацией. Статья 15 провозгласила также, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международный договор предусматривает иные по сравнению с внутренним законодательством правила, то применяются нормы международного договора. Закрепление данных положений на конституционном уровне еще раз подтверждает стремление нашего государства приблизиться к мировым стандартам, окончательно отойти от тоталитарного прошлого, определив при этом, что права и свободы человека являются основой, приоритетом при осуществлении любой государственной и иной деятельности. Этими же устремлениями во многом руководствовались и авторы нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Анализ его норм позволяет сделать вывод о том, что законодатель попытался не без учета, с одной стороны, общепризнанных международных норм и, с другой стороны, российских особенностей создать совершенно иную, по сравнению с ранее существовавшей, модель уголовного судопроизводства. В связи с этим, естественным, на наш взгляд, является то, что институты и принципы нового уголовного процесса, как пришедшие вновь (например институт судебного контроля), так и впервые появившиеся в нашем законодательстве имеют своих критиков и сторонников. По крайней мере активное обсуждение, разворачивающееся на страницах научных журналов, большой спектр мнений ученых и практиков свидетельствует о преодолении известной правовой апатии и нигилизма доперестроечного периода. Насколько

действенным и рабочим окажется новый УПК говорить пока рано. Однако не стоит относиться к его нормам как к чему-то навсегда и абсолютно обусловленному. Думается, что и сами его авторы не могут дать однозначный ответ о том, "приживутся" ли на российской почве предложенные новеллы и насколько гармоничным является новое "детиче" в целом. Однако высказывания по этому поводу отличаются своей нелогичностью и непоследовательностью выводов. Так, например, С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев, ратуя за соответствие норм отечественного законодательства правилам Всеобщей Декларации прав человека, утверждают, что "суд - орган государства - назван судебной властью и выведен в связи с этим из числа органов, ведущих борьбу с преступностью и защищающих права личности и общества."²¹ Данное высказывание абсолютно не соотносится ни со статьей 18 Конституции РФ, имеющей прямое действие и устанавливающей, что именно правосудие обеспечивает права и свободы гражданина, ни с иными нормами Основного Закона, предусматривающими приоритет этих прав и устанавливающих судебный контроль за действиями и решениями органов следствия в ходе уголовного процесса. Еще более непонятной кажется нам позиция авторов статьи, желающих оградить права личности от всевозможных злоупотреблений, касающаяся процедуры рассмотрения судами жалоб на необоснованность ареста. "Нет необходимости, - пишут ученые, - допускать обвиняемого и его защитника к участию в рассмотрении судом их жалобы на законность ареста. Такое расширение прав обвиняемых (подозреваемых) и их защитников ставит под контроль названных участников процесса всю деятельность органов расследования, прокуратуры и суда." Как соотнести данное предложение со статьей 9 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, закрепляющих, что каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или иному должностному лицу, которому по закону принадлежит право осуществлять судебную власть? Комментируя п. 4 ст. 5 Конвенции о защите прав и основных свобод, предусматривающей право каждого лишенного свободы путем ареста и задержания, на разбирательство, в ходе которого суд быстро решает вопрос о законности его задержания, Дженнис Марк справедливо отмечает, что "крайне важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ в суд и возможность быть заслушанным лично, а при необходимости, через ту или иную форму представительства; в противном случае ему не будут предоставлены фундаментальные процессуальные гарантии, применяемые при лишении свободы."²² Европейский Суд по делу Шиссер против Швейцарии в 1979 году постановил, что судья должен действительно выслушать арестованного, что, естественно, невозможно без личного (или через своего представителя) участия лица в разбирательстве его дела.²³

Далее рассуждая об эффективности восстановления в правах компетентными судами авторы указанного сочинения предлагают при рассмотрении судами жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела наделить суд правом возбуждать уголовные дела. Более того отсутствие у судов данного права ограничивает, по их мнению, полномочия суда, лишает его самостоятельности, делает его неспособным выполнять в полном объеме стоящие перед ним задачи.²⁴ Данное высказывание кажется нам несостоятельным в том числе и с точки зрения соответствия российского законодательства международно-правовым нормам. Новая концепция уголовно-процессуального права предполагает состязательность судопроизводства с разделением процессуальных функций и равноправие сторон. Мы не будем сейчас рассматривать проблему полного разделения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, хотя она и требует детального осмысления. Однако необходимость четкого разграничения функции обвинения и судебного разрешения уголовного дела в рамках новой концепции уголовно-процессуального законодательства назрела давно и подтверждается практикой и постановлениями Конституционного Суда РФ. Непонятно насколько сильно пострадает самостоятельность суда при отсутствии права на возбуждение уголовного дела, но то, что наличие у последнего такого права будет означать сужение полномочий стороны обвинения и нарушение прав граждан совершенно ясно.

Возбуждая по жалобе заявителя уголовное дело суд тем самым принимает на себя задачи, которые стоят перед стороной обвинения и тем самым подменяет ее деятельность. Авторы указанной статьи в подтверждение своих положений говорят о том, что нельзя рассматривать возбуждение уголовного дела как акт обвинительной направленности, ибо это есть решение компетентного органа начать деятельность в связи с сообщением о наличии признаков преступления.²⁵ Однако, делая данный вывод, авторы статьи видимо забывают, что именно с этим "необвинительным" актом начинается публичное уголовное преследование от имени государства, а значит создаются правовые основания для осуществления органами, осуществляющими данное преследование процессуальной деятельности. Не будем забывать и о том, что возбуждение уголовного дела есть самостоятельная первоначальная стадия уголовного процесса. Являясь активными сторонниками приведения российского законодательства в соответствие с международными стандартами, авторы все же упустили из вида тот факт, что суд в международных документах выступает как беспристрастный, компетентный и независимый орган (например ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Наделение же суда правом возбуждать уголовные дела не согласуется ни с указанным документом ни с положениями Конституции РФ о независимом правосудии, осуществляемом на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 18, ст. 46, ст. 120, ст. 123 Конституции РФ).

Появление правовых предпосылок для воссоздания данной функции было обусловлено серьезными социальными изменениями, произошедшими в обществе как минимум за последние десять лет. Это был долгий процесс, в ходе которого ломалось общественное мировоззрение и изменялось правосознание. Россия отказалась от прежних представлений о собственности и о правах личности, отказалась от коммунистической идеологии, признав тупиковым социалистический путь развития. За это время было создано довольно много правовых актов, с принятием которых можно связывать появление правовых предпосылок для воссоздания функции судебного контроля, однако, многие из этих нормативных актов пока не привели к положительным результатам. Ст. 58 Конституции СССР предоставляла российским гражданам право (но не реальную возможность) обжаловать в суд действия должностных лиц, ущемляющие права граждан и совершенные с нарушением закона и превышением полномочий. Более действенным, с точки зрения эффективности, стал принятый в 1989 г. Закон СССР "О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан". Нормы союзной Декларации прав и свобод человека имели прямое действие и также предусматривали право на судебную защиту прав граждан от незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций (ст. 22). Предусматривая возможность защиты в суде прав граждан, данные документы постепенно подготовили почву для введения судебной проверки законности действий должностных лиц в уголовном судопроизводстве. Уже упоминавшаяся нами Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР, сделав серьезный "шаг вперед", не только закрепила за судами контрольную функцию, но и акцентировала необходимость приведения российского законодательства в соответствие с международными нормами в области прав человека, а также предусмотрела потребность включения международных документов в российскую правовую систему. Результатом, первым ростком возрождавшегося института судебного контроля стало введение в УПК РСФСР статей 220-1 и 220-2. К сожалению, закон не предусматривал четкого механизма реализации функции судебного контроля, что приводило к большим затруднениям на практике.

Конституция РФ завершила процесс формирования правовых предпосылок для воссоздания функции судебного контроля, закрепив на самом высоком уровне и нормы, касающиеся непосредственно судебного контроля и принципы, без которых реализация судом указанной функции была бы невозможна.

В соответствии с постановлениями Конституционного Суда РФ было предусмотрено также осуществление судебного контроля за законностью и обоснованностью постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, о продлении срока предварительного следствия, о приостановлении предварительного расследования, о производстве обыска, о наложении ареста на имущество. Кроме того Конституционный Суд отметил возможность обжалования действий органов предварительного расследования, связанных с производством обыска и с наложением ареста на имущество.²⁶

Нынешний УПК РФ, как мы уже отмечали, представляет новую модель уголовного процесса и соответственно по-новому определяет его назначение: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, какого-либо ограничения ее прав и свобод. Не последнее место в решении этих задач законодатель отводит суду, предоставляя ему право осуществлять контрольные полномочия. Сегодня, с принятием нового уголовно-процессуального законодательства, научные споры по поводу воссоздания функции судебного контроля не стали менее острыми. Эта проблема останется насущной и актуальной до тех пор пока механизм реализации предоставленных в суду контрольных полномочий не будет окончательно отточен и выверен с учетом и на базе формирующейся в данной сфере практики.

Литература и примечания

1. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М. 1991.
2. См.: Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сб. документов. // Объяснительная записка к законопроекту "О неприкосновенности личности". М. 2001. С.422.
3. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во Московского университета. 1956. С.6.
4. См.: Общая теория прав человека. Изд-во НОРМА. М., 1996. С.430.
5. Там же. С.430.
6. См.: Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. М. 1951. С.367-390.
7. Там же. С.431.
8. Михайловская И.Б. Права человека. Новое российское законодательство и международно-правовые нормы. М. 1992. С.5.
9. Подр. Об этой см.: С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев. Всеобщая декларация прав человека и реализация ее положений в сфере уголовного судопроизводства России. // Журнал Российского права. 1999. №7. С.65 - 69.
10. Статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод содержит и иные основания для задержания лиц, которые не являются предметом нашего исследования и не будут упоминаться в данной работе.
11. Хартия Европейского Союза об основных правах. Комментарий. М. 2001. С.4.

12. Конституции государств Европейского Союза. М. Изд-во НОРМА-ИНФРА. 1999. С311.
 13. Там же. С.247.
 14. Там же. С.248.
 15. Вицин С.Е. Новый УПК - основа уголовного судопроизводства в демократической России. // Юридический консультант. 2001. №12. С.5.
 16. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 26.12.1991. №52, ст.1865.
 17. Догот Е. Концепция прав и свобод человека в уголовном процессе.// Адвокат. 2001. №5. С.60.
 18. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.93. № 3 "О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей" (в ред. Постановлений Пленума ВС РФ от 21.12.1993 № 11, от 29.09.94 №6, от 10.10.2001 №11).
 19. Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии. М. 2001. С.19.
 20. Бозров В. Контрольная функция суда. Российская юстиция. №11. 1996.
 21. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Всеобщая декларация прав человека и реализация ее положений в сфере уголовного судопроизводства России. // Журнал Российского права. 1999. № 7/8. С.65.
 22. Дженнис Марк, Кей Ричард, Бредли Энтони. Европейское право в области прав человека. М. 1997. С.348.
 23. Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М. 2001. С.93.
 24. Ефимичев С.П, Ефимичев П.С. Указ. соч. С.69.
 25. Указ. Соч. С.69.
 26. Судебная проверка решений и действий органов предварительного расследования на досудебном этапе уголовного судопроизводства. // Российский судья. №3. С.22.
-

Дмитриева А.А. О необходимости обязательного участия адвоката - представителя потерпевшего в уголовном процессе

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

А.А. Дмитриева - канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета г.Челябинск)

О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УЧАСТИЯ АДВОКАТА - ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для всех отраслей российского законодательства характерно наличие норм, непосредственно регулирующих отношения, связанные с охраной прав и законных интересов граждан. Данные нормы образуют систему юридических гарантий, защищающих человека от различных посягательств и обеспечивающих возмещение вреда, причиненного ими. Самым опасным нарушением прав и законных интересов личности, причиняющим наибольший вред, является преступление, поэтому граждане, от него пострадавшие, особенно нуждаются в помощи.

Потерпевшему в соответствии с действующим УПК предоставлены широкие процессуальные права, большую часть которых он вправе осуществлять лично или через своего представителя. Защита потерпевшим своих прав и законных интересов через представителя, с одной стороны, является одним из важных процессуальных прав, с другой - процессуальной гарантией, обеспечивающей участнику процесса реальное осуществление его прав. Необходимость иметь при производстве уголовного дела представителя вызвана тем, что во многих случаях потерпевший не может сам реализовать свои процессуальные права. Причины этого разнообразны. Например, в результате полученной травмы состояние его здоровья не позволяет быть участником процесса, или моральная травма настолько тяжела, что потерпевший не в состоянии активно участвовать в судопроизводстве и поэтому предпочитает иметь в нем своего представителя. Не менее существенно и то, что в роли потерпевшего чаще всего оказываются люди, мало осведомленные в вопросах законодательства. Конечно, лицо, производящее дознание, следователь и суд обязаны разъяснять потерпевшему его процессуальные права, однако полнее и эффективнее реализовать эти права может лицо, обладающее юридическими познаниями, поэтому потерпевшие нередко доверяют защиту своих прав и законных интересов в уголовном процессе адвокатам. Участие в деле адвоката в качестве представителя потерпевшего позволяет своевременно, надежно и результативно осуществлять правовую защиту прав и законных интересов потерпевшего.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено обязательное участие в уголовном деле адвоката-представителя. Единственным актом, регулировавшим этот вопрос, являлось Указание Генерального прокурора СССР от 16 июня 1960г., в котором говорилось о возможности предоставления прав несовершеннолетних потерпевших или лиц, страдающих физическими или психическими недостатками, адвокату.¹ Следственные и судебные органы часто обращаются в юридические консультации с просьбой о выделении адвоката для представительства несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего, родители или близкие родственники которого умерли, а законный представитель не назначен. Такая же ситуация возникает и тогда, когда обнаруживается, что позиция законного представителя потерпевшего противоречит интересам потерпевшего. Например, мать

несовершеннолетнего потерпевшего вступает за обвиняемого - отца.² Очевидно, что в таких случаях следователь или суд должны принять меры, чтобы законный представитель, уклоняющийся от выполнения своих обязанностей, был заменен другим представителем, в частности, адвокатом. Поэтому в законе следует предусмотреть случаи обязательного участия представителей потерпевших по делам о преступлениях, причинивших вред несовершеннолетним, слепым, немым, глухим и иным лицам, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свои права и защищать свои интересы, независимо от того, участвуют ли в деле их законные представители, так как эта категория потерпевших в силу своих физических или психических особенностей нуждается в повышенном уровне защищенности, который сможет в достаточной мере обеспечить лишь профессиональный юрист - адвокат.

Обязательное участие адвоката - представителя потерпевшего диктуется также и соображениями нравственно-психологического и нравственно-педагогического характера, в соответствии с которыми следует ограждать от знакомства с определенной частью материалов дела несовершеннолетнего. Например, с неизвестными ему материалами, порочащими его родителей.³ В этом случае знакомиться с соответствующими материалами, участвовать в их исследовании должен его представитель - адвокат. Необходимость предусмотреть случаи обязательного участия адвоката - представителя потерпевшего в уголовном процессе диктуется и требованиями соблюдения принципа состязательности; закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве только случаев обязательного участия адвоката - защитника обвиняемого (ст. 51 УПК РФ) нарушают этот принцип.

Вышеизложенное подтверждает правоту тех ученых-процессуалистов, которые выступают за внесение в УПК РФ случаев обязательного участия представителя потерпевшего в уголовном процессе. Этого настоятельно требует и практика. По данным анкетирования, проведенного среди адвокатов, судей, прокуроров г. Челябинска, 87% опрошенных высказались за необходимость законодательного урегулирования случаев обязательного участия адвоката - представителя потерпевшего в уголовном процессе.

Литература и примечания

1. См.: Сборник приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. - М. 1966. С.56.
2. См., напр.: Ларин А. М. Представительство в уголовном процессе.// Сов. юстиция. 1981. №8. С.21.
3. См.: Ларин А. М. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. - М. 1993. С.115.

Володина Л.М. Новые проблемы возбуждения уголовного дела

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Л.М. Володина - д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ИГиП Тюменского государственного университета (г.Тюмень)

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

С принятием нового уголовно-процессуального закона видоизменились многие традиционные институты уголовно-процессуального права, в том числе претерпел некоторые изменения и институт возбуждения уголовного дела. Насколько позитивны эти изменения?

Российское уголовное судопроизводство как система последовательно сменяющихся стадий являет собой сложную картину процесса исследования обстоятельств совершенного преступления, итог которой вывод о виновности или невиновности лица. Начало уголовно-процессуальной деятельности в российском уголовном судопроизводстве связывается со стадией возбуждения уголовного дела. В соответствии со ст. 140 УПК РФ уголовное дело может быть возбуждено только тогда, когда имеются поводы и основания для возбуждения уголовного дела. Поводы к возбуждению уголовного дела перечислены в ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон, как и ранее, не дает определения повода, изменилась лишь регламентация самого перечня поводов к возбуждению уголовного дела. Часть вторая ст. 140 УПК

РФ, по сути, повторяя норму старого закона, предусматривает основания для возбуждения уголовного дела, которыми является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Закон не требует установления юридической квалификации деяния, как и в прошлом (ибо это и невозможно на данном временном отрезке производства), но правоприменитель, принимая решение, обязан дать предварительную квалификацию. Порядок принятия и оформления первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении регламентирован в законе лишь в самом общем виде.

Статья 141 УПК РФ лишь некоторым образом уточняет правила оформления первичной информации, поступившей в органы, полномочные принимать решение о возбуждении дела.

Процессуальный порядок проведения предварительной проверки поступившей в органы информации в виде повода к возбуждению уголовного дела законом не регламентирован. В силу этого так и остается неясным, является ли она по своей природе доказыванием. Существует немалое количество точек зрения ученых по означенному вопросу: от полного отрицания доказывания на этой стадии до признания его с соответствующим обоснованием авторами своих позиций.¹

Способы проведения предварительной проверки в стадии возбуждения уголовного дела многообразны, к их числу относятся истребование документов, отобрание объяснений, организация инвентаризаций, требование производства ревизий, проведение оперативно - розыскных мероприятий, осмотр места происшествия и др. Ныне законодатель, кроме того, предусмотрел возможность производства до возбуждения уголовного дела еще двух следственных действий: освидетельствования и производства судебной экспертизы.

Законодатель обошел молчанием порядок проверки, осуществляемой без производства следственных действий. Собственно, по логике вещей, исходя из ныне действующего законодательства, это вполне объяснимо: процедура возбуждения уголовного дела так и осталась как бы за рамками уголовно-процессуальной формы. С другой стороны, отдельные ее элементы все же регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Так, статьи 141 - 143 УПК РФ регламентируют в общих чертах порядок приема и регистрации заявлений и сообщений, явки с повинной, рапорта об обнаружении признаков преступления, ст. 144 УПК закрепляет порядок рассмотрения сообщения о преступлении, ст. 145 УПК устанавливает некоторые правила принятия итогового решения, завершающего данную стадию. В соответствии с частью четвертой ст. 146 УПК, законодатель допускает производство осмотра места происшествия, освидетельствования, назначение и производство судебных экспертиз. Двойственной позиции законодателя в регламентации процедуры возбуждения уголовного дела мы обязаны сложившемуся в теории и на практике противоречию: с какого момента начинается уголовный процесс, - с момента ли получения и фиксации первичной информации о совершенном преступлении либо с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела. В теории уголовно-процессуального права существует мнение о том, что стадия возбуждения уголовного дела "происходит за рамками производства по конкретному уголовному делу".²

Проблема эта носит не только теоретический характер. В случае отказа в возбуждении уголовного дела естественно возникает вопрос: а имели ли место уголовно-процессуальные отношения. Ответ на вопрос найти невозможно, исходя из общего постулата о том, что уголовный процесс начинается с момента принятия решения о его начале. Проще обойти вопрос молчанием, если предварительная проверка не затронула интересов частных лиц.

Анализ практики дает основание утверждать, что новый УПК не решил тех проблем, которые стояли перед органами расследования, более того, породил новые проблемы. Разброс регламентации отдельных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела в различных главах УПК, привел к несогласованности его отдельных положений. Как отмечают практики, из содержания норм неясно, вправе ли дознаватель, получив сообщение о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно, принять решение о возбуждении уголовного дела либо обязан провести проверочные мероприятия, после чего направить материалы проверки прокурору для определения подследственности. Трудно понять также, вправе ли следователь органа внутренних дел, выехав на место происшествия и установив признаки преступления, которое подследственно следователю прокуратуры, принять решение о возбуждении уголовного дела и производить неотложные следственные действия.

Из числа субъектов, наделенных правом отказа в возбуждении уголовного дела, ныне законом исключены органы дознания, в связи с этим на практике возник целый ряд вопросов.

Статья 146 УПК РФ установила возможность производства экспертизы до возбуждения уголовного дела. Практика идет по пути назначения экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела, но проведение их осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела. Это естественно, поскольку статус участников процесса на данной стадии не регламентирован (и не может быть регламентирован), что требует определенной подстраховки во избежание нарушения прав человека. Этим обстоятельством объясняется и невозможность производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела. Норма, разрешающая производство этого следственного действия до принятия решения о начале производства по делу, непригодна, она не может быть реализована, поскольку при производстве этого следственного действия речь идет об обследовании живого лица.

По данным обобщения практики реализации нового уголовно-процессуального закона для определения наркотиков и ныне на стадии возбуждения уголовного дела проводятся исследования обнаруженного вещества, а не судебные экспертизы.

Одним из значимых изменений, происшедших на этой стадии уголовного процесса, является требование согласия на возбуждение уголовного дела прокурора. По результатам обобщения следственной практики Тюменской области за период с 1 июля по 1 декабря 2002 года абсолютное большинство постановлений о возбуждении уголовных дел согласованы прокурорами в обычном режиме рабочего времени и дежурств прокуроров и их заместителей в праздничные и выходные дни. При выезде в составе следственно-оперативных групп по сообщениям о совершении убийств и иных особо тяжких преступлений, в том числе и в ночное время, прокурорами дано согласие на возбуждение 159 уголовных дел.

Следователь ныне лишен процессуальной самостоятельности в решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Исходя из логики вещей, этим нововведением законодатель повысил ответственность прокурора за принятие решения о начале производства по уголовному делу, упрочив одновременно гарантии прав человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства.

Исходя из результатов обобщения практики, особых сложностей реализация положений ст. 146 УПК РФ о получении согласия прокурора не вызвала. Однако, несмотря на то, что в целом сложившаяся позитивную картину, некоторым образом настораживает проблема получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела в случаях выезда следователя (дознателя) в удаленные населенные пункты области. Анализ практики дает крайне противоречивые результаты. С одной стороны, абсолютное большинство прокуроров районных и окружных прокуратур в своих докладных записках сообщают о том, что следователями (дознателями) не используются в целях неотложного рассмотрения вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела технические средства связи. Вместе с тем существует информация и иного рода. В отдельных районах Тюменской области в случаях, когда возникает необходимость такого согласования в удаленных населенных пунктах, осуществляется применение технических средств связи. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом оформляется в подобных ситуациях получение согласия на возбуждение уголовного дела.

Настораживает то обстоятельство, что согласие прокурора, полученное по телефону, воспринимается на практике как рядовое явление. Предлагается даже использовать такую форму значительно шире, установив порядок ее применения межведомственным нормативным актом. Но такое согласие - не более чем фикция, если исходить из смысла закона, что получение согласия должно быть направлено на проверку законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. Складывается впечатление, что законодатель с самого начала внедрил норму, не отвечающую притязаниям. Проверка законности и обоснованности возбуждения уголовных дел всегда осуществлялась надзирающим прокурором и в прошлом, когда требование получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела не существовало.

На практике используются также информационные сообщения прокурору о возбуждении дела с последующей дачей согласия.

Прошедшие пять месяцев деятельности правоохранительных органов в режиме нового уголовно-процессуального законодательства показали, что насущной проблемой оказалось обеспечение исполнения требований закона о вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела лицами, перечисленными в ч.1 ст. 148 УПК РФ. Дело в том,

что до получения решения коллегии Тюменской областной прокуратуры такие постановления выносились участковыми уполномоченными милиции и оперуполномоченными уголовного розыска. В результате по области состоялось 1216 постановлений участковых уполномоченных и 2244 постановления оперуполномоченных, которые можно, по сути, назвать незаконными. Проблема требует скорейшего разрешения, поскольку на этот счет до сих пор нет никаких соответствующих разъяснений, нет информации и о практике правоприменения в других регионах.

Подводя итог, следует заметить, что институт возбуждения уголовных дел и практика правоприменения не получили от нового уголовно-процессуального закона ожидаемых позитивных изменений. Более того, уголовно-процессуальный закон породил новые серьезные проблемы в правоприменительной деятельности.

Литература и примечания

1. См. об этом подробно: Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела / Учебное пособие. Иркутск, 1981.
2. Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М.: 1997. С. 6.

Хабилов Р.Ф. Некоторые теоретические аспекты организации борьбы с транснациональной преступностью

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.Ф. Хабилов - канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права БашГУ (г.Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Активизация и диверсификация форм транснациональной преступности несомненно требуют изобретения новых форм и методов борьбы с подобной преступностью. Но при этом очевидно и то, что это потребует и пересмотра ряда теоретических вопросов, которые при первом приближении, казалось бы не имеют отношения к этой проблеме. В частности, по нашему мнению, активизация деятельности государства в борьбе с проявлениями транснациональной преступности неизбежно приведет к проблеме, именуемой в теории

международного права коллизией юрисдикций. И если в сфере гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, международное частное право и международная практика выработали эффективные средства борьбы с возникающими при этом коллизиями, как, например активное применение так называемых коллизионных норм или унификация отдельных сфер отношений, то в сфере борьбы с преступностью подобная картина не наблюдается. При этом ряд причин этого кроется в таком понятии как юрисдикция государства. Являясь одной из составляющих понятия суверенитет государства, национальная юрисдикция, безусловно, отталкивается от территории государства. И только "в пределах территории соответствующего государства его юрисдикция действует в принципе безоговорочно".¹ При этом, как известно, существует два основных вида национальной юрисдикции: территориальная и личная. Организация борьбы с преступностью основывается именно на основе территориальной юрисдикции. Раскрывая, данную точку зрения Н.А. Ушаков справедливо заметил: "Уголовная юрисдикция государства в принципе территориальна в том смысле, что она принадлежит органам правосудия того государства, в пределах территории или юрисдикции которого совершено уголовное преступление".² И такая конструкция была достаточно адекватной уровню и характеру преступности буквально до последнего десятилетия,³ поскольку преступность, как и всякое другое социальное явление активно модифицируется с учётом мировых тенденций развития человеческого общества. Стремясь активно противостоять этому, государства по отдельности, и в целом международное сообщество предпринимают попытки изменения политики уголовного преследования с учетом упомянутой тенденции. При этом необходимо отметить, что определенные успехи имеют место только лишь в сфере борьбы с наиболее тяжелыми проявлениями преступности международного характера, как например преступления против мира и человечности, преступления апартеида, геноцида, военные преступления и т.п., и которые, как видно, существенно отличаются от обычных уголовных деяний. Но даже применительно к организации борьбы с упомянутыми выше преступлениями сегодня мы, к сожалению, не можем говорить о наличии всесторонней конвенционной базы, определяющей вопросы наказуемости данных деяний, видов и форм сотрудничества государств, ни тем более о наличии международной уголовной юстиции и международных пенитенциарных средств исполнения приговоров по данным категориям дел.

Применительно же к организации международного сотрудничества в борьбе с обычными уголовными преступлениями,⁴ можно утверждать, что основной формой подобной кооперации выступают договора о правовой помощи. Но система этих договоров не носит глобальный характер, а чаще обеспечивает фрагментарное, региональное сотрудничество, например, в рамках Конвенции стран СНГ "О правовой помощи по уголовным, гражданским и семейным делам 1993 года. Соответственно, отсутствие правовой унификации данного вида сотрудничества государств, зачастую порождает разновекторные индивидуальные мероприятия государств, зачастую нарушающие пределы национальной юрисдикции других государств. Более того "нечеткость разграничения сфер национальных юрисдикций государств иногда даже используется отдельными государствами для установления в одностороннем порядке экстратерриториальной юрисдикции по некоторым вопросам".⁵ Представляется, что блестящая операция, проведенная спецслужбами Израиля по аресту нацистского преступника Йозефа Менгеля на территории другого государства (Бразилии) является подобного рода примером. Но если данная операция в какой то мере может быть легитимизирована с формально-юридической, морально-этической точек зрения, то периодически возникающие попытки США придать экстратерриториальный характер решениям своих судов (например решение суда США по делу об убийстве американского бизнесмена Тейтона в г. Москве, нарушало не только личную, но и территориальную юрисдикцию) или иным правоохранительным органам, например, уничтожение лидеров Аль-Каиды ракетным ударом, нанесенным по территории Йемена, не имеют оснований для какой-либо легитимизации.

Таким образом, можно говорить о существовании двух основных и наиболее типичных юрисдикционных коллизий в контексте исследуемой проблематики:

Первая коллизия имеет место при столкновении национальных юрисдикций двух и более отдельно взятых государств.

Вторая характеризуется столкновением национальной юрисдикции отдельно взятого государства с одной стороны и юрисдикции международного сообщества в целом, с другой стороны.

При этом представляется, что ни наука уголовного права, ни наука международного права, ни международная практика до настоящего времени не придумали другого адекватного способа решения подобных коллизий - как международно-правовая унификация, в рамках международных соглашений.

Литература и примечания

1. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. II. М.: Изд-во НИМП. 1999. С.127.
 2. Ушаков Н.А. Международное право. М.: Юристъ, 2000. С.285.
 3. Очевидно, что в данном случае сложно установить более или менее точные хронологические рамки, поскольку речь идет только о наметившейся тенденции.
 4. В данном случае термин "обычный" используется только лишь для разграничения этой категории уголовных преступлений, от уголовных преступлений международного характера.
 5. Черниченко С.В. Теория международного права. М.: Изд-во НИМП, 1999. С.135.
-

Пакутин В.Д. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в законодательстве некоторых зарубежных государств (сравнительный анализ)

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

В.Д. Пакутин - канд. юрид. наук, доцент Института права БашГУ г.Уфа)

ИНСТИТУТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В конце XX века и первый годы третьего тысячелетия советская и постсоветская наука права, включая уголовно-правовую, все большее внимание уделяет проблемам сравнительного правоведения.¹ Во многих странах Европы приняты новые уголовные кодексы. Это объясняется серьезными изменениями в структуре и динамике преступности, в признании мировым сообществом идеи приоритета общечеловеческих ценностей, все более усиливающимися процессами глобализации,² происходящими в современном мире.

Реформа уголовного законодательства проведена и в странах, входящих в СНГ. В частности, новый (четвертый по счету) Уголовный Кодекс Российской Федерации 1996 г. вообрал в себя многие новейшие достижения российской и зарубежной уголовно-правовой мысли. Знание российским юристами современного зарубежного уголовного законодательства, науки уголовного права стран так называемого ближнего и дальнего зарубежья позволяет более глубоко понять право своей страны, увидеть его сильные, а порой и слабые стороны, дает возможность совершенствовать его с учетом как собственного, так и чужого опыта. В равной мере сказанное относится и к нормам, образующим институт обстоятельств, исключающих преступность деяния. Разумеется, не все имеющееся в зарубежном уголовном праве (а речь пойдет лишь о законодательстве отдельных государств дальнего зарубежья) является для нас образцом для подражания, но в плане понимания юридической природы этого института, видов обстоятельств его образующих, их признаков данный институт заслуживает внимательного изучения.

В рамках настоящей статьи мы имеем возможность охарактеризовать нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, лишь в пределах двух основных систем права: англосаксонской и романо-германской, да и то в самом сжатом виде.

Правовая природа и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния, в системе англосаксонского и романо-германского уголовного права.

1. Обстоятельства в законодательстве и доктрине Англии и США.

Как известно, проблемы юридической природы обстоятельств исключающих преступность деяния, в СССР и РСФСР длительное время была предметом дискуссий. Одни авторы (Якубович М.И.) относили их (необходимую оборону, крайнюю необходимость и др.) к обстоятельствам, исключающим общественную опасность; другие (Слуцкий И.И.) называли их обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность и наказуемость; третьи полагали правильным говорить о них как об обстоятельствах, исключающих противоправность деяния (Пионтковский А. А.).

Уголовный кодекс России 1996 г. закрепил за ними название "Обстоятельства, исключающие преступность деяния" (гл.8, ст. ст. 37-42). При их наличии в поведении лица, по мнению ученых, нет либо всех признаков преступления (например, при необходимой обороне)³ либо некоторых из них (в частности, при исполнении приказа или распоряжения).⁴ Думается, второй взгляд является предпочтительным, т.к. при исполнении незаконного приказа формально имеются все признаки преступления, кроме вины исполнителя. В зарубежном уголовном праве затронутая проблема решается также неоднозначно.

А - Англия.

Правовая природа обстоятельств в англо-американском законодательстве определена весьма противоречиво и неполно. Законодательство Англии не содержит определения и перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния. Об этих обстоятельствах говорит английская теория уголовного права, они регламентируются судебной практикой, основанной на прецедентах. Так, в капитальном исследовании по уголовному праву проф. К.С. Кенни их называет "Обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность".⁵ Предлагается выделить три группы таких обстоятельств: а) когда воля отсутствует; б) когда воля не направлена на содеянное; в) когда воля подавлена принуждением.

К первой группе отнесены:

- 1) недостижение возраста уголовной ответственности,
- 2) душевная болезнь (невменяемость),
- 3) опьянение (не любое),
- 4) совершение деяния корпорацией (юридическим лицом), но только в некоторых случаях.

С точки зрения российской доктрины уголовного права и законодательства названные обстоятельства не исключают объективной опасности содеянного, совершаются при отсутствии общественно полезных побуждений, что в принципе характерно для обстоятельств, помещенных в гл. 8 УК РФ.⁶

Вторая группа включает в себя фактическую ошибку. Юридическая ошибка "...не может служить в Англии оправданием совершенного преступления".⁷

Видами обстоятельств третьей группы (их автор называет "обстоятельствами защиты"),⁸ являются: 1) исполнение приказа. 2) физическое и психическое принуждение, 3) необходимость. К сожалению, в работе, посвященной этой группе, ни слова не сказано о необходимой обороне, согласии потерпевшего. О них Кенни рассуждает применительно к таким составам преступлений как убийство, причинение телесных повреждений,⁹ что нарушает целостность построенной им системы. Резюме: английское уголовное право не содержит понятия обстоятельств, их перечень в доктрине и в судебной практике значительно шире, чем в УК России. Наконец, там многие из них (см. первую и вторую группы) не являются общественно полезными и целесообразными, и, с точки зрения российской доктрины уголовного права и действующего законодательства, не могут называться обстоятельствами, исключающими преступность деяния.¹⁰

Б - США

Федеральное уголовное законодательства США вопросы, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, непосредственно не регулирует,¹¹ они решены в Примерном уголовном кодексе США 1962 г.¹² и в УК пятидесяти штатов. Примерный УК США оказал серьезное влияние на реформирование уголовного законодательства всех штатов, и особенно на УК штата Нью-Йорк. В американском уголовном праве анализируемые обстоятельства, как и в английском, получили название обстоятельств "защиты" от обвинения. Примерный УК США к ним отнес: 1) незнание или ошибку (ст. 2.04); 2) патологическое опьянение (ст. 2.98); 3) физическое насилие (ст. 2.09); 4) приказ военачальника (ст. 2.10); 5) согласие потерпевшего (ст. 2.11); 6) малозначительность нарушения (2.12); 7) провокацию преступления (ст. 2.13); 8) признание поведение правомерным вообще. Выбор наименьшего вреда (ст. 3.02) - эта статья напоминает нашу

крайнюю необходимость; 9) применение насилия при самозащите (ст. 3.04); 10) применение насилия для защиты других лиц (ст. 3.05); 11) применение насилия для защиты имущества (ст. 3.06); 12) применение насилия при исполнении закона; 13) применение насилия лицами, на которых лежит особая ответственность за попечение над другими лицами или за их дисциплину либо безопасность; 14) психическая болезнь или неполноценность, исключающие ответственность (ст. 4.01); 15) незрелость, исключающая осуждение в уголовном порядке... (ст. 4.10). Итак, примерный УК отнес к обстоятельствам "защиты" те из них, которые исключают уголовную ответственность либо наказуемость деяния, либо виновность. Перечень достаточно обширен, но самое главное - каждое из этих обстоятельств детально юридически прописано, особенно правомерность применения насилия при защите разных правоохраняемых благ.

В УК штата Нью-Йорк (1967г.) к обстоятельствам "защиты" отнесены: 1) влияние незнания или ошибки не ответственности (ст. 15 Виновность, параграф 15.20); 2) влияние опьянения на ответственность (ст. 15, параграф 15.25); 3) недостижения возраста уголовной ответственности (ст. 30, параграф 30.00); 4) психическая болезнь или неполноценность (ст. 15, параграф 30.05); 5) оправданное применение физической силы публичным должностным лицом при разумном исполнении им своих официальных полномочий, обязанностей или функций (ст. 35, параграф 35.05. п.1); 6) действие в состоянии крайней необходимости (ст. 35, параграф 35.05, п. 2 - термин "крайняя необходимость" в законе отсутствует - В.П.); 7) применение физической силы в иных случаях, не относящихся к необходимой обороне (например, для поддержания дисциплины в семье, учебном заведении, для предотвращения самоубийства, для осуществления "признанной формы лечения" и др. - ст. 35, параграф 35.10, п.п. 1-5); 8) необходимая оборона (термин в УК заменен термином "применение физической силы" для защиты лица (ст. 35, параграф 35.15; для защиты помещения и любой недвижимости - параграф 35.20 этой же статьи; для предотвращения или пресечения кражи либо причинения иного уголовно-наказуемого ущерба имуществу - параграф 35.25, и иные случаи - см. параграф 35.30 ст. 35); 9) задержание преступника (ст. 35, параграф 35.30); 10) физическое принуждение (ст. 40, параграф 40.00); 11) вовлечение в "ловушку" (ст. 40, параграф 40.05), т.е. побуждение или подстрекательство со стороны публичного служащего совершить каким-то лицом посягательство, запрещенное нормативным актом, в целях его последующего уголовного преследования; 12) отказ от намерения совершить посягательство.

Провокации посягательства ("вовлечение в ловушку") в УК РФ, к сожалению, нет, хотя в этом имеется необходимость. Было бы также неплохо позаимствовать опыт законодательного урегулирования вопроса о правомерности применения физической силы в перечисленных в Примерном УК США, УК штата Нью-Йорк ситуациях.

В - Австралия

К англосаксонской системе права относится и законодательство Австралии. В УК Австралии 1995 г. в части 2.3.13 называемой "Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность", имеется разделы 7-10, где по различным основаниям выделяются четыре группы таких обстоятельств.

Первая группа - это "Обстоятельства, связанные с недостатком правоспособности". Среди них названы: 1) недостижение возраста уголовной ответственности (раздел 7.1); 2) психическое ослабление (суть его в законе не разъясняется, но, по мнению переводчика УК, это психическая ущербность, не достигшая степени невменяемости, и к ней закон относит старость, интеллектуальную недееспособность, умственное заболевание, повреждение мозга и существенную дезорганизацию лица (7.2. п.8).

Вторая включает опьянение (раздел 8) "но при условии, если оно не было преднамеренным".

К третьей группе (Раздел 9. "Обстоятельства, связанные с наличием ошибки или незнания") законодатель относит: 1) два вида фактической ошибки (9.1 и 9.2) и два вида юридической ошибки (ошибка или незнание статутного права - 9.3, ошибка или незнание подзаконных актов - 9.4).

Наконец, четвертую группу составляют "Обстоятельства, связанные с определенными внешними факторами" (раздел 10.). В раздел включены: 1) физическое принуждение (10.2), хотя в п. 2 ст.2 речь идет и об угрозе; 2) внезапная или чрезвычайная критическая ситуация (10.3), т.е. крайняя необходимость; 3) самозащита (10.4, термин "необходимая оборона" не употребляется - В.П.); 4) законное полномочие, т.е. совершение действий, причиняющих ущерб, если они обоснованы и выполнены в соответствии с нормами права. (10.5).

Таким образом УК Австралии называет примерно те же самые обстоятельства, что закреплены в упомянутых Примерном УК США и УК штата Нью-Йорк, но они в нем представлены более системно, и, как правило, достаточно юридически аргументировано. Особенно это относится к защите путем необходимой обороны собственности, жилища, границ владения, чего, к сожалению, нет в ст. 37 УК РФ

2. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, в романо-германской правовой системе.

При изложении этого вопроса ограничимся в основном рассмотрением УК Германии, Франции и Испании, поскольку другие страны Западной Европы при создании своих кодексов использовали также правотворческий опыт этих стран

А. Уголовный кодекс ФРГ 1871г. в редакции опубликования от 13 ноября 1998г.14

Нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, в УК ФРГ не систематизированы. Кодекс называет следующие обстоятельства:

1) Ошибка в запрете (параграф 17). Это случай, когда у лица отсутствует понимание того, что оно действует противоправно. Оно считается действующим невиновно, если не могло избежать этой ошибки. Если же могло её избежать, наказание может быть смягчено. Во многих государствах мира, включая Россию, незнание закона не исключает ответственности, хотя это прямо и не вытекает из УК РФ

2) Необходимая оборона (параграф 32).

3) Крайняя необходимость, которая делится на два вида: а) правомерная крайняя необходимость (параграф 34) и б) крайняя необходимость, исключаящая или смягчающая вину (параграф 35).

4) Согласие потерпевшего (параграф 228)

Необходимая оборона возможна только от наличного противоправного нападения, а противоправным по УК ФРГ (параграф 11 п.5) признается лишь деяние, образующее состав преступления, предусмотренный уголовным законом. Следовательно, невозможна необходимая оборона от объективно общественно опасных посягательств со стороны невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности и др. Решение этого вопроса в Российском УК (ст. 37) представляется предпочтительным.

Что касается правомерной крайней необходимости (параграф 34), то она по своим признакам мало чем отличается от крайней необходимости, предусмотренной ст. 39 УК РФ.

Представляет интерес второй вид крайней необходимости при которой ответственность не исключается, но может быть смягчена, если лицо само создало опасность или находилось в особых правоотношениях и в силу их от него можно было потребовать не допускать этой опасности. Такая разновидность крайней необходимости отсутствует в УК РФ, нет единства взглядов на неё и в науке советского (постсоветского) уголовного права.¹⁵ Думается, предложенные в параграфе 35 УК ФРГ решение является более предпочтительным, учитывая российскую действительность.

Вполне приемлема для нашего законодательства и формула параграфа 33 УК, которая гласит: не подлежит ответственности тот, кто превышает пределы необходимой обороны "...из-за замешательства, страха и испуга". В ст. ст. 37 и 39 УК РФ эти факторы не учтены.

В Особенной части УК ФРГ в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, названо согласие потерпевшего (параграф 228) в случае нанесения ему телесного повреждения, но при условии, что оно не нарушает общепринятые моральные нормы. Этот оценочный признак не разъясняется. Включение названного обстоятельства в УК РФ является предметом дискуссии, которая, надо полагать, будет продолжаться долго.

Б. Уголовный кодекс Франции 1992 г. 16

Институт обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, компактно расположен в главе 2 УК, называемой "Основания ненаступления уголовной ответственности или её смягчения" и включает следующие из них:

1. Статья 122-1. Не используя термины "невменяемость" или "уменьшенная вменяемость", фактически имеет в виду их. При невменяемости лицо не подлежит уголовной ответственности, при ограниченной вменяемости, как и в ст. 22 УК РФ, подлежит, но суд обязан, в отличие от УК РФ, учитывать данное обстоятельство при назначении наказания и установления режима его исполнения.

2. Статья 122-2. Не подлежит уголовной ответственности тот, кто совершает предусмотренное уголовным законом деяние под воздействием какой-либо силы или принуждения, которым он не мог противостоять. В УК РФ (ст.40) это обстоятельство сформулировано более полно и точно.

3.Статья 122-3 говорит о юридической ошибке (ошибке в праве). Для освобождения от ответственности лицу необходимо представить доказательства того, что по ошибке относительно права, которой оно не могло избежать, оно полагало, что имело законное основание совершить действие. О фактической ошибке закон умалчивает. Наш УК проблему ошибки не решает, поскольку в доктрине российского уголовного права её понимание и виды остаются спорными.

4.Статья 122-4. Она освобождает от ответственности тех, кто совершает какое-либо действие, предписанное или разрешенное положениями закона или регламента. Большинство российских ученых вполне обоснованно исключают исполнение закона из обстоятельств, устраняющих преступность деяния. В этой же статье (2.2) регулируется вопрос об исполнении приказа или распоряжения. Ответственность исполнителя исключается, если требование (приказ) исходит от законной власти и лицо явно не знает о неправомерности такого требования. В ст.42 УК РФ данное обстоятельство сконструировано юридически безупречнее.

5. Статьи 122-5. и 122-6. посвящены правомерной защите (термин "необходимая оборона" отсутствует). Необходимая оборона возможна только от "необоснованного посягательства". Термин не разъясняется и поэтому не понятно, возможна ли защита как от преступления, проступка, так и нарушения (ст.111-1 УК Франции все преступные деяния делит на три названные категории). Из текста закона трудно сделать вывод о праве граждан на защиту от посягательств невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В нем также не употребляется выражение "превышение защиты", хотя защита считается правомерной при условии, что нет "...явного несоответствия между используемыми средствами защиты и тяжести посягательства".

Представляет несомненный интерес для российского читателя решение вопроса в названных статьях о защите собственности и жилища. Защита собственности от преступления и проступка возможна весьма серьезными способами (кроме умышленного убийства), но при условии соответствия средств защиты тяжести преступного деяния. Особо выделяется в УК правомерная защита в целях отразить проникновение в жилище, осуществляемое путем взлома, насилия, обмана или ночью (п. 1 ст.122-6). В современных российских условиях наличие аналогичной нормы, наверное, было бы благом для многих людей.

Не очень ясна позиция законодателя, сформулированная в п.2 ст. 122-6 и признающая правомерной защиту от краж или насильственных грабежей. В каком объеме может быть причинен вред, например, вору, который пытается похитить имущество? - можно толковать по-разному.

6. В ст. 122-7. содержится формулировка крайней необходимости (этот термин в УК не употребляется). В отличие от ст. 39 УК РФ, французский закон не требует в качестве условий правомерности крайней необходимости, чтобы причинение вреда было единственным средством спасения правоохраняемого блага и чтобы он был меньше, чем вред предотвращенный.

7. Наконец, последним из обстоятельств в ст. 122-8 названо недостижение возраста уголовной ответственности, которая возможна, исходя из этой статьи, с 13 лет.17

Итак, мы видим, что УК Франции не признает четкого разграничения между обстоятельствами, исключающими преступность деяния, как это принято в ст. ст. 37-42 УК РФ, и обстоятельствами, которые являются основанием для освобождения (ненаступления) уголовной ответственности.

В. Уголовный кодекс Испании 1995 г. 18

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, либо являющиеся основанием для освобождения от уголовной ответственности (законодатель не проводит между ними терминологического различия) предусмотрены в главе II УК "Основания освобождения от уголовной ответственности".

Исключают преступность деяния следующие обстоятельства:

1) необходимая оборона (в ч. 4 ст. 21 УК употреблен термин "защита"). Она признается правомерной при следующих условиях: а) нападение должно быть противоправным, т.е. быть преступлением или проступком (ст.10 УК Испании различает преступления и проступки); б) способ защиты должен соответствовать "требованиям разумной необходимости" (термин весьма неопределенный); в) защита не должна быть спровоцирована. Последнее условие желательно было бы закрепить и в ст. 37 УК РФ.

2) Крайняя необходимость (в ч. 5 ст. 21 УК этот термин не назван). Её особенности: а) вред причиненный может быть равным предотвращенному (в ст. 39 УК РФ такой случай образует превышение крайней необходимости); б) состояние крайней необходимости не должно быть спровоцировано лицом, причинившим вред (к сожалению, в ст. 39 УК РФ об этом ни слова); в) крайняя необходимость правомерна, если профессиональной обязанностью лица, находящегося в таком состоянии, "... не является самопожертвование в защиту чьих-либо прав". Это оценочное понятие в статье не раскрывается.

3) Исполнение своего долга, законное осуществление своего права, а также профессиональных или должностных обязанностей (ч.7 ст.21 УК). Здесь по существу объединены несколько самостоятельных обстоятельств, исключающих преступность деяния: а) осуществление своего права (для российской науки уголовного права его выделение в законе проблематично); б) осуществление своих профессиональных или должностных обязанностей (в какой-то мере напоминает ст. 41 УК РФ о риске); в) исполнение своего долга (весьма неопределенное понятие ...

Исключают уголовную ответственность такие обстоятельства:

1) недостижение лицом возраста уголовной ответственности (ст.20 УК);

2) невменяемость (ч.1 ст.21 УК). Термин в статье не употребляется, но имеется в виду именно это состояние, его признаки сформулированы менее удачно, чем в ст. 21 УК РФ. Согласно рассматриваемой статье временное психическое расстройство не освобождает от ответственности, если оно было спровоцировано самим субъектом с намерением совершить преступление...

3) неспособность осознавать действительность с рождения или с детства в силу психических нарушений (ч.3 ст.21 УК), (по сути, это скорее разновидность невменяемости);

4) состояние сильного алкогольного, наркотического и иного отравления во время совершения преступления при условии, что лицо не имело намерения его совершить или не предвидело и не должно было предвидеть возможность его совершения (ч. 2 ст.21 УК). В этом вопросе предпочтительней являются формулировки ст. ст. 21 и 22 УК РФ;

5) деяние, совершенное в состоянии сильного страха (ч. 2 ст. 21 УК). Прокомментировать это обстоятельство с позиции доктрины российского уголовного права затруднительно, поскольку оно может рассматриваться либо как смягчающее обстоятельство, либо как один из моментов необходимой (либо мнимой) обороны. В УК РФ специальная норма о страхе, как обстоятельстве, освобождающим от уголовной ответственности, вряд ли целесообразна.

В УК Испании обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, также предусмотрены в гл.1 "Преступления и проступки". В частности, ст. 14 УК к ним отнесены:

- 1) непреодолимая ошибка относительно действия (видимо, речь идет о фактической ошибке);
- 2) непреодолимая ошибка относительно противоправности деяния (юридическая ошибка).

Объяснить отрыв этих двух обстоятельств, от обстоятельств, названных в гл. 2 (ст. 21 УК), не представляется возможным. Видимо, здесь решающая роль принадлежала теории уголовного права Испании, а она нам пока почти неизвестна.

Литература и примечания

1. См. например: Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. - М.: ООО "Городец-издат", 2002. - 1068 с.; Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. - Уголовное право современных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие. - М.: Зерцало, 1997. - 192 с.
2. См.: Жданов Ю.Н., Лаговская Е.С. Европейское уголовное право: перспективы развития. - М.: Международные отношения. 2001. - 232 с.
3. Ткачевский Ю.М. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Курс уголовного права. Общая часть. Том1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. - М.: ИКД "ЗЕРЦАЛО", 2002. С.455.
4. См.: Келина С.Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Курс российского уголовного права. Общая часть. / Под. ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2001. С.419.
5. См.: Кенни К. Основы уголовного права. Под. ред. и с вступительной статьей Никифорова Б.С. М.: Издательство Иностранной литературы, 1949. С.52-85.
6. См.: Келина С.Г. Указ. соч. С.418-419.
7. Кенни К. Указ. соч. С.74.
8. См.: там же. С.76.
9. Там же. С.111-119.
10. См, например, Ткаченко В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. - М.: Юрист, 1996, с. 301; Р.Р. Галиакбаров. Уголовное право. Общая часть: Учебник. - Краснодар. Кубанский государственный аграрный университет. 1999. С. 256.
11. См.: Уголовное право США: Сборник нормативных актов / Сост., отв. ред. и автор вступит. ст. И.Д. Козочкин. - М.: Изд-во УДН, 1985. - 160 с.
12. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права. Под. ред. и с предисловием д.ю.н. Б. С. Никифорова. М., 1969, 393 с.
13. Уголовный кодекс Австралии 1995г. / Научное редактирование и предисловием к.ю.н., проф. И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз; перевод с англ. Е.Н. Трикоз. - СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2002г. - 388с.
14. Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. - М.: ИКД "Зерцало - М", 2001. - 208 с.
15. См., например, Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С.79.
16. См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). Сборник законодательных материалов. / Под ред. И.Д. Козочкина. - М.: Издательство "ЗЕРЦАЛО", 1999. - 352 с.

17. Подробно об этом см.: Крылова Н.Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. - М.: Издательство "Спарк", 1996. С.44-45.

18. Уголовный кодекс Испании. Под редакцией и с предисловием доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и доктора юридических наук профессора Ф.М. Решетникова. - М.: Издательство "ЗЕРЦАЛО", 1998. - 218 с.

Бурылева Е.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Е.В. Бурылева - ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Одной из новелл в УПК РФ явилось разграничение прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования. И это вполне оправдано, т.к. несмотря на некоторую схожесть, данные правовые институты различны как по форме, так и по содержанию.

К сожалению, законодатель не раскрывает значение таких понятий, как "уголовное дело" и "производство по уголовному делу". Однако, это имеет очень важное значение для уяснения таких правовых институтов как возбуждение уголовного дела, приостановление производства по уголовному делу, прекращение уголовного дела и др.

В Модельном УПК для государств-участников СНГ, принятом в виде рекомендательного законодательного акта на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996г. (в дальнейшем - МУПК) и в УПК Республики Беларусь от 24.06.99г. (далее - УПК РБ) данные термины достаточно полно раскрыты.

Так, в ст. 10 п. 5 МУПК под "уголовным делом" понимается "обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом". А "производство по делу" в п. 31 ст. 6 УПК РБ определено как совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых по конкретному уголовному делу".

Начатое, возбужденное уголовное дело, как правило, может быть закончено либо постановлением приговора, либо вынесением определения (постановления) о прекращении уголовного дела. Прекращение уголовного дела - одна из форм окончания уголовного процесса на любой из его стадий (за исключением стадии возбуждения уголовного дела).¹ Оно заключается в завершении производства процессуальных действий и принятии решений по конкретному уголовному делу при наличии оснований, предусмотренных УПК РФ.

Упомянутое нами выше выделение законодателем двух видов прекращения уголовного процесса (в отношении лица и в отношении преступления) вполне закономерно привело к разграничению оснований. Основания для прекращения уголовного дела закреплены в ст. 24 - 26 УПК РФ.

В ст. 24 УПК РФ перечислены обстоятельства, наличие которых влечет за собой обязательное прекращение уголовного дела. Представляется необходимым остановиться на некоторых из них. Так, в отличие от ранее действовавшего новый УПК РФ не выделяет в качестве самостоятельного основания для прекращения уголовного дела - не достижения лицом, совершившим деяние, предусмотренное уголовным законом, возраста уголовной ответственности. При установлении данного факта в соответствии со ст. 27 ч. 3 УПК РФ уголовное преследование подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления.

Ст. 24 ч. 1 п. 4 предусматривает прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. Считаем, что подобная формулировка затруднит применение процессуальной нормы на практике. Если следовать буквальному толкованию данного положения, то прежде чем прекратить уголовное дело, нам надлежит поставить умершее лицо в положение подозреваемого или обвиняемого. На наш взгляд наиболее удачен МУПК, который исключает возможность осуществления уголовного преследования в отношении лица, умершего к моменту осуществления уголовного судопроизводства.

В п.6 ч.1 рассматриваемой статьи впервые законодателем включено основание для прекращения уголовного дела, связанное с принадлежностью лица к определенной категории граждан, обладающего иммунитетом от уголовного преследования. К таким основаниям относятся либо отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п.п. 1, 3-5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п.п. 1, 3-5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Далее, ст. 24 УПК РФ к обстоятельствам, влекущих прекращение уголовного дела, относит также: отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления; истечение сроков давности уголовного преследования; отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения.

Помимо этого, уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом (ч.2 ст.24 УПК РФ).

Ст. ст. 25, 26 УПК РФ предусматривают обстоятельства, наличие которых дает право суду, прокурору, а также следователю и дознавателю с согласия прокурора прекратить уголовное дело. Ими являются соответственно примирение сторон и изменение обстановки.

Считаем, что применение на практике ст. 25 УПК РФ будет затруднено по следующим причинам. Прекращение уголовного дела за примирением сторон по УПК РФ возможно в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой и средней тяжести в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ. А ст. 76 УК РФ допускает возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений лишь небольшой тяжести. Возникает вопрос, каким законом следует руководствоваться лицам, ведущим уголовный процесс? Имеются ли противоречия между нормами материального и процессуального права?

На этот счет высказаны различные точки зрения. По мнению Б.Я. Гаврилова, статья 25 УПК развивает положения ст. 76 УК и значительно расширяет действия в уголовном судопроизводстве принципа диспозитивности.² С этим нельзя согласиться, поскольку положения ст. 25 УПК предназначены обеспечить применение предписаний ст. 76 УК РФ и отступление норм УПК от норм УК РФ является неоправданным и ошибочным.³

На наш взгляд, необходимо подвергнуть критике и позицию Верховного Суда РФ, высказанную при ответе на вопросы, возникающие у судей при применении отдельных положений УПК РФ и рекомендованную для использования в работе судов. Так, высший судебный орган РФ считает, что статья 25 УПК подлежит применению, т.к. в соответствии со ст.4 ФЗ "О введении в действие уголовно-процессуального кодекса РФ" федеральные законы и иные нормативно-правовые акты применяются в части, не противоречащей УПК РФ.⁴ Данная точка зрения представляется неверной, т.к. в соответствии со ст. 382 УПК нарушение требований Общей части УК РФ является основанием для отмены судебного решения в кассационной инстанции. Таким образом, прекращение уголовного дела за примирением сторон по делам о преступлениях средней тяжести влечет за собой вынесение незаконного процессуального решения.

В ст. 27-28 УПК РФ законодатель закрепил основания для прекращения уголовного преследования.

Следует отметить, что в УПК РФ под "уголовным преследованием" понимается "деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления", т.е. предшествующая деятельность, связанная с возбуждением уголовного дела и установлением лица, которое в будущем станет подозреваемым или обвиняемым, не охватывается содержанием ст. 5 п. 55 УПК РФ.

Кроме этого, в самой ст. 27 УПК РФ указывается возможность прекращения уголовного преследования только в отношении конкретного лица, уже постановленного в положение подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, прекращение уголовного преследования следует понимать как прекращение обвинения или подозрения в инкриминируемом преступлении.

Одним из оснований для прекращения уголовного преследования является непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Оно выгодно отличается от основания, которое содержалось в УПК РСФСР, и не давало однозначного толкования: "недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств" (ст. 208 ч.1 п.2).

Непричастность же предполагает, что лицо, которое подозревалось или привлекалось в качестве обвиняемого, полностью невиновно.

Смысл п. 2 ч. 1 ст. 27 заключается в следующем: если основания прекращения уголовного дела относятся ко всем подозреваемым или обвиняемым по одному уголовному делу, то прекращение уголовного преследования возможно без прекращения уголовного дела.⁵

Прекращение уголовного преследования возможно также вследствие: акта об амнистии; наличия в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора суда по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; наличия в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обстоятельства, предусмотренные п.п. 6.7 ч. 1 ст. 27 УПК связаны с особым порядком производства по уголовному делу в отношении лиц, обладающих иммунитетом от уголовного преследования. К ним относятся:

- отказ Совета Федерации, Государственной Думы в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора РФ о направлении уголовного дела в суд в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы.

- отказ Государственной Думы или Совета Федерации в лишении неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий.

В соответствии со ст. 28 УПК РФ прекращение уголовного преследования возможно и в связи с деятельным раскаянием по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. И снова налицо противоречие норм УПК РФ и УК РФ. Ст. 75 УК допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делам о преступлениях лишь небольшой тяжести. При совершении преступления иной категории, в том числе и средней тяжести, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Следует сказать, что глава 4 УПК РФ (ст. ст. 24-28) не исчерпывает всех оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Так, в соответствии со ст. ст. 427 ч.1, 3, 431 ч.1 прекращение уголовного дела или уголовного преследования возможно в отношениях несовершеннолетнего в связи с применением к нему принудительной меры воспитательного воздействия.

Прекращением уголовного дела может завершиться производство о применении принудительных мер медицинского характера в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц, либо возможностью причинения им иного существенного вреда.(ст. 439, 443 УПК РФ).

Кроме этого, в соответствии со ст. 239 ч.1, ст. 254 ч. 2 УПК РФ отказ государственного или частного обвинителя от обвинения в случаях, предусмотренных УПК, влечет за собой прекращение уголовного дела или прекращение уголовного преследования.

И в заключение хотелось бы отметить, что ст. 24 ч. 3 УПК РФ предусматривает, что при прекращении уголовного дела прекращается и уголовное преследование. И наоборот, если основания прекращения уголовного преследования относятся не ко всем подозреваемым и обвиняемым по уголовному делу, то в этом случае прекращается уголовное преследование в отношении конкретного лица, а производство по делу продолжается (ст. 213 ч.5 УПК РФ).

Таким образом, сложно сделать вывод о том, что понятие "прекращение уголовного дела" шире понятия "прекращение уголовного преследования".

Литература и примечания

1. См.: ст. ст. 212,221,226,427,439 (на предварительном расследовании); ст. ст.226,239 (в ходе предварительного слушания); ст. 254 (в стадии судебного разбирательства); ст. 367 (при апелляционном производстве); ст. 378 (при пересмотре судебных решений в кассационной инстанции); ст. 408 (при рассмотрении дела в надзорной инстанции); ст.418 (в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).
 2. См.: Комментарий к УПК РФ. Под общ. ред. В.В. Мозякова. М. 2002. С.73.
 3. См.: Уголовный процесс // Под ред. В.П. Божьева. М. 2002. С.386.
 4. См.: Ответы на вопросы судов по применению УПК РФ / Подготовлено В.П. Вериним. ВСРФ. 2002. 24 декабря.
 5. Такого же мнения придерживается и А.П. Коротков (См.: Комментарий к УПК РФ /Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М. 2002. С.113.)
-

Лившиц Ю.Д. , Кочетова А.В. Некоторые вопросы эффективности приостановления производства по уголовному делу

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Ю.Д. Лившиц - д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г.Челябинск)

А.В. Кочетова - ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г.Челябинск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Механизм уголовно-процессуального регулирования представляет собой системное образование, объединяющее взаимосвязанные между собой элементы, обеспечивающие правовое регулирование общественных отношений в сфере уголовного процесса. Основной целью правового регулирования является достижение наиболее оптимального и эффективного порядка деятельности и отношений органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, сторон, а также иных участников уголовного процесса.

Тогда оценка эффективности будет являться тем необходимым условием, который позволит установить: достигнут желаемый результат или нет.

Воздействие на общественные отношения в сфере уголовно-процессуального регулирования происходит поэтапно: 1. Установление проблемы. 2. Постановка целей и задач. 3. Поиск решения проблемы. 4. Принятие решения и его оформление. 5. Контроль и надзор за реализацией принятого решения. При этом от эффективности каждого этапа будет зависеть эффективность всего механизма в целом.

Проблема эффективности уголовного судопроизводства является сложной, многогранной и весьма обширной. Ее работой должны заниматься не только процессуалисты, но и представители смежных наук, других отраслей знаний. Исследование эффективности уголовного судопроизводства включает в себя изучение действенности и реальности уголовно-процессуального законодательства, процессуальных и социальных результатов уголовно-процессуальной деятельности, процессуальных и иных средств, используемых для достижения указанных результатов, и многих других вопросов.¹

Эффективность как категория носит не столько научный, теоретический сколько прикладной характер, позволяющий оценить действенность того или иного института, процессуальной нормы.

Необходимость изучения эффективности института приостановления производства по уголовному делу требует раскрытия содержания данной категории.

Следует отметить, что в научных публикациях проблема эффективности чаще всего рассматривается применительно к правовым нормам. Это не исключает возможности исследования их совокупности, образующей отдельный институт. Потому, нам представляется возможным говорить об эффективности отдельной правовой категории - нормы или института.²

Что же являет собой "эффективность" правовой категории? Этот вопрос относится к числу дискуссионных.

Этимологически понятие "эффективный" означает "дающий эффект, действенный",³ что предполагает получение желаемого результата, на достижение которого направлены действия определенного лица. Однако в правовом смысле, а тем более уголовно-процессуальном данное понятие претерпевает определенную корректировку.

Так, Ф.Н.Фаткуллин полагал, что "под эффективностью процессуально-правового установления следует понимать его способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период его действия в стране".⁴

Н.Ф.Кузнецова определяла эффективность уголовного закона как достижимость целей уголовно-правового регулирования (результативность).⁵

"Эффективна та форма, которая не только предусматривает, но и обеспечивает оптимальный вариант поведения, требуемый для достижения ее цели"6 - утверждал А.Д.Бойков.

Все приведенные определения не являются взаимоисключающими, так как в их основе лежит понимание права как средства руководства обществом, а эффективность правовой категории определяется тем, достигнуты ли цели, поставленные перед правовым регулированием или нет.

Более правильной представляется точка зрения В.И. Никитинского и И.С. Самощенко, которые под эффективностью понимают "соотношение между фактическим результатом их действия (правовых норм - уточнение авт.) и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты".7 Такой подход, как отмечают сами авторы, может служить лишь методологической основой для измерения эффективности. Сама же эффективность предполагает не только цель и результат деятельности, но и иные критерии ее оценки.

Приостановление производства по уголовному делу является вынужденным перерывом в производстве процессуальных действий, потому в общепроцессуальном смысле его существование не способствует достижению желаемого результата по уголовному делу - установление всех обстоятельств преступного деяния и лица его совершившего. Однако в узком смысле он обеспечивает эффективность процесса, так как способствует экономии как людских, так и материальных ресурсов, в связи с невозможностью осуществления дальнейшей деятельности по причинам определенным законом.

Следует отметить, что количество дел приостановленных по различным основаниям возрастает. Так в 1995 году в Челябинской области было возбуждено около 809306 уголовных дел, из них приостановлено 33953 уголовных дела, что составляет 42,3%. В 2001 году возбуждено 92634 уголовных дела, а приостановлено около 39550, что составляет 42,7%. Таким образом, ежегодно более 40% дел не находят своего логического завершения.

Своеобразие рассматриваемого института заключается в том, что законом предусматривается возможность и необходимость приостановления производства предварительного расследования тогда, когда нормальное развитие уголовного дела нарушается и перспектива его окончания становится нередко проблематичной. Все это создает определенные трудности в работе по приостановленным делам, особенно по нераскрытым преступлениям, составляющим большинство (92%). При расследовании дел, особенно на первоначальном этапе, имею до сих пор место недостатки, нарушения закона, которые впоследствии приводят к необходимости приостановления дела.

1. Несвоевременно принимают меры к изобличению виновных, слабо используют криминалистическую технику и помощь специалистов, в результате чего преступникам удается скрыться от следствия, Несвоевременность рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении. Некоторые органы внутренних дел неоперативно реагируют на заявления и иные сообщения о преступлении, иногда даже до возбуждения уголовного дела. Так выборочное изучение 100 уголовных дел показало, что в день поступления заявления было возбуждено 25 % уголовных дел, в течение трех суток - 37 %, в течение 10 суток - 41%. При этом в 11 случаях лица, совершившие преступления скрылись после подачи заявления, но до возбуждения уголовного дела.

2. Непроведение или некачественное проведение неотложных следственных действий. Так осмотр места происшествия проводился по всем изученным нами делам. Однако по некоторым он был произведен поверхностно без участия специалистов.

3. Анализ изученных уголовных дел позволил сделать вывод, что основные следственные действия проводятся по уголовному делу, как правило, в первые две-три недели после его возбуждения. А затем срок производства следствия либо продляется чаще всего по формальным основаниям, например необходимо допросить свидетелей или назначения экспертизы, либо производство по делу приостанавливается, даже если не произведены все процессуальные действия, реализация которых возможна в отсутствие обвиняемого. На этом этапе особенно существенна роль прокурорского надзора и контроля со стороны начальников органов предварительного расследования. Потому каждое девятое постановление следователя о приостановлении производства по делу было отменено прокурором по причине не производства необходимых следственных действий.

4. Ошибки при избрании меры пресечения также являются одной из причин влекущих в дальнейшем невозможность осуществления процессуальной деятельности. Так, Копейским ГУВД был задержан за разбойное нападение Санников, у него изъяты пистолет и патроны. После избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде - Санников скрылся, следствие приостановлено.

При избрании меры пресечения не учитываются личность обвиняемого и тяжесть совершенного деяния. Так в Калининском РУВД города Челябинска было разыскано в 1998 году 57 преступников. В отношении 22 следователями применялась мера пресечения подписка о невыезде, которая в последствии не была изменена, что привело к повторному розыску преступников - уже судом. Кроме того по данным информационного центра ГУВД области среди дел, приостановленных за розыском обвиняемых, имеются такие, по которым обвиняемые установлены и сняты с розыска, однако, уголовные дела производством не возобновлены и соответствующие статистические учетные документы не высланы в ИЦ ГУВД.

5. Активность следователей при организации и производстве розыска оставляет желать лучшего. Это и организация предупредительных мер, таких как: - сообщение в паспортно-визовую службу; - уведомление предприятий и организаций, где работает обвиняемый; - направление уведомлений в военкомат по месту жительства обвиняемого. Невыполнение этих требований приводит к приостановлению производства по уголовному делу. Так следователь Аргаяшского РОВД в ходе расследования не направил необходимые документы в адресное бюро и районное отделение паспортно-визовой службы, в результате обвиняемый свободно выписался с прежнего места жительства и убыл в другую область.

Имеет место переложение следователем обязанностей по организации розыска на органы дознания. Анализ дел показал, что план совместных дел составляется как правило лишь по делам особо тяжких преступлений, находящихся в производстве следователей прокуратуры. В остальных случаях в материалах уголовных дел таковых не имеется, что не способствует качеству производства розыска.

В соответствии с законом (ст.ст.209, 210 УПК РФ) следователь обязан как до приостановления производства по делу, так и после него принимать все меры к обнаружению обвиняемого, а равно и установлению лица, совершившего преступление, а также проводить необходимые действия по их розыску. Во всех случаях действия следователя по розыску носят процессуальный характер, и розыскная цель того или иного действия не меняет его процессуальной природы.⁸

Все перечисленные выше положения так или иначе препятствуют достижению эффективности уголовного процесса. Потому подлежат обязательному исследованию и анализу.

Литература и примечания

1. Лившиц Ю.Д. Теоретические проблемы воспитательного воздействия советского уголовного судопроизводства. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1977 г. С. 1-2
 2. Эффективность правовой категории, в частности, процессуальной рассматривает Ф.Н.Фаткуллин. См.: Фаткуллин Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса. // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Издательство Казанского университета. 1976 г. С.8
 3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001 г., С.914
 4. Фаткуллин Ф.Н. Указ.сочинение. С.13
 5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов. / Эффективность применения уголовного закона. М., Юрид.лит. 1973 г., С.38
 6. Бойков А.Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. / Эффективность применения уголовного закона. М., Юрид.лит. 1973 г., С.175
 7. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., Юрид.лит., 1980 г., С.22
 8. Лившиц Ю.Д., Джаконбаев М.Б. Некоторые проблемы теории и практики приостановления предварительного расследования. Караганда. 1985 г. С.22
-

Бобылёв М.П. Взаимосвязь обвинения с уголовным правосудием

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

М.П. Бобылёв - помощник прокурора Демского района г.Уфы, соискатель кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБВИНЕНИЯ С УГОЛОВНЫМ ПРАВОСУДИЕМ

Обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, является предметом исследования и разрешения в суде. Следовательно, правосудие, определяемое в соответствии со ст.4 Закона РСФСР "О судостроительстве РСФСР" как рассмотрение и разрешение судом уголовных и гражданских дел, в отсутствие обвинения было бы беспредметно и невозможно.

Исходя из этого, первая и наиболее значимая связь обвинения с уголовным правосудием состоит в том, что обвинением определяются предмет и пределы предстоящего разбирательства по делу. По делам, направленным в суд с обвинительными актами, они являются тем фундаментом, на котором базируется дальнейшее производство по делу и который во многом обуславливает исход судебного разбирательства. Согласно ст.252 УПК РФ "судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению".

Во-вторых, обвинение, которое формулирует следователь или прокурор в обвинительном заключении, должно быть подтверждено совокупностью доказательств, собранных по делу. При этом нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, посвященные предмету доказывания, имеют одинаковое отношение к предварительному следствию, в ходе которого выдвигается обвинение, и к судебному разбирательству. В ст.73 УПК РФ указывается, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Совершенно очевидно, что нельзя успешно разрешить дело и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, если все указанные в законе обстоятельства, подлежащие доказыванию, не будут установлены с достоверностью. Дело не может быть направлено в суд, если предварительным следствием не исследовано хотя бы одно из таких обстоятельств, как не может быть вынесен правосудный приговор, если на суде осталось не выясненным какое-либо обстоятельство, входящее в предмет доказывания.

Кроме того, так как предварительное следствие призвано подготовить полноценный доказательственный материал, достаточный для разрешения в судебном разбирательстве всех вопросов, предусмотренных ст.299 УПК РФ, то и пределы доказывания должны быть в принципе одни и те же как применительно к предварительному следствию, так и к судебному разбирательству. Конечно, подобное положение может сложиться лишь тогда, когда предварительное следствие проведено с такой полнотой и основательностью, что судебное разбирательство может ограничиться исследованием доказательств, привлеченных во время расследования и перечисленных в обвинительном заключении.

Доказывание обвинения как в ходе следствия, так и в судебном заседании складывается из одних элементов: собирание (обнаружение и процессуальное закрепление), исследование, оценка и использование доказательств. Однако, если на предварительном следствии на первом плане стоит собирание (отыскание) доказательств, то в суде преобладающим является исследование и оценка имеющихся доказательств.

Оценка доказательств, производимая на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, отличается друг от друга не степенью убежденности следователя и суда в доказанности обвинения (убеждение в полной и исчерпывающей доказанности

обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, предполагается в обеих стадиях), а тем, что решения, в основу которых положена эта оценка, порождают различные правовые последствия: для органов предварительного следствия она является основанием решения вопроса о возможности направления дела в суд, а для суда - это основание для вынесения приговора.¹

О взаимосвязи обвинения с уголовным правосудием следует говорить не только при направлении уголовного дела в суд или рассмотрении его в судебном разбирательстве. Эта связь проявляется и в стадии предварительного расследования дела. Результаты судебного рассмотрения уголовных дел, выявляемые судом ошибки и нарушения органов следствия имеют значение в плане учета следователями, прокурорами при производстве по другим уголовным делам. Судебная практика, не являясь источником права, вместе с тем оказывает большое влияние на практику предварительного следствия, в том числе предъявления и обоснования обвинения в отношении конкретного лица. В частности, именно судебной практикой выработано требование реального обеспечения участия адвоката подозреваемому, обвиняемому в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, чтобы защитник был действительно предоставлен, и в случае заявляемого отказа от защитника, подозреваемый или обвиняемый отказывался бы от адвоката в его присутствии. При этом в уголовном деле должен оставаться ордер адвоката, подтверждающий реальную возможность участия адвоката в деле. Как известно, уголовно-процессуальный закон такого требования не содержит, однако органы следствия в подавляющем большинстве случаев придерживаются данной рекомендации, выработанной судебной практикой, и исключая следующие жалобы подозреваемых, обвиняемых о нарушении права на защиту.

Взаимосвязь предполагает не только взаимодействие, но и наличие общих черт. Среди общих черт обвинения и уголовного правосудия можно выделить следующие.

Требования принципа законности одинаково обязательны и для обвинения, и для судебного разбирательства. Нарушение его в стадии предварительного следствия при формулировании и предъявлении обвинения и в стадии судебного разбирательства порождает одни и те же последствия. Уголовно-процессуальной санкцией за нарушение законности является либо признание недействительными следственных (судебных) действий, совершенных в нарушение установленного законом порядка, признание недопустимыми доказательств, подтверждающих или опровергающих обвинение, либо аннулирование результатов соответствующих стадий - прекращение уголовного дела в связи с допущенными нарушениями на следствии при обосновании обвинения и невозможностью доказать обвинение иными способами, отмена приговора и направление дела на новое судебное рассмотрение в случае существенности допущенных судом нарушений.

Принцип независимости и подчинения только закону распространяется и на субъектов, выдвигающих обвинение, и на суд. Применительно к суду этот принцип закреплен в ст.120 Конституции РФ. В отношении субъектов, осуществляющих функцию уголовного преследования, данный принцип вытекает из трех положений, гарантирующих их независимость и подчинение только закону. Во-первых, как следует из ст.5 Закона РФ "О прокуратуре Российской Федерации" прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законодательством. Во-вторых, ст.17 УПК РФ закрепляет свободу оценки доказательств прокурором, следователем, дознавателем по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. В-третьих, по вопросам о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о

направлении уголовного дела в суд или его прекращении закон (ч.3 ст.38 УПК РФ) не допускает навязывания следователю решений, противоречащих его внутреннему убеждению. В случае несогласия следователя с указаниями прокурора по этим вопросам следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений.

Обвиняемому закон предоставляет широкие возможности в деле активного осуществления им своего права на защиту с момента предъявления обвинения и до окончания судебного разбирательства. Так, воспользовавшись правом быть допрошенным немедленно после предъявления обвинения (ст.173 УПК РФ), обвиняемый может уже в начальной стадии расследования указать на обстоятельства, которые имеют существенное значение для правильного разрешения дела. Право требовать дополнения протокола допроса и внесения в него уточнений (ст.190 УПК РФ) позволяет обвиняемому активно воздействовать на результаты его допроса. Участвуя в ряде следственных действий, он может влиять на их содержание и результаты. Обвиняемый имеет право задавать вопросы во время очной ставки, в ходе следственного эксперимента и осмотра он вправе делать замечания, подлежащие занесению в протокол соответствующего следственного действия. От волеизъявления обвиняемого зависит возможность осуществления функции разрешения дела на предварительном следствии, так как дело не может быть прекращено за истечением сроков давности, вследствие акта амнистии, примирения сторон, изменения обстановки, если обвиняемый возражает против прекращения дела (ст.27 УПК РФ). Еще более широкие права предоставлены обвиняемому в судебном разбирательстве, где он является равноправным участником состязательного процесса. По окончании прений сторон обвиняемый, как и другие участники процесса, вправе представить суду в письменном виде предлагаемые им формулировки решений по вопросам доказанности и квалификации преступления, виновности, наказания и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (ч.7 ст.292 УПК РФ).

Несмотря на изложенные аспекты взаимосвязи обвинения и правосудия, следует указать на неточность встречающегося в литературе утверждения, что выраженные в обвинительном заключении выводы предварительного следствия для суда, рассматривающего дело, носят предварительный характер.²

Необходимо различать четкую границу между этими понятиями, так как обвинение является только предпосылкой правосудия и не предопределяет выводы суда по делу. Как справедливо замечает Г.Н.Колбая "вывод предварительного следствия о виновности обвиняемого является таковым лишь для следователя, однако он не только не окончательный, но даже и не предварительный для суда, в производство которого поступило дело с обвинительным заключением".³

Условия, которые имеются для объективной оценки доказательств, в судебном разбирательстве более благоприятны, нежели на предварительном следствии. В частности, и на предварительном следствии, и в судебном разбирательстве обвиняемый, защитник, потерпевший (а в судебном разбирательстве государственный обвинитель) заявляют различные по своему содержанию ходатайства, разрешение которых предполагает оценку доказательств, но лишь суд имеет возможность тут же заслушать всех участников процесса по поводу этих ходатайств.

Осуществление доказывания в присутствии и при активном участии всех заинтересованных в исходе дела лиц, как это имеет место в суде, в большей мере способствует всестороннему учету обстоятельств дела и объективной оценке доказательств. Эти соображения имеют особое значение, когда перед окончательной оценкой доказательств, производимой в

совещательной комнате, суд непосредственно заслушивает участников судебных прений и последнее слово подсудимого, что повышает гарантии объективной оценки доказательств.

Результатом уголовного правосудия является, как правило, вынесение приговора, которым разрешается обвинение по существу, и в этом проявляется юридически значимый и порождающий важные последствия итог взаимодействия обвинения и правосудия.

Литература и примечания

1. См.: Николайчик Н.И., Матвиенко Е.А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск. 1969. С.16.
 2. См.: Мариупольский Л.А., Статкус В.Ф., Тульчина В.С. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. М. 1969. С.10.
 3. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М. 1975. С.92.
-

Татьянина Л.Г. Проблемы реализации прав обвиняемого по делам, расследуемым органами дознания

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Л.Г. Татьяна - канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса Удмуртского государственного университета (г.Ижевск)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПО ДЕЛАМ, РАССЛЕДУЕМЫМ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

Обвиняемый является центральным участником уголовного процесса, вокруг которого осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, связанная с доказыванием его виновности (невиновности) в совершении преступления. В связи с этим необходимо четко определить момент его появления в уголовном деле, с целью обеспечения возможности своевременной реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав.

В ч. 1 ст. 47 УПК РФ содержится понятие обвиняемого, в соответствии с которым: "Обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о

привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт". В соответствии с ч. 1 ст. 172 УПК РФ обвинение должно быть предъявлено лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Данное положение не вызывает каких-либо возражений.

После предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого у последнего возникает возможность реализации прав, предусмотренных статьей 47 УПК РФ. Зная содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвиняемый может определить отношение к нему, свою позицию, способы защиты.

Однако содержание второго основания для признания лица обвиняемым вызывает массу вопросов. Обвинительный акт является процессуальным документом, который составляет орган дознания по окончании предварительного расследования в форме дознания с направлением дела в суд. Исходя из положений главы 32 УПК РФ, производство по уголовным делам в форме дознания осуществляется в течении 15 суток (максимальное продление срока еще на 10 суток), после чего дознаватель может закончить уголовное дело путем составления обвинительного акта без предъявления обвинения.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 224 УПК РФ обвинительный акт выносится в отношении подозреваемого, содержащегося под стражей, не позднее 10 суток со дня его заключения под стражу без предъявления обвинения. По истечении указанного срока, если обвинительный акт не составлен, то необходимо либо отменить меру пресечения в виде заключения под стражу, либо предъявить обвинение и осуществлять производство дознания в указанные выше сроки.

Обвинительный акт предъявляется обвиняемому и его защитнику при ознакомлении с материалами уголовного дела. Однако возникает довольно спорная ситуация. В соответствии с положениями ст. 226 УПК РФ уголовное дело поступает после его окончания вместе с обвинительным актом к прокурору для решения вопроса об его утверждении и направлении дела в суд. Следовательно, обвинительный акт предоставляется обвиняемому, не будучи еще утвержден прокурором. В соответствии с п. 2 ч.4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, либо копию обвинительного акта. В ч. 3 ст. 226 УПК РФ указано, что копия обвинительного акта вручается обвиняемому и его защитнику. Возникает вопрос, какая копия и когда должна быть вручена: не утвержденная прокурором при ознакомлении с материалами уголовного дела, либо утвержденная прокурором, либо должны быть вручены обе копии. Исходя из того, что обвинительный акт заменяет постановление о привлечении в качестве обвиняемого при решении вопроса о появлении такого участника процесса как обвиняемый, то он должен быть вручен при ознакомлении с материалами дела. Обвиняемый должен иметь возможность знать, в чем он обвиняется, и строить свою защиту с учетом предъявленного обвинения. Если учитывать, что обвинительный акт приравнивается к обвинительному заключению как процессуальный документ, завершающий производство предварительного расследования в форме дознания, то он должен быть вручен только после утверждения его прокурором.

В соответствии с ч. 2 ст. 225 УПК РФ обвиняемый знакомится с обвинительным актом, о чем делается отметка в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела. Возникает вопрос, каким образом обвиняемый должен узнать о своем процессуальном положении, кто ему должен разъяснить права и обязанности, где должна быть сделана отметка о том, что лицу они известны? Если обвиняемый узнает о своем процессуальном статусе в момент ознакомления с материалами уголовного дела, то, как же в этом случае он может реализовать свои права на досудебных стадиях? Законодатель не дает ответа на этот вопрос. Можно ли говорить о том, что указанные в ч. 4 ст. 47 права обвиняемого в полном объеме реализуются

только по тем делам, по которым производится предварительное расследование в форме следствия?

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ уголовное дело может быть возвращено для пересоставления обвинительного акта, если он не соответствует требованиям ст. 225 УПК РФ. Законодатель не предусмотрел в данной ситуации возможность предъявления обвинения и нового ознакомления с материалами уголовного дела, либо запрет на изменение обвинения, при этом в обвинительном акте указываются: "... 4) место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; 5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации". Следовательно, дознаватель может изменить содержание обвинения без уведомления об этом обвиняемого и его защитника. Каким образом может быть реализован принцип состязательности, если обвиняемый может только догадываться о том, что ему будет вменяться в вину? От чего он должен защищаться?

Исходя из позиции законодателя, орган дознания может расследовать дела о преступлениях, где отсутствует спор о материальном праве. Как можно говорить о его наличии или отсутствии, если обвинение не предъявлено, не выяснена позиция обвиняемого? Может ли любое предложение о необходимости проведения следственных действий рассматриваться как оспаривание виновности лица?

Возникает ряд проблем при направлении уголовного дела для производства дополнительного расследования без утверждения обвинительного акта. Оно может быть реализовано только органами предварительного следствия, независимо от того, какие сроки дознания были использованы в процессе производства расследования, за какое преступление привлекается обвиняемый к уголовной ответственности, было ли ему предъявлено обвинение, или он признан обвиняемым в связи с вынесением в отношении него обвинительного акта. Соответственно возникает вопрос, если по истечении десяти дней дело направлено без предъявления обвинения с обвинительным актом прокурору, он его не утвердил и направил дело для дополнительного расследования, то в какие сроки должно быть предъявлено лицу обвинение. Может ли в этом случае обвинение быть предъявлено в конце сроков предварительного следствия, либо следователь должен предъявить обвинение после получения уголовного дела для своего производства? Можно ли обвинительный акт, который не был утвержден прокурором, считать основанием для признания лица обвиняемым? Если можно, то, каким образом данное лицо может знать о содержании обвинения, если копия обвинительного акта ему в этом случае не направляется? От какого обвинения должна лицом осуществляться защита? Какой процессуальный документ в данной ситуации будет указывать на то, что обвиняемому разъяснены его права.

Если обвинительный акт в указанной ситуации не может заменять постановление о привлечении в качестве обвиняемого, то каким образом должен быть решен вопрос о предъявлении обвинения? Исходя из понятия обвиняемого, указанного в части 1 ст. 47 УПК РФ, наличие обвинительного акта является основанием для признания лица обвиняемым по делам, по которым производится расследование в форме дознания, но при производстве предварительного следствия обвиняемому должно быть предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого с разъяснением ему всех прав и обеспечением права на защиту.

По УПК РФ дознание может проводиться в отношении несовершеннолетних и лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту. Возникает вопрос, возможно ли лицо, которое в силу своего интеллекта не может самостоятельно осуществлять свои права, лишиться права на предъявление ему обвинения и

дачу им показаний по факту совершенного преступления. Обвинение указанным лицам должно быть предъявлено безусловно.

В соответствии с положениями п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относятся обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Как можно провести ее исследование, если данный участник появляется только при окончании производства по уголовному делу. Для проведения судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертиз обвиняемым ставятся специальные вопросы, связанные с исследованием личности, на экспертизу необходимо представить уголовное дело, в том числе допрос обвиняемого.

Полагаем, что признание лица обвиняемым с момента вынесения обвинительного акта нарушает права обвиняемого, указанные в ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Предъявление обвинения в форме постановления о привлечении в качестве обвиняемого является безусловной гарантией прав обвиняемых, оно не затягивает производство расследования в форме дознания, но позволяет в полном объеме реализовать право обвиняемого на защиту, исследовать его позицию в отношении предъявленного обвинения, обеспечить качественное расследование по делу, исключить необоснованную передачу уголовных дел для производства в органы следствия. На наш взгляд, необходимо предусмотреть обязательное предъявление обвинения, независимо от того, в какой форме должно расследоваться уголовное дело. С этой целью единственным основанием для признания лица обвиняемым должно рассматриваться вынесение постановления о привлечении а качестве обвиняемого. Обвинительный акт должен выступать в качестве процессуального документа, завершающего производство по уголовному делу в форме дознания, но не выступать в качестве основания появления по уголовному делу обвиняемого.

Дмитриева Л.З. Право потерпевшего на отказ от уголовного правосудия

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Л.З. Дмитриева - прокурор отдела прокуратуры Республики Башкортостан (г.Уфа)

ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА ОТКАЗ ОТ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Как известно, согласно Конституции РФ (ст. 52) и УПК РФ (ст.22, 42) лица, потерпевшие от преступлений, имеют право на участие в уголовном преследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Причем постановлением Пленума Верховного Суда СССР от

1 ноября 1985 года "О практике применения законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве" (п.1) строгое и последовательное соблюдение этого законодательства признано способствующим установлению истины по делу и постановлению законного, обоснованного и справедливого судебного решения. 1

Статья 27 Модельного УПК для государств-участников СНГ (в дальнейшем МУПК) и ст.21 УПК Кыргызской Республики, предусматривая в системе принципов уголовного процесса обеспечение прав пострадавших от преступлений, злоупотреблений властью и судебных ошибок, в его содержание включают даже право потерпевшего требовать возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, в числе его прав МУПК прописывает право отзывать жалобу на совершенное в отношении него запрещенное уголовным законом деяние, примириться с подозреваемым и обвиняемым, отказаться от обвинения в любой момент производства по уголовному делу (ст.91,92). Аналогичные права делегирует потерпевшему УПК Республики Беларусь (ст. 50).

В ст.42 УПК РФ, регламентирующей правовое положение потерпевшего, эти его права не названы. Однако в 24-й его статье в качестве одного из оснований отказа в возбуждении уголовного дела упоминается отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению. Заявление потерпевшего, его законного представителя или представителя требуется для возбуждения дел о преступлениях, предусмотренных статьями 115,116,129 частью 1 и 130 УК РФ, т. е. дел частного обвинения, которые подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч.2 ст.20, п.2 ч.1 ст.27, ч.1 ст.318 УПК РФ). По делам частного обвинения неявка потерпевшего в суд без уважительных причин также влечет за собой прекращение дела (ч.3 ст. 249, 254 УПК РФ).

Возможность прекращения дел ввиду примирения сторон не ограничивается делами частного обвинения. В силу ст. 25 УПК РФ на основании заявления потерпевшего или его законного представителя может быть прекращено дело в отношении лица, против которого впервые осуществляется уголовное преследование по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Хотя здесь и действуют диспозитивные начала, но в отличие от производства по делам частного обвинения решение о прекращении дела в этих случаях зависит от усмотрения лиц и органов, правомочных принять такое решение с учетом конкретных обстоятельств дела и личности подозреваемого или обвиняемого.

Наличие заявления потерпевшего для возбуждения дела необходимо и по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 ч.1, 136 ч.1, 137 ч.1, 138 ч.1, 139 ч.1, 145, 146 ч.1 и 147 ч.1 УК РФ, которые именуются делами частно-публичного обвинения. Но эти дела прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных ст.25 УПК РФ (ч.3 ст.20 УПК). Следует при этом оговориться, что дела частно-публичного и частного обвинения могут быть возбуждены и при отсутствии заявления потерпевшего, если преступление, входящее в круг этих дел, совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами.

УПК РФ потерпевшим считает не только физическое лицо, но и юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ст.42). Это расширяет возможности отказа потерпевшего от уголовного правосудия. Так, ст. 23 УПК РФ устанавливает правило, согласно которому уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 201-204 УК РФ, могут быть возбуждены только по заявлению потерпевшего (руководителя организации) или с его согласия, когда эти преступления

причинили вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинили вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества и государства. Если этих условий нет, при отсутствии волеизъявления руководителя данной организации дело не может быть возбуждено.

Таким образом, потерпевшее от преступлений лицо имеет право отказаться от уголовного правосудия. Это может быть выражено в форме неподачи соответствующего заявления, необходимого для возбуждения дела в предусмотренных законом случаях, а также путем устного (с оформлением протокола) или письменного заявления о примирении, нужного для прекращения дела в вышеупомянутых случаях. В любом случае отказ от правосудия в отношении обидчика допустим только добровольно.

В этой связи возникает вопрос: может ли потерпевший отказаться от уголовного правосудия в отношении обидчика по делам публичного обвинения? Анализ ст.ст. 20-22,42,43,246, 249,292 УПК РФ свидетельствует, что данное лицо вправе участвовать в уголовном преследовании и судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций, и возможный его отказ от реализации этого своего права по делам указанной категории не влечет прекращения дела или оправдания подсудимого. Ход и исход дела в таких случаях полностью зависят от органов предварительного расследования, прокурора и суда. Суд может рассматривать дело и при неявке потерпевшего. Закон не обязывает его представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, выступать в судебных прениях и поддерживать обвинение, пользоваться другими своими правами. Его участие в уголовном процессе может заключаться лишь в своевременной явке по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда, даче правдивых показаний и прохождении освидетельствования (ч.5 ст.42, ст. 78, 179, 188, 277 УПК РФ), поскольку он не вправе отказаться от названных следственных действий в предусмотренных законом случаях.

Чем же обусловлено законодательное установление возможности отказа потерпевшего от возбуждения уголовного дела или от дальнейшего продолжения возбужденного уголовного дела, и какова социальная ценность данного правового дозволения? Прежде всего принципом гуманизма уголовного и уголовно-процессуального права, тем, что их нормы предусматривают институт примирения потерпевшего с обвиняемым и возможность освобождения преступника от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ, ст.24,25,319 УПК РФ). Рекомендации Комитета Министров от 28 июня 1985 года "О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса" и от 17 сентября 1987 года "Относительно упрощения уголовного правосудия" поощряют этот институт, указывая на его преимущества: возможность большей реализации права на компенсацию потерпевшему причиненного ему ущерба в объеме, достаточном с точки зрения не лица, совершившего преступление, а самого потерпевшего; расширение возможности и полезность применения общественных и иных внесудебных мер воздействия на правонарушителя за мелкие преступления; целесообразность устранения таким путем задержки в отправлении уголовного правосудия, вызываемой длительностью судопроизводства. В упомянутых документах ставится задача расширения круга дел, возбуждаемых только по просьбе или с согласия пострадавшего, когда интересы общества не преобладают.²

Самостоятельность потерпевших как частных лиц в решении вопроса о привлечении правонарушителя к ответственности оправдана еще и потому, что дела частного обвинения совершаются обычно на личной, бытовой, семейной почве, участниками конфликта выступают члены семьи, родственники, соседи, друзья, знакомые, сослуживцы. Вмешательство государства в разбирательство таких случаев может обострить отношения конфликтующих сторон. А блокирование конфликта посредством примирения их, тем более

возмещение вреда (морального и имущественного) потерпевшему, восстановление его интересов, нарушенных в результате преступления, без применения карательных мер, мер принуждения, представляется более значимым социальным эффектом, нежели привлечение виновного к уголовной ответственности и осуждение.

Свобода потерпевшего распоряжаться своим правом отказаться от правосудия, его желание разрешить возникший конфликт без помощи и вмешательства государства - это его законный интерес, по своей ценности стоящий выше, чем публичный интерес по делам о преступлениях, отличающихся невысокой степенью общественной опасности.

Признание законом в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения дела факта отсутствия заявления потерпевшего по преступлениям, разбираемым в порядке частно-публичного обвинения, можно объяснить приоритетностью прав и свобод личности, спецификой непосредственного объекта преступного посягательства - чести, достоинства, репутации, здоровья человека. Огласка такого преступления при отсутствии волеизъявления самого потерпевшего может оказаться вредным для этих его ценностей, породить дополнительные нравственные страдания данного лица.

Отказ потерпевшего от правосудия содержит также экономический эффект. Он исключает материально-финансовые расходы на судопроизводство, отвлечение потерпевших, свидетелей и других лиц, как возможных участников процесса, от их общественно полезной работы и личных дел, снижает нагрузку соответствующих органов предварительного расследования, прокурорского надзора и суда на разбирательство дел частного и частно-публичного обвинения, тем самым дает им возможность больше внимания уделять организованной преступности, тяжким и особо тяжким преступлениям.

В целях повышения социальной ценности и эффективности, особенно воспитательного аспекта рассматриваемого правового института, есть необходимость дальнейшего его совершенствования. В частности, следует законодательно установить механизм примирения потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым. В этом плане мы разделяем точку зрения Е. А. Рубинштейна, предлагающего определить понятие "примирение" как "нравственное раскаяние в совершении противоправного деяния лица, против которого осуществляется уголовное преследование, непосредственно перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между указанными лицами согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания вреда".³

Учитывая эффективность действия частных начал в уголовном процессе, желательно развивать их и дальше, устранив при этом рассогласованность между некоторыми уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами. Так, если ст. 25 УПК РФ допускает возможность примирения потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, в ст. 76 УК РФ говорится только о преступлениях небольшой тяжести. Следовательно, редакцию этой статьи надо привести в соответствие с положениями ст.25 УПК РФ.

Литература и примечания

1. См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М.: Спарк 1996. С.297.

2. См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: Спарк. 1998. С.114-122.

3. Рубинштейн Е. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной применению нового УПК РФ. М. 2002. С.165.

Латыпов Ф.Т. Правовые основы деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве // :
Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Ф.Т. Латыпов - доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Конституция Российской Федерации (ст. 2, 45, 48) гарантируя защиту прав и свобод человека и гражданина, предоставляет право на квалифицированную юридическую помощь, которая обеспечивается государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовное преследование, и судебное разбирательство, а также адвокатами.

Для оказания этой помощи в каждом субъекте России созданы и действуют адвокатские палаты, осуществляющие функцию защиты и в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с Федеральным законом "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", ст. 49-53 УПК РФ право на получение такой помощи адвоката гарантируется каждому лицу, независимо от его статуса, а именно подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, потерпевшему и свидетелям. Так, гражданин, вызываемый в орган уголовного преследования в качестве свидетеля на основании ст. 56, 189 УПК РФ вправе являться на допрос с адвокатом. Момент начала уголовного преследования (возбуждение уголовного дела, задержание подозреваемого, помещение в медицинский или психиатрический стационар) автоматически порождает право на защиту, от которого можно отказаться в письменном виде и только в присутствии выделенного защитника.

Действующее законодательство устанавливает два варианта вступления адвоката в качестве профессионального защитника в уголовное судопроизводство:

- 1) желание самого фактически задержанного, подозреваемого по другим основаниям, обвиняемого или подсудимого на реализацию своих прав на защиту конкретным адвокатом, выделенным по требованию органов уголовного преследования или суда (ст. 50 УПК РФ);
- 2) в случаях, предусмотренных законом об обязательном участии адвоката в качестве защитника (ст.51 УПК РФ).

Практика показывает, что лишь адвокат как профессиональный защитник в достаточной степени способен оказывать квалифицированную юридическую помощь гражданам. Эта способность подтверждается сдачей квалификационного экзамена и обладанием статуса адвоката.

Другие лица, кроме адвоката, лишены возможности выполнять функцию защиты самостоятельно из-за отсутствия необходимой квалификации и профессионализма. Защита в уголовном судопроизводстве - это искусство, основанное на подлинно правовой и глубокой нравственной основе. Все приговоры судов подлежат отмене, если в качестве защитника в уголовном судопроизводстве принимал участие стажер - адвокат или любое лицо самостоятельно в отсутствие адвоката. Не случайно в ст. 49 УПК РФ прямо указывается, что "по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый". Только при производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Действующий закон хотя и допускает такое исключение, но это не соответствует требованиям ст.48 Конституции РФ, гарантирующей право на квалифицированную юридическую помощь. Ибо осужденный мировым судьей всегда может заявить, что его право на квалифицированную юридическую помощь было нарушено, в связи с чем вправе будет потребовать в вышестоящей судебной инстанции отмены приговора из-за нарушения права на защиту.

Шамсутдинов Р.К. Апелляционная форма уголовного правосудия и проблемы её совершенствования

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.К. Шамсутдинов - соискатель кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ФОРМА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ныне действующая апелляционная форма уголовного правосудия возникла ещё в период действия прежнего УПК РСФСР на основании Федерального закона от 7 августа 2000 года "О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР".¹ Она была обусловлена введением в действие института мировых судей. Новый УПК РФ закрепил эту форму, имеющую к моменту вступления его в силу определенную практику. По состоянию на 1 января 2002 года мировые судьи осуществляли правосудие в 68 субъектах Российской Федерации, их штатная численность составляла 3805 человек. В 2001 году ими рассмотрено 162,6 тыс. уголовных дел, т.е. 13,4 % от общего числа дел.²

На август 2002 года в Республике Башкортостан было избрано 176 мировых судей, создано 183 судебных участка.³

В 2001 году ими рассмотрено 1673 уголовных дела (7,7 % от общего числа), в 2002 году - 7505 уголовных дел (43,7 % от общего количества).⁴ В районных судах РБ прошли апелляции: в 2001 году 54 уголовных дела, в 2002 году - 331 дело.

По новому УПК РФ законность, обоснованность и справедливость решений мировых судей, не вступивших в законную силу, проверяются в апелляционном порядке федеральными судьями районного звена.

Термин "апелляция" имеет латинское происхождение и означает - вызвать в суд, обращаться к высшему суду. Апелляция по уголовным делам представляет собой одну из форм обжалования судебных приговоров и постановлений, имеющих значение в плане исправления ошибок нижестоящих судов вышестоящими. Принесение апелляционной жалобы влечет пересмотр установления фактических обстоятельств дела и правовых вопросов, завершающихся либо утверждением обжалованного судебного решения, либо отменой его и постановлением нового, в том числе обвинительного приговора, или изменением его.

Таким образом, сущность апелляции заключается в пересмотре вышестоящим судом решения нижестоящего суда с новой проверкой ранее рассмотренных и вновь представленных доказательств. Именно этим апелляция отличается от другой формы обжалования судебных решений - кассации, при которой не исследуются новые доказательства и нельзя постановить новый приговор.

В порядке апелляционного производства дело может быть рассмотрено как в сторону улучшения и ухудшения положения осужденного, так и в сторону ухудшения положения оправданного при условии принесения жалобы или представления стороной обвинения по этим основаниям. Рамки решений апелляционной инстанции ч. 2 ст. 360 УПК РФ ограничены доводами жалобы или представления и касаются лишь тех лиц, в отношении которых обжалуются судебные решения.

Предметом апелляционного обжалования и рассмотрения дела может быть не только приговор, но и постановления мировых судей, не вступившие в законную силу. Круг судебных решений, которые не могут быть пересмотрены в этом порядке, определен ч. 5 ст. 355 УПК РФ. В него включены следующие постановления: о порядке исследования доказательств; об удовлетворении и отклонении ходатайств участников судебного разбирательства; о мерах обеспечения порядка в зале заседания, за исключением постановлений о наложении денежного взыскания. Этот перечень является исчерпывающим,

и, следовательно, все иные постановления мирового судьи могут быть пересмотрены апелляционным судом.

Согласно общим принципам уголовного судопроизводства не подлежат пересмотру в апелляционном порядке постановления мирового судьи, вынесенные в связи с удовлетворением или отклонением ходатайств участников судебного разбирательства по поводу: отводов участников судебного разбирательства, отклонения судебного разбирательства или его продолжения и т. п. Такие постановления вступают в законную силу немедленно после их оглашения.

Субъектами апелляционного обжалования признаются лица, участвующие в уголовном деле. Согласно ч.ч. 4 и 5 ст. 354 УПК РФ - это осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, государственный обвинитель, потерпевший и его представитель, а также гражданский истец, гражданский истец или их представители, которые вправе обжаловать судебные решения мирового судьи лишь в части гражданского иска. Надо полагать, по смыслу ст. 43, 45 УПК РФ, таким же правом пользуются: законный представитель потерпевшего, частный обвинитель и его представитель. Следует также согласиться с мнением, согласно которому представление на судебное решение имеет право принести не только лицо или лица, принимавшие участие в судебном заседании в качестве государственных обвинителей, но и вышестоящие прокуроры, осуществляющие надзор за деятельностью нижестоящих прокуроров, следователей, дознавателей, выступающих в суде в качестве государственного обвинителя, а также прокурор, принимавший участие в предварительном слушании, которое проводилось по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 229 УПК РФ.

Форма и содержание апелляционной жалобы или представления определены ст. 363 УПК РФ. Поскольку одним из требований к жалобе или представлению является наличие подписи лица, их подавшего, то жалоба или представление должны иметь письменный вид. Что касается содержания жалоб или представлений, то перечень обязательных данных, указанных в них, дан в ч. 1 ст. 363 УПК РФ. При отсутствии хотя бы одного из них судья обязан возвратить жалоб, или представление для пересоставления лицам, их подавшим, с назначением соответствующего срока. В случае неисполнения этого указания мирового судьи, мы полагаем, что в приеме жалобы может быть отказано. При отсутствии подписи лица, подавшего апелляционную жалобу, и нежелании его подписать, следует отказывать в их принятии путем вынесения постановления. Как уже упоминалось, судебное решение проверяется лишь в той части, в которой оно обжаловано, и в отношении тех осужденных, которых касается жалоба и представление. Отсюда видно, что новый УПК РФ устранил ревизионное начало при пересмотре дела в апелляционном порядке.

Вместе с тем сама редакция статьи, определяющей пределы апелляционного рассмотрения дела, представляется не совсем удачной, поскольку в ч. 2 ст. 360 УПК РФ речь идет только об осужденных. Это не согласуется с положениями ст. ст. 354 и 367 УПК РФ, предусматривающих возможность пересмотра судебных решений оправдательного характера.

В силу ст. 367 УПК РФ при принятии решения суд апелляционной инстанции в обоснование своего решения вправе сослаться на оглашенные в суде показания лиц, не вызывавшихся на заседание этого суда, но допрошенных в суде первой инстанции. Если эти показания оспариваются сторонами, то лица, давшие их, подлежат допросу. По смыслу этой статьи вызов свидетелей в апелляционную инстанцию производится по усмотрению суда, а не по воле сторон. Для принятия решения достаточно огласить показания свидетелей, полученные в суде первой инстанции, не вызывая их вновь. Это противоречит принципу

состязательности, предполагающей не только наличие независимого суда, решающего спор сторон, но и равенство, активность последних.

По нашему мнению, при пересмотре решений мирового судьи в апелляционном порядке суд должен исследовать материалы в полном объеме, а вопрос о вызове свидетелей и об их явке должен быть решен по воле сторон, а не по единоличному усмотрению суда до начала судебного заседания.

Возникает вопрос, насколько оправдано апелляционное рассмотрение дела единолично судьей районного суда. Очевидно, такой порядок основывается на не всегда верном представлении, что федеральный судья более опытен и профессионален, нежели судья мировой, а значит никаких дополнительных гарантий качественного и объективного пересмотра дела будто бы не требуется. Но судебная практика показывает ошибочность такого подхода. В судебном корпусе данного звена нередко оказываются недостаточно квалифицированные люди, что может компенсировать коллегиальный состав. Имея в виду, что апелляция оценивает законность, обоснованность и справедливость уже состоявшегося решения другого субъекта судебной власти, многие ученые и практики считают, что единоличное апелляционное производство недопустимо, как недопустимы единоличная кассация или пересмотр дел в порядке судебного надзора.⁵

На наш взгляд, эти высказывания логичны и находят подтверждение в историческом и нынешнем опыте судопроизводства России. Вопрос о форме апелляционного производства в дореволюционной литературе тоже обсуждался в рамках проблемы сочетания единоличных и коллегиальных видов отправления правосудия, и большинство авторов склонялись к тому, что "коллегиальность становится безусловно необходимой, когда речь идет о проверке решения в стадии апелляционной и кассационной".⁶

Апелляционной инстанцией по отношению к решениям мировых судей в дореволюционной России были съезды мировых судей, где только коллегиально пересматривали дела по апелляционным жалобам на "неокончательные приговоры мировых судей".⁷ Что касается любых других форм судебного разбирательства, осуществлялось ли оно уездным членом окружного суда, городским судьей, суд апелляционной инстанции всегда был коллегиальным в лице окружного суда или уездного съезда.⁸ С точки зрения обеспечения торжества законности и справедливости судебных решений, есть резон установить коллегиальность апелляционного суда в составе трех федеральных судей районного звена, как это и предлагалось в Концепции судебной реформы.⁹

Литература и примечания

1. См: Российская газета. 2000. 10 августа. С.13-14.
2. См.: О работе мировых судей // Российская юстиция. 2002. №12. С.69-70.
3. См.: Судебный вестник Верховного суда РБ. 2002. №2. С.32.
4. См.: Отчеты управления судебного департамента при Верховном суде РФ по РБ (2001-2002г.г.).
5. См.: Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе. Самара, 2001. С.177.
6. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С.101.

7. См.: Там же.

8. См.: Петроградский мировой суд за 50 лет(1866-1916). Т.1. Санкт-Петербург. 1916. С.342.

Хисматуллин Р.С. Проблемы апелляционного производства по делам несовершеннолетних

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.С. Хисматуллин - канд. юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и судебных экспертиз Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В соответствии со статьей 8 Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (статья 10 Всеобщей Декларации).

Общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации, поэтому государство в современный период стремится обеспечить гражданам доступность судебной защиты. Однако правосудие должно быть не только доступным, но и способным эффективно и своевременно восстанавливать нарушенные права. Только законный и обоснованный приговор суда будет справедливым и убедительным для несовершеннолетнего осужденного и других граждан, и только "законные и обоснованные решения суда имеют юридическую силу и обязательны для исполнения".¹

Между тем, анализ судебной практики свидетельствует о том, что нередко суды первой инстанции выносят неправосудные приговоры, в том числе по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В.Путин, для многих людей, пытающихся законно восстановить свои права, суд так и не стал "ни скорым, ни правым, ни справедливым".²

В соответствии с Международным Пактом о гражданских и политических правах, принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 года, каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией. Согласно Конституции Российской Федерации каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о смягчении наказания (статья 50 Конституции). Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает право несовершеннолетнего осужденного, оправданного, их защитников и законных представителей на обжалование не вступившего в законную силу приговора суда в апелляционном или кассационном порядке. При этом, в апелляционном порядке рассматриваются жалобы на приговоры, вынесенные лишь мировыми судьями (часть 2 статьи 354 УПК). Таким образом, проверка законности, обоснованности и справедливости приговора судом кассационной инстанции является одной из основных форм судебного надзора вышестоящим судом за деятельностью судов первой инстанции. Однако судебная деятельность по проверке законности, обоснованности и справедливости не вступивших в законную силу судебных решений по делам в отношении несовершеннолетних требует дальнейшего совершенствования.

Дела в отношении несовершеннолетних являются одними из сложных судебных дел. Высокое качество рассмотрения данной категории дел должно обеспечиваться эффективно действующим уголовно-процессуальным законодательством. Однако, "законодательство в настоящее время еще несовершенно".³ Пленум Верховного Суда России неоднократно обращал внимание судов на необходимость своевременного и качественного рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних, подчеркивая при этом, что судопроизводство по делам данной категории должно основываться на строгом соблюдении требований закона, максимально способствовать обеспечению защиты прав несовершеннолетних, назначению справедливого наказания и предупреждению совершения новых преступлений.⁴

Между тем суды первой инстанции, рассматривая дела в отношении несовершеннолетних, часто допускают существенные нарушения закона. В свою очередь и суды кассационной инстанции, рассматривая дела в кассационном порядке, нередко оставляют без внимания и должного реагирования допущенные судами первой инстанции нарушения. Таким образом, незаконные, необоснованные и несправедливые приговоры по делам в отношении несовершеннолетних нередко вступают в законную силу и приводятся в исполнение. В надзорном порядке отменяется или изменяется значительное количество кассационных определений. Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что в деятельности судов кассационной инстанции имеются "серьезные упущения и недостатки, в результате многие нарушения закона выявлялись и устранялись не в кассационном, а в надзорном порядке".⁵

Поэтому не просто актуальным, но и жизненно необходимым представляется введение в российский уголовный процесс стадии апелляционного производства по делам несовершеннолетних.⁶ Апелляционная инстанция будет способствовать совершенствованию судебной деятельности по делам несовершеннолетних, наиболее эффективной защите прав и законных интересов осужденных подростков и их законных представителей. В отличие от суда кассационной инстанции апелляционный суд исследует имеющиеся в деле и вновь представленные сторонами доказательства, заслушает несовершеннолетних осужденных, их законных представителей, других участников процесса, осуществит необходимые судебные действия и либо утвердит обжалованный приговор, либо вынесет новый приговор.

Одной из основных причин допускаемых судами кассационной инстанции ошибок является то, что кассационные инстанции проверяют законность, обоснованность и справедливость

приговора в основном "по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам" (часть 5 статьи 377 УПК Российской Федерации). Предоставленную законом возможность заслушать пояснения несовершеннолетнего осужденного, его законного представителя и других участников процесса кассационные инстанции используют редко. В то же время, сами несовершеннолетние осужденные, их законные представители, потерпевшие не всегда знают о своем праве участвовать в заседаниях суда кассационной инстанции и поэтому не участвуют в кассационном рассмотрении дела. При данном положении в деятельности кассационной инстанции допускаются ошибки, нарушения прав несовершеннолетних осужденных, их законных представителей и других участников процесса.

Поэтому второй судебной инстанцией по делам в отношении несовершеннолетних должна стать не кассационная, а апелляционная инстанция. Как уже отмечалось, принятый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность апелляционного обжалования приговоров, вынесенных только мировыми судьями (статьи 323 и 354 УПК Российской Федерации). Между тем, назрела реальная необходимость введения в уголовный процесс стадии апелляционного производства по всем делам в отношении несовершеннолетних. Суд апелляционной инстанции исследует не только имеющиеся в уголовном деле и дополнительно представленные сторонами доказательства, но и непосредственно заслушает пояснения других участников процесса, выполнит необходимые судебные действия и пересмотрит дело в отношении несовершеннолетнего по существу. Таким образом, суд апелляционной инстанции не только выяснит, соблюдены ли процессуальные нормы или уголовный закон при рассмотрении дела в первой инстанции, но и проверит правильность решения дела по существу и доказанность фактических обстоятельств дела. В апелляционном рассмотрении уголовного дела обязательно должен участвовать прокурор, несовершеннолетний осужденный либо оправданный и его законный представитель, защитник осужденного (оправданного). Принципы деятельности Европейского Суда, соблюдающего известную формулу "никто не может быть признан виновным не будучи заслушан", должны строго соблюдаться и в Российской Федерации.⁷

Введение апелляционного производства будет способствовать также оперативности судебной деятельности по делам в отношении несовершеннолетних. Рассмотрение дела несовершеннолетнего в апелляционном порядке обеспечит быстрое и наиболее эффективное устранение ошибок, допускаемых судами первой инстанции, предотвратит вступление в законную силу незаконных, необоснованных и несправедливых приговоров.

В научной юридической литературе иногда высказывались возражения против введения института апелляционного производства. По мнению отдельных авторов, апелляционное производство окажется лишним звеном в судебной системе, приведет к значительному снижению ответственности судов первой инстанции.⁸

Прежде всего, введение в российский уголовный процесс стадии апелляционного производства по делам в отношении несовершеннолетних не предполагает ни малейшего снижения ответственности судов первой инстанции за свою судебную деятельность. Более того, рассматривая дела в отношении несовершеннолетних по первой инстанции, судьи будут чувствовать большую ответственность за свою работу, так как допущенные ими ошибки и нарушения неизбежно будут выявлены в ходе апелляционного рассмотрения данных дел.

Деятельность суда апелляционной инстанции представляет собой одну из важнейших форм надзора за работой судов первой инстанции по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних, за законностью, обоснованностью и справедливостью вынесенных приговоров. Результаты апелляционного рассмотрения дел будут свидетельствовать о качестве работы судов первой инстанции, о компетентности судей, рассматривающих дела в

отношении несовершеннолетних, их профессиональном уровне. Введение стадии апелляционного производства по делам в отношении несовершеннолетних будет способствовать повышению уровня деятельности судов первой инстанции, и, следовательно, - дальнейшему совершенствованию гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Литература и примечания

1. Еникеев З.Д. Принципы применения мер пресечения по уголовным делам. Уфа, 1997. С.30.
2. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации "Не будет ни революций, ни контрреволюций"// Российская газета. - 2001. - 4 апреля. С.3.
3. Судебный контроль и новый УПК Российской Федерации// журнал "Юрист". 2000. №4. С.7.
4. См., например: Российская Федерация. Верховный Суд. Пленум. Постановление №7 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 года "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" // Российская газета. -2000. -14 марта. С.6.
5. См., например: Российская Федерация. Верховный Суд.Пленум.Постановление №5 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 1988 года (в редакции постановления №10 Пленума от 25 октября 1996 года) "О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел" //Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. - М., 1999. С.598.
6. На необходимость введения в уголовный процесс стадии апелляционного производства нами указывалось и ранее. См., например: Хисматуллин Р.С. Судебная реформа и ее роль в укреплении суверенитета Республики Башкортостан// Государственный суверенитет Республики Башкортостан: проблемы становления и углубления. Общественно-политические чтения, посвященные 5-ой годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан. - Уфа, 1995. С.52-59.
7. Туманов В. Право обвиняемых быть выслушанным в апелляционной инстанции// Российская юстиция. - 2000. №5. С.59.
8. Например: Ширинский С. Нужен ли нам апелляционный суд?// Российская юстиция. - 1996. №9. С.63.

Мунасыпова Р.Г. Право на надзорное обжалование судебных приговоров, определений, постановлений

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

< кафедры теории и истории государства и права Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРАВО НА НАДЗОРНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ, ОПРЕДЕЛЕНИЙ, ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Неотъемлемым содержанием правового государства является охрана и обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, и, в частности, обвиняемых.

Проблемы обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, совершенствования деятельности органов дознания, прокуратуры, суда и адвокатуры являются актуальными. Нельзя бороться с преступностью, не уделяя должного внимания правам личности, и, в частности, правам обвиняемого в уголовном процессе.

В современных условиях развития и совершенствования правового государства свобода личности, ее права гарантии возрастают, следовательно, это свойственно и уголовному судопроизводству.

Возрастание гарантий прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе соответствует как интересам личности, так и интересам общества в целом. Только при условии гарантированности прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе и прежде всего обвиняемого, возможно выполнение задач уголовного судопроизводства.

Таким образом, вопрос о гарантиях прав обвиняемого имеет большое практическое и теоретическое значение.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе сохранено надзорное производство по уголовным делам, поскольку эта стадия процесса является дополнительной гарантией устранения судебных ошибок и эффективным средством, препятствующим исполнению вступившего в силу незаконного, необоснованного и несправедливого приговора.

В отличие от установленного в старом УПК РСФСР порядка надзорного производства по уголовным делам, в новом УПК РФ, введенным с 1 января 2003 года (глава 48-производство в надзорной инстанции - УПК РФ) предусмотрена детальная регламентация данной стадии процесса с момента поступления надзорных жалоб или представления прокурора в суд надзорной инстанции и до принятия им решения по существу.

Согласно ст.402 УПК РФ упорядочен перечень лиц, имеющих право на обжалование вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Жалобы могут быть поданы в соответствующие суды надзорной инстанции только участниками уголовного производства по делу.

В УПК РФ сохранен прежний перечень судов, наделенных правом на пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений. Ими являются: Президиумы Верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, окружных (флотских) военных судов; Судебная коллегия по уголовным делам и Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации; Президиум Верховного суда Российской Федерации.

В УПК РСФСР не был установлен порядок обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в суд надзорной инстанции. Что касается надзорных жалоб, то о них вовсе не упоминается. Эти существенные пробелы законодательства восполнялись апробированными на практике подходами к разрешению жалоб, а также разъяснениями Пленума Верховного суда Российской Федерации, что, однако, не решало проблемы в целом, так как правоотношения, складывавшиеся между лицами, подавшими надзорные жалобы, и судом надзорной инстанции, оставались законодательно неурегулированными.

За пределами правового регулирования оставалась также весьма трудоемкая работа судов надзорной инстанции по изучению и разрешению десятков тысяч надзорных жалоб, т.е. вся деятельность, предшествующая истребованию уголовных дел и опротестованию вступивших в законную силу судебных решений. В ст. 404 УПК РФ впервые закреплены те требования, которым должны соответствовать надзорные жалобы и представления. В частности, в них в обязательном порядке обосновываются доводы о необходимости отмены либо изменения обжалуемого судебного решения.

В данной статье содержится и указание на то, что надзорные жалоба или представление направляются непосредственно в суд надзорной инстанции, правомочный пересматривать обжалуемый приговор, определение, постановление.

Необходимость такого указания объясняется тем, что зачастую надзорные жалобы поступают от заявителей в вышестоящую инстанцию, минуя тот суд надзорной инстанции, который правомочен пересмотреть обжалуемое судебное решение. В результате жалоба, поступившая в Верховный суд Российской Федерации, остается без рассмотрения и направляется по подсудности, что приводит, в конечном итоге, к замедлению разрешения дела.

Поскольку надзорная инстанция не располагает уголовным делом, по которому поданы надзорные жалоба или представление, к этим обращениям должны быть приложены копии оспариваемых судебных решений. В необходимых случаях к ним могут быть приложены также копии иных процессуальных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные им в жалобе или представлении.

В УПК РФ закреплены два весьма важных положения, которые существенным образом меняют само содержание надзорного производства как стадии уголовного процесса. Во-первых, в ст. 405 УПК РФ установлено, что не допускается пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела. Иными словами, при пересмотре судебного решения по уголовному делу в порядке надзора не допустим так называемый поворот к худшему для осужденного. Во-вторых, в соответствии с УПК РФ, поступившие в суд надзорной инстанции надзорные жалобы и представления с приобщенными к ним копиями процессуальных документов и дополнительными материалами рассматриваются только судьей, который в целях полной и всесторонней проверки доводов заявителя вправе истребовать дело.

После изучения обращений, а также уголовного дела, если оно было истребовано, судья выносит мотивированное постановление о возбуждении надзорного производства и передаче жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции либо отказывает в их удовлетворении.

Председатель Верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, Председатель Верховного суда Российской Федерации либо его заместители вправе не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жалоб или представления. В этом случае они отменяют указанное решение и своим постановлением возбуждают надзорное производство, передавая жалобу или представление вместе с уголовным делом на рассмотрение суда надзорной инстанции.

В соответствии с новым порядком надзорного производства упраздняется институт опротестования вступивших в законную силу приговора, определения, постановления и, кроме того, по всем жалобам и представлениям, поступающим в суды надзорной инстанции, выносятся судебные решения независимо от результатов рассмотрения обращений. Согласно нового УПК РФ, регулирующим производство по уголовным делам в порядке надзора, существенно расширены права участников судопроизводства на этой стадии процесса. Например, суд надзорной инстанции обязан извещать их о времени и месте рассмотрения уголовного дела; в судебном заседании принимают участие прокурор, а также осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, иные лица, чьи интересы затрагиваются жалобой или представлением; этим лицам предоставляется возможность ознакомиться с жалобой или представлением, а непосредственно в судебном заседании - дать устные объяснения.

Подобный порядок рассмотрения дела в суде надзорной инстанции способствует более полной проверке законности, обоснованности и справедливости вступившего в законную силу судебного решения. В случае отмены данного решения производство по данному уголовному делу осуществляется на общих основаниях. Надзорное производство - это самостоятельная стадия уголовного процесса, и как самостоятельной стадии, ей свойственны стандартные атрибуты: задачи, круг субъектов, итоговые решения.

Главной задачей является проверка законности и обоснованности приговора суда первой инстанции, а также решения принятого вышестоящим судом. Происходит проверка приговоров, решений уже вступивших в законную силу. Суды надзорной инстанции проверяют и решения судов, принятые кассационной инстанцией. В чем необходимость существования стадии надзорного судопроизводства? Практика свидетельствует о том, что далеко не все ошибки, допущенные в первой инстанции, исправляются в кассационном производстве. Чем это объясняется? Только около трети вынесенных приговоров обжалуются в кассационном порядке, примерно по половине дел в надзорной инстанции изменяются или отменяются приговоры судов первой стадий. Значение надзорного производства заключается в следующем: на этой стадии выявляется и устраняется большое количество судебных ошибок, это подталкивает к выводу о том, что в целом, значимость надзорного производства состоит в том, что эта стадия стоит на страже интересов и прав участников уголовного судопроизводства. Около 30% судебных ошибок устраняется в надзорном производстве. С помощью надзорного производства совершенствуется деятельность судов первой и кассационной инстанции, т.к. в надзорной инстанции осуществляется контроль за нижестоящими судами. В целом, надзорное производство работает на повышение эффективности всей системы уголовной юстиции. Повышается качество работы судов.

Литература и примечания

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки уголовного процесса. Воронеж, 1997.
 2. Альперт С.А., Бажанов М.И. Законность и обоснованность актов обвинения в стадии предварительного следствия. // "Правоведение". 1995. №3.
 3. Васьков П.Т. Основы теории государства и права, М. 1997.
 4. Воробьев Г.А. О расширении права обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве. // Уч. зап. ВЮЗИ, вып. 17, М. 1998.
 5. Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве. // Советское государство и право. №10, 1998.
 6. Миньковский Г.М. Предъявление обвинения. // Научно-практический комментарий УПК РСФСР под ред. Л.Н. Смирнова, "Юридическая литература", М. 1997.
 7. Мицкевич А.В. О гарантиях прав и свобод граждан РФ. // Российская юстиция. №8, 1997.
 8. Конституция РФ.
 9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и РФ.
 10. Уголовный кодекс РФ.
-

Аминев Р.Н. Система правовых запретов в уголовном процессе

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.Н. Аминев - аспирант кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Известно, что система в праве - это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и

автономностью функционирования.¹ Она присуща и правовым запретам, в том числе содержащимся в уголовно-процессуальном праве.

Сущность этих правовых средств заключается в том, что они запрещают определенное действие, указывают на юридическую невозможность какого-либо конкретного поведения. Обычно они выражаются словами "не вправе", "не может", "не может быть", "не допускается", "запрещается".

Запрет может иметь и косвенное выражение. Например, положение о том, что "мера пресечения, избранная на основании судебного решения, может быть отменена или изменена только судом" (ст. 110 УПК РФ), означает, что органы уголовного преследования не могут принимать какое-то решение в части меры пресечения, избранной судом. Принцип презумпции невиновности предполагает запрет считать обвиняемого виновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК).

В законодательстве, регулирующем уголовный процесс, имеется множество запретов, касающихся различных сфер уголовно-процессуальной деятельности. По источникам данной отрасли права они могут быть подразделены на международно-правовые, конституционные и непосредственно процессуальные.

Так, во Всеобщей декларации прав человека к уголовному процессу имеют отношение такие, к примеру, запреты, как: "Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию" (ст. 5); "Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или наказанию" (ст. 9); "Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву". Не может также назначаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть назначено в то время, когда преступление было совершено (ст. 11); "Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию..." (ст. 12)² и др.

Аналогичные нормы имеются в Конституции РФ (ст. 19, 21, 22, 24, 25, 35, 47, 49, 50, 54), которые, обладая свойством высшей юридической силы, получили развитие и конкретизацию в УПК. Однако в нем закреплены и запреты, имеющие иное содержание. Их круг весьма широк.

Для подтверждения, насколько они многообразны, можно назвать: недопущение применения закона, противоречащего УПК (ст. 7); запрет признания виновным в совершении преступления и применения уголовного закона иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК, лишения права подсудимого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено УПК (ст. 8); запрет возложения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела на один и тот же орган (ст. 15); недопустимость споров о подсудности (ст. 36); недопустимость отказа адвоката от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого (ст. 49); недопустимость участия в уголовном процессе лиц, подлежащих отводу (ст. 62); недопустимость доказательств, полученных с нарушением УПК (ст. 75); запрет продления срока содержания под стражей свыше 18 месяцев (ст. 109); запрет проведения следственных действий в ночное время (ст. 164); недопустимость составления приговора на предположениях (ст. 302) и ограничения продолжительности последнего слова подсудимого определенным временем (ст. 293) и т.д.

Регулятивная их функция выражается в юридических обязанностях пассивного содержания, т.е. в обязанностях воздерживаться от совершения действий известного рода. Так, ч. 4 ст. 57 УПК через понятие "не вправе" обязывает эксперта не вести переговоры с участниками уголовного процесса по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы, без ведома следователя или суда; самостоятельно не собирать материалы для экспертного исследования; не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта; не давать заведомо ложное заключение. Говоря иначе, требует воздержаться от этих действий, если нет законных условий для их совершения.

Уголовно-процессуальным запретам характерно все то, что свойственно юридическим обязанностям вообще (принципиальная однозначность, императивная категоричность, непререкаемость, обеспечение действенными юридическими механизмами). Вместе с тем своеобразие их содержания, выраженное в пассивном поведении, т.е. в бездействии тех или иных лиц по данному кругу вопросов, ставит запреты в особое положение. Это предопределяет особенности многих юридических средств и механизмов, призванных проводить в жизнь запреты.

Так, запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 75, 88 УПК) обеспечивается указанием об отмене приговора в случае его обоснования недопустимыми доказательствами (п. 9 ч. 2 ст. 381). Если имели место фальсификация доказательств, принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний или эксперта к даче заключения, а также незаконное освобождение от уголовной ответственности, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности и вынесение заведомо неправосудных судебных актов, в отношении виновных лиц установлена уголовная ответственность (ст. 239, 300, 302, 303, 305 УК РФ). Предусмотренные ст. 42, 44, 54, 56 - 60 УПК и передаваемые через понятие "не вправе" обязанности потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого относительно явки по вызову, дачи показаний, заключения, перевода, неогласка данных предварительного расследования поддерживаются возможностью уголовного наказания соответственно за отказ от дачи показаний, заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод, подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу, разглашение данных предварительного расследования (ст. 307 - 310 УК РФ). Недопустимость задержания и заключения лица под стражу при отсутствии законных оснований также подкрепляется установлением уголовной ответственности за заведомо незаконное применение этих мер принуждения (ст. 301 УК РФ). Положения, указанные в приведенных статьях УК РФ, в свою очередь, сами выступают запретами уголовного судопроизводства.

Из изложенного видно, что нормы-запреты занимают значительное место в системе гарантий прав и обязанностей субъектов уголовного процесса, законности и обоснованности их действий.

Литература и примечания

1. См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит. 1982. С. 240 - 242.
 2. Международные акты о правах человека: Сборник документов. М.: Норма. 1998. С. 40 - 41.
-

Сабиров Р.Д. Некоторые нормы УК РФ в новом уголовно-процессуальном законодательстве

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.Д. Сабиров - канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

НЕКОТОРЫЕ НОРМЫ УК РФ В НОВОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Хорошо известно следующее высказывание: "Один и тот же дух питает закон и процесс, поскольку процесс является формой жизни закона". Это замечание классика, конечно, в первую очередь касается уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Следовательно, задачи уголовного законодательства РФ могут быть разрешены только в тех формах и порядке, какие предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве. Поэтому задачи и принципы указанных отраслей в ряде случаев совпадают. Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве детализируется и уточняется порядок применения отдельных институтов уголовного права. Рассмотрим некоторые положения, подчеркивающие принципиально единство двух этих отраслей законодательства. К ним можно отнести нормы, определяющие задачи, принципы законодательства, источники и отдельные институты права.

Согласно части 1 ст. 2 УК РФ 1996 года¹ приоритетной задачей уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека и гражданина. Охрана других объектов в новой иерархии ценностей поставлена на второе место. Для сравнения можно отметить, что согласно части 1 ст.1 УК РСФСР 1960 года² в числе задач уголовного законодательства охрана личности, прав и свобод граждан занимала место после охраны общественного строя СССР, его политической и экономической систем.

Новая иерархия ценностей находит свое подтверждение и в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно части 1 ст. 6 УПК РФ 2001 года³ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. К сожалению меньше всего касаются постановления о защите интересов личности законопослушных граждан, лиц, потерпевших от преступлений. Противостоят им не только преступники и их защитники, а порою и правоохранительные структуры. Государство, по вине которого нарушены права граждан, не в состоянии им гарантировать защиту не только от преступных посягательств, но и

защитника при уголовном судопроизводстве. Наше уголовно-процессуальное законодательство должно быть изменено и дополнено с учетом указанной ситуации в сторону усиления охраны прав лиц, потерпевших от преступлений.

Хотя назначение виновным справедливого наказания в новом УПК оставлено в числе задач уголовного судопроизводства, но исключено из их числа, например, всестороннее, полное и объективное расследование дел, с чем вряд ли можно согласиться, поскольку без этого невозможно установить истинную картину совершенного деяния как предпосылки индивидуализации ответственности и наказания.

Обратимся теперь к источникам двух отраслей законодательства. Часть 2 ст. 1 УК устанавливает, что Уголовный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Соответствие уголовно-процессуального законодательства Конституции РФ закреплено ч. 1 ст. 1 УПК. Но еще дальше в решении рассматриваемого вопроса идет ч. 3 ст. 1 УПК, имеющая следующее содержание: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора". Вышеуказанные положения УК и УПК свидетельствуют их полное соответствие Конституции РФ и современным международным стандартам, а также принципиальное их отличие от УК РСФСР и УПК РСФСР 1960 года.⁴

В статьях 3-7 УК закреплены принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, которые хотя и ранее были известны в науке уголовного права, однако не были официально закреплены в УК РСФСР. А в новом уголовно-процессуальном законодательстве мы находим те руководящие и основополагающие начала, которые соответствуют принципам, установленным уголовным законодательством. Взять к примеру принцип законности. Если ст. 3 УК (Принцип законности) запрещает применение закона по аналогии, предписывает правоприменителю действовать только в рамках УК РФ, то ст. 7 УПК (Законность при производстве по уголовному делу) предписывает суду, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, не противоречащий уголовно-процессуальному законодательству. В противном случае полученные незаконным путем доказательства признаются недействительными, следовательно все процессуальные акты, основанные на них, подлежат отмене. Незаконным, например признается приговор при нарушении норм как материального, так и процессуального права.

Попутно необходимо указать, что все перечисленные в ст. 7 УПК органы и должностные лица являются правоохранительными: суд, прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель. Поэтому серьезные возражения вызывает позиция тех ученых, по мнению которых суд не является правоохранительным органом. Нельзя не учитывать такие факты, как признание виновности лица только судом, исключительная компетенция суда в вопросах назначения наказания и т.д. Одной из целей наказания является восстановление социальной справедливости, что в первую очередь предполагает защиту интересов граждан, потерпевших от преступных посягательств. Следственный аппарат, органы дознания, конечно же, являются правоохранительной структурой и охватываются вместе с судами более широким понятием "Органы правосудия". Однако у последних есть функции уголовного преследования, а у суда такая функция по УПК РФ отсутствует, хотя прежнее УПК РСФСР предписывал судам в необходимых случаях возбуждать уголовные дела. Представляется, что правоохранительная деятельность - более широкое понятие и нельзя его отождествлять с полномочиями уголовного преследования. Все материалы, подготовленные следственным

аппаратом и органами дознания поступают в суды, которые и решают окончательно вопросы о признании лиц виновными и назначении им наказаний.

Статья 5 УК (Принцип вины) устанавливает уголовную ответственность только за виновно совершенные деяния, исключая ответственность за невиновное причинение вреда. Способ осуществления этого важного уголовно-правового принципа мы находим в ч. 2 ст. 8 УПК:

"Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим Кодексом".

Известно, что мера наказания должна соответствовать мере содеянного. Это значит, что степень строгости наказания прямо пропорциональна степени опасности преступления и наоборот. Однако опасность преступления сказывается не только в мере наказания, она существенно влияет и на порядок проведения досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Только при наличии в действиях лица всех признаков определенного состава преступления возбуждается уголовное дело. Если в содеянном отсутствуют состав или событие преступления, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело должно быть прекращено.

Согласно ст. 15 УК различаются четыре категории преступлений по характеру и степени опасности: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. Указанная классификация преступлений имеет существенное влияние на применение мер пресечения. Заключение под стражу согласно ч.1 ст. 198 УПК может быть применено только в случаях совершения средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений. Если лицо совершило преступление небольшой тяжести, то указанная мера применяется только в исключительных случаях. В новом УК применение меры пресечения в виде заключения под стражу отнесено к компетенции суда. Согласно УПК РСФСР на применение такой меры пресечения требовалась санкция прокурора.

Вряд ли здесь Законодатель проявил последовательность. Суд не является органом обвинения, он должен быть нейтрален и ничего не должен предрешать до рассмотрения дела в стадии судебного разбирательства. Трудно рассчитывать на нейтральную позицию суда в дальнейшем, когда он, применяя в виде меры процессуального пресечения заключение под стражу, как бы заранее признает виновность обвиняемого или подозреваемого.

Правильное решение задач уголовного судопроизводства в первую очередь зависит от правильного применения норм материального права, т.е. правильной квалификации содеянного. Только она является ориентиром для того, что к лицу могут быть применены уголовное наказание, принудительные меры медицинского характера или воспитательного воздействия либо для констатации факта отсутствия оснований для их применения. Все это предполагает умение отличить преступление от иных правонарушений, правильно устанавливать категории преступлений, таких вопросов уголовного права как виды рецидива, все признаки общего и специального субъекта преступления, все стадии совершения умышленного преступления, добровольный отказ, обстоятельства, исключющие преступность деяния и т.д.

Только совершение преступного деяния порождает уголовно-правовые отношения, которые и должны привести к возникновению уголовно-процессуальных отношений. В свою очередь они продолжают с момента привлечения виновного к уголовной ответственности до

вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Если преступление не было совершено, значит не возникали уголовно-правовые отношения как предпосылки уголовно-процессуальных отношений. Привлечение к уголовной ответственности невиновного - это возникновение уголовно-процессуальных отношений при отсутствии уголовно-правовых. Естественно, что в подобных случаях возбужденные уголовные дела подлежат прекращению.

С другой стороны утрата всей самостоятельности следователем согласно новому УПК, обязанность его каждый раз получать согласие прокурора на возбуждение уголовного дела или производство следственных действий в ряде случаев тормозит возникновение уголовно-процессуальных отношений и в результате приводит к утрате следов преступления и других доказательств, что вряд ли соответствует интересам правосудия.

Весьма актуальной является и проблема единого толкования как в УК, так и в УПК тех терминов, которые в них находят одновременное употребление. Такие узловые термины, как преступление, состав преступления и наказание не упомянуты в ст. 5 УПК, которая дает толкование различных понятий, использованных в нем. В отношении преступления и наказания этот вопрос ясен. Часть 1 ст. 14 и часть 1 ст. 43 УК эти понятия устанавливают и нет необходимости их дублирования в УПК. Однако состав преступления, как уголовно-правовой и уголовно-процессуальный термин не установлен ни в УК, ни в УПК. Представляется, что конкретный состав, как эталон определенного типа преступного деяния, предусмотренного отдельной статьей Особенной части УК или отдельной частью статьи Особенной части УК, имеющими самостоятельную санкцию, следовало бы установить в законе. Отказывая в возбуждении уголовного дела или прекращая уголовные дела за отсутствием состава преступления, правоприменитель должен четко представить данное основание для совершения указанных процессуальных действий.

Попутно следовало бы решить вопрос и с таким немаловажным термином как событие преступления, который является чисто уголовно-процессуальным. Судебная практика признает событием преступления общественно опасное деяние, не образующее состава преступления. Аутентическое толкование этого термина, данное в ст. 5 УПК, стало бы надежным ориентиром для правоприменительных органов при отправлении уголовного судопроизводства.

В то же время необходимо отметить, что в УПК получило несколько иное толкование понятие преступления, установленное ст. 14 УК. Согласно части 1 ст. 14 УК преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Теперь обратимся к ч.1 ст. 299 УПК, которая предусматривает вопросы, подлежащие разрешению судом при постановлении приговора. Их последовательность такова:

- 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;
- 3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено;
- 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления.

Такова редакция первых четырех пунктов части 1 ст.299 УПК. Если вспомнить определение понятия преступления, содержащееся в ч.1 ст. 14 УК можно отметить, что в пункте третьем устанавливается виновное деяние, предусмотренное определенной нормой уголовного

закона, а только после этого - в пункте четвертом - виновность подсудимого, что противоречит определению понятия преступления согласно УК РФ, поскольку только виновно совершенное деяние признается преступлением, а не наоборот. Законодательное толкование этого важного понятия требует, чтобы пункты 3 и 4 части 1 ст. 299 УПК поменялись местами, так как наличие в деянии состава преступления, предусмотренного определенной нормой уголовного закона может быть констатировано только после установления вины подсудимого.

Практические работники сначала устанавливают различные условия уголовной ответственности: возраст, вменяемость, вину и т.д., совокупность которых и составляет единственное основание уголовной ответственности⁵ - наличие в деянии всех признаков определенного преступления, предусмотренного конкретной нормой уголовного законодательства.

Уголовные дела по сложности резко отличаются друг от друга. Естественно, что и приговоры по ним будут иметь различные объемы, требующие для оглашения неодинаковые по продолжительности время. В одних случаях достаточно и нескольких минут, а в других - оглашение приговора длится в течение нескольких часов. К подобным случаям можно отнести дела, включающие совокупность преступлений, многоэпизодные деяния, групповые преступления и т.д. Например, по заявлению судьи Чертановского межмуниципального суда г. Москвы Н. Маркиной для оглашения приговора по делу Вячеслава Мавроди, обвиненного в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 172 и ч. 2 ст. 191 УК РФ, необходимо 5-7 часов.⁶ Этот пример наглядно показывает, что оглашение приговора никак не может быть поставлено в один ряд с минутами молчания. В то же время в ч. 1 ст. 310 УПК РФ говорится: "Все присутствующие в зале судебного заседания, включая состав суда, выслушивают приговор суда стоя". Вряд ли подобная процедура способна прививать гражданам уважение к суду и способствовать укреплению законности в стране. Даже не все здоровые граждане в состоянии стоять в течение нескольких часов, выслушивая приговор, а в зале судебного заседания могут присутствовать лица, имеющие различные заболевания. Представляется, что присутствующие в зале судебного заседания должны вставать при появлении суда, а слушать приговор сидя. Такой порядок оглашения приговора не может противоречить интересам правосудия.

Литература и примечания

1. Далее УК.
 2. Далее УК РСФСР.
 3. Далее УПК.
 4. Далее УПК РСФСР.
 5. См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и её основание в советском уголовном праве. - М.: Юрид.лит., 1963. - С. 148, 149.
 6. См.: Зубко И. Защита Мавроди // Рос. газета. - 2003. - 14 февр.
-

Набиуллин В.В. Понятие обстановки совершения преступлений и ее значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья осужденных в условиях мест лишения свободы

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

В.В. Набиуллин - соискатель кафедры криминалистики Института права БашГУ (г.Уфа)

ПОНЯТИЕ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Преступление - это сознательно волевая деятельность субъекта. Субъект при совершении преступления взаимодействует с окружающей обстановкой. Криминалистическую сущность понятия обстановки совершения преступления впервые постарался раскрыть в середине 60-х годов Р.С. Белкин.

В криминалистической литературе существуют различные точки зрения относительно понятия обстановки совершения преступления и его содержания. К примеру, В.А. Образцов в содержание обстановки совершения преступления включает территориальную, климатическую, демографическую и иную специфику региона в котором совершено преступление, и обстоятельства, характеризующие непосредственное место, время, условия и другие особенности. В этом случае понятие обстановки совершения преступления включает криминологические особенности преступления, т.е. дается более широкое толкование, что осложняет ее практическое применение.

Широкое распространение в литературе получило понятие обстановки совершения преступления как фрагмента окружающей среды. С точки зрения криминалистики элементы, окружающие преступление могут быть поделены на две группы:

- 1) не имеющие криминалистическое значение (обстоятельства не связаны никаким нитями с преступлением, и не оказывают влияние на его свойства, нейтральны по отношению к нему);
- 2) имеющие криминалистическое значение:
 - а) влияющие на свойства преступления непосредственно выступая в качестве его элементов;
 - б) оказывающие влияние опосредованно.

Круг сведений включаемых в криминалистическую характеристику преступления входят и сведения о его подготовке, о временных, региональных, климатических и иных условиях окружающей среды. Средой (или обстановкой) преступления является совокупность тех

объектов (людей, вещей и т.д.) их состояний, связей и отношений, на фоне, с учетом или под воздействием которых совершается это преступление. Понятие обстановки совершения преступления имеет важное криминалистическое значение, ибо оно самым тесным образом связано с вопросом оптимизации как практической, так и научной деятельности.

Определение данного понятия позволяет раскрыть круг его составных элементов, обстоятельств, подлежащих выяснению по делу (время суток, день недели, месяц, место совершения преступления, погодные условия, прилегающие к нему коммуникации жилые, производственные объекты и т.д.).

Неправильным будет и ограничение содержания обстановки совершения преступления материальными условиями места совершения преступления.

В.К. Гавло понятие "обстановки преступления" определяет, как особенности связи субъекта преступления с той средой, в которой подготавливается, совершается и скрывается преступление. Действительно обстановка предшествующая совершению преступления и затем, сложившаяся после посягательства несомненно имеет криминалистическое значение, но их влияние на посягательство не бесспорно. Нет ясности в связи обстановки, сложившейся после совершения преступления, со способом посягательства и другими элементами криминалистической характеристики.

Н.П. Яблоков под обстановкой совершения преступления понимает систему различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих время, вещественные и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления. Это определение более ёмкое, и полнее раскрывает понятие и содержание обстановки совершения преступления, но в тоже время оно не выявляет ее составные элементы.

И.М. Лузгин в общую криминалистическую характеристику включает и обстановку, куда входят действия, направленные на приготовление, совершение и после совершения преступления. Гарифуллин И.Р. определяет обстановку совершения преступления как систему взаимодействующих между собой факторов до, в момент и после совершения преступления, характеризующих место, время, состав соучастников и характер их взаимоотношений с потерпевшим, наличием (отсутствием) очевидцев противоправного события и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления. В определение включены данные о взаимодействии объектов, явлений и процессов после совершения преступления, поскольку они влияют как на приготовление, так и совершение преступления. Содержанием обстановки - являются факторы влияющие на возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления (состав участников, время, место и т.д.).

Проанализировав вышеизложенные точки зрения, на наш взгляд, обстановку совершения преступления следует понимать как совокупность обстоятельств (природно-климатических, пространственно-временных, поведенческо-психологических и производственно-бытовых), характеризующих место, время, предмет посягательства, состав участников, характер их взаимоотношений с потерпевшим и других материальных элементов окружающей среды, оказавших влияние на способ и механизм ее совершения. Обстоятельства эти, складываясь по воле и помимо воли участников преступного события, оказывают влияние на способ, механизм преступления, облегчая либо осложняя его совершение.

Вследствие взаимодействия элементов внешней среды, участников посягательства и других фактов, образуются всевозможные следы, которые позволяют более правильно оценить, сложившуюся ситуацию и выдвинуть следственные версии из анализа взаимосвязей обстановки совершения преступления с иными элементами криминалистической характеристики.

Объективная оценка сведений, характеризующих обстановку позволяет получить данные: об обстоятельствах и условиях, предшествовавших преступлению; о проведении подготовительной работы преступником; об обстоятельствах способствовавших и препятствовавших, повлиявших на выбор способов, орудий и средств, жертве посягательства; о лицах, воспользовавшихся сложившейся ситуацией для совершения преступления.

Одним из важных элементов криминалистической характеристики является обстановка совершения преступления, включающая в себя и обстановку, характеризующую подготовку к совершению преступления: выбор удобного времени, безлюдного места, изготовление, подбор орудий преступления и т.д. Перед рассмотрением элементов обстановки совершения преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными в местах лишения свободы, необходимо иметь в виду, что часть этих преступлений направлены на лишение жизни человека (ст.ст. 105-108 УК РФ), а другая на причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст.ст. 111-114 УК РФ).

Место совершения осужденными преступлений против жизни и здоровья, совершаемых осужденными в местах лишения свободы - это одно из важных характеристик исследуемых преступлений, оно тесно связано с другими элементами криминалистической характеристики.

Места совершения преступлений против жизни и здоровья осужденными в условиях мест лишения свободы, как показывают исследования, выбираются не случайно. На выбор места совершения преступления влияли различные факторы, как объективного, так и субъективного характера. К примеру, убийства чаще совершались в жилых помещениях. Знание закономерных связей места совершения посягательства с другими элементами позволяют выдвинуть версии относительно лиц, совершивших преступления, степени их организованности и иных обстоятельствах расследуемого деяния.

Исследования показывают, что наиболее часто преступления осужденными совершались в местах связанных с жильем -37,3% и производственной деятельностью (цехах, служебных помещениях, локальных участках производственных помещений) -23,3 %; реже в санитарно-бытовых помещениях -10,5%; и в местах, связанных с исполнением дисциплинарного наказания -7%; комнатах для свиданий -0,7%, иных местах (улица жилой зоны, местах характеризуемые как уединенные, безлюдные и т.д.) -21,2%. Примерно аналогичные данные приводятся и в Методической рекомендации по профилактике тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья в местах лишения свободы ГУИН МЮ РФ. Так, по данным ГУИН МЮ РФ в 2000 году подавляющее большинство преступлений против жизни и здоровья совершено осужденными в жилых зонах 69,1%, на производственных объектах зарегистрировано 14,5 %, около 10% убийств допущено в местах, связанных с исполнением дисциплинарного наказания.

Если рассматривать убийства и умышленные причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, совершенные осужденными в местах лишения свободы, то убийства чаще совершались в местах связанных с производственной деятельностью (цехах, служебных помещениях, локальных участков производственных помещений) -35,6 %, в жилых

помещениях -31,4% и реже в санитарно-бытовых помещениях -6,7%, и в помещениях, связанных с исполнением дисциплинарного наказания -13,3%, и иных местах характеризуемых как уединенные, безлюдные -13%. Напротив, умышленные причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, совершались в местах связанных с жильем - 36,2%, в цехах, в служебных помещениях, на объектах, в которых трудиспользуются осужденные, локальных участках производственного помещения -33,8%, гораздо меньше в санитарно-бытовых помещениях -14% и в помещениях, связанных с исполнением дисциплинарного наказания -5,29%, иных местах характеризуемых как уединенные, безлюдные -9,7%.

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что значительная часть преступлений против здоровья осужденными совершаются в местах, связанных с жильем и производственно-хозяйственной деятельности учреждения, меньше в местах исполнения дисциплинарных взысканий, санитарно-бытовых помещениях.

Объясняется это тем, что в местах, связанных с производственной деятельностью надзор за поведением осужденных со стороны администрации учреждения ослаблен. Осужденные на рабочих и в местах проживания более свободны в передвижении и имеют больше возможностей для общения, завязывания более широкого круга знакомств.

Рассмотрим выявленные в результате эмпирических исследований взаимосвязи между местом совершения преступлений против жизни и здоровья осужденными в местах лишения свободы с другими элементами криминалистической характеристики.

При исследовании места и времени совершения преступлений против жизни и здоровья установлено, что убийств больше совершается в промышленной зоне с 7 до 17 часов, а в жилых помещениях с 22 до 06 часов. Напротив, умышленных причинений тяжкого или средней тяжести вреда здоровью отмечено больше в жилых и связанных с ним помещениях с 17 до 06 часов, а в производственных помещениях в период времени с 07 до 17 часов. По данным ГУИН МЮ РФ в 2000 году основное количество убийств -57,2 % совершено в период с 7 до 22 часов, в ночное время с 22 до 06 часов - 32,7%, а в период с 05 до 07 часов - 14,5% убийств. Следовательно, преступники в зависимости от времени определяли место совершения преступления.

Выявлены определенные связи между местом совершения преступления и возрастом преступника. Так убийства возрастной группой от 18 до 25 лет в местах, связанных с производственной деятельностью, совершены в 35% случаях. Значительна доля этой возрастной группы и в умышленных тяжких преступлениях. Так, умышленных причинений тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, в местах связанных с жильем и прилегающих к ним территориях, лицами в возрасте от 18 до 25 лет совершено в 51 % случаях.

Изложенное позволяет заключить, что если убийство, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью совершены в местах, связанных с производственной деятельностью (цехах, служебных помещениях и т.д.) и жильем, то вероятным преступником, во - многих случаях может быть лицо от 18 до 25 лет.

Знание данных закономерностей позволяет следователю выйти на возможный круг лиц причастных к преступлениям против жизни и здоровья совершенных в условиях мест лишения свободы.

Литература и примечания

1. Белкин Р.С. Криминалистика общетеоретические вопросы. М., 1973. С.139.
 2. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения. Криминалистическая характеристика преступлений. // Сб. научных трудов. М., 1984. С.9-10.
 3. Эйсман А.А. О содержании понятий криминалистической характеристики преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С.41-43.
 4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С.176.
 5. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С.8-9.
 6. Лузгин И.М. К вопросу о теории криминалистического моделирования. Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С.18.
 7. Гарифуллин И.Р. Познавательная-поисковая деятельность на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. Уфа, 1999. С.37.
-

|||

Валеев М.Х. К вопросу о понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

М.Х. Валеев - канд. юрид. наук, доцент, Зав. кафедрой криминалистики БашГУ (г.Уфа)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Трудно согласиться с мнением Р.С. Белкина о том, что криминалистическая характеристика "не оправдала надежд ученых и практиков, изжила себя".¹ По нашему мнению одним из путей совершенствования частных методик расследования является исследование и разработка их криминалистических характеристик, которые являются неотъемлемой частью методик расследования отдельных видов преступлений. От содержания понятия "криминалистическая характеристика преступления" зависят все остальные структурные

элементы методики расследования, а также характер и особенности научно обоснованных рекомендаций по успешному выявлению, расследованию и раскрытию преступлений.

Среди прочих юридических характеристик преступлений, криминалистическая характеристика появилась сравнительно недавно. Л.А.Сергеев одним из первых предпринял попытку дать научное понятие криминалистической характеристики, определив ее как "Особенности преступлений отдельных видов, имеющие значение для следственной практики и для разработки научных рекомендаций".² Дальнейшая разработка данного понятия проводилась в работах многих ученых-криминалистов.³

В современных взглядах криминалистов имеются расхождения в понимании содержания, структуры, количества элементов криминалистической характеристики преступлений как структурной части теоретических основ методики расследования. Рассмотрим некоторые из них. Г.А. Густов определяет криминалистическую характеристику преступления как "основанное на практике правоохранительных органов и криминалистических исследованиях описание преступления как реального явления, имеющее своей целью оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступления и решения задач правосудия".⁴ На наш взгляд, данное определение полностью не раскрывает содержание понятия криминалистической характеристики, носит общий характер, хотя в нем указываются источники данного понятия и ее значение.

Более полное определение, содержащее указание на элементы криминалистической характеристики дано А.В. Ковалевым, который полагает, что это "совокупность данных, полученных на основе изучения способов совершения преступления и отражающих необходимые для расследования сведения о субъекте преступления, потерпевших, а также об иных объектах, взаимодействующих при совершении преступления, типичных источниках доказательственной информации, возникающей в результате такого взаимодействия и имеющей значение для раскрытия преступлений".⁵

Несколько иная позиция у А.А. Эйсмана: "криминалистическая характеристика преступлений представляет собой научно обоснованный типовой перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делу - как юридически релевантных, так и промежуточных (доказательственных), с выделением среди них скрытых, неочевидных обстоятельств, характеризующих преступление данного вида (группы) на момент начала расследования, и служит эффективной организации расследования".⁶

В указанных определениях, по нашему мнению, значительно сужается содержание криминалистической характеристики лишь обстоятельствами, подлежащими установлению, т.е. предметом доказывания по уголовному делу. Как верно отмечает Л.Л. Каневский,⁷ криминалистическая характеристика преступлений не может заменить обстоятельств, подлежащих доказыванию, т.к. это не однопорядковые и не однозначные понятия. В отличие от предмета доказывания (обстоятельств, подлежащих установлению), криминалистическая характеристика интересует нас с позиции выявления корреляционных связей между её элементами по отдельным категориям дел для использования их в раскрытии преступлений. Мы полагаем, что именно благодаря наличию закономерных связей и взаимозависимостей между элементами криминалистической характеристики преступлений, она является практически значимой для раскрытия и расследования преступлений. На это указывают в своем определении В.Е. Коновалова и А.Н. Колесниченко - криминалистическая характеристика может быть определена как система сведений (информации) о криминалистически значимых признаках преступления данного вида, отражающая закономерные связи между ними и служащая построению и проверке следственных версий для решения конкретных задач расследования.⁸ Здесь, как мы считаем, авторы несколько

смешивают понятие элемент криминалистической характеристики с уголовно-правовым понятием - признак преступления. Но, в отличие от определения В.К. Гавло криминалистической характеристики как системы типичных сведений, раскрывающих основные черты способа, механизма и обстановки совершаемых преступлений, слепообразования, личности виновного, его мотивы и цели в ситуациях подготовки, совершения и сокрытия преступлений, учитываемых в методике расследования,⁹ предыдущее более полно отражает сущность и значение криминалистической характеристики.

Следует согласиться с тем, что именно на основе анализа закономерных связей между его элементами, возможно обоснованное выдвижение следственных версий относительно различных обстоятельств расследуемого события и определение путей их проверки.

Рассматривая приведенные выше точки зрения криминалистов относительно понятия криминалистической характеристики преступлений, можно выделить основные ее черты.

Во-первых, криминалистическая характеристика - это прежде всего некая совокупность криминалистически значимых элементов, данных, сведений о преступлениях определенного вида. Во-вторых, эти данные получены в ходе изучения криминальной деятельности и научных исследований. В-третьих, между элементами (данными, сведениями) существуют закономерные связи и взаимозависимости, что характерно для системы и, в-четвертых, данные об элементах криминалистической характеристики и присущих им взаимосвязях могут использоваться для более быстрого и полного расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Наиболее точное определение, содержащее все эти признаки, дано по нашему мнению Л.Л. Каневским, который под криминалистической характеристикой понимает "взаимосвязанную совокупность индивидуальных особенностей определенной категории преступлений, характеризующих обстановку, способ и механизм совершения и сокрытия преступления, личность преступника и потерпевшего, которые имеют значение для выявления, расследования и раскрытия преступлений".¹⁰ Однако и это определение нуждается в уточнении.

Во-первых, взаимосвязанная совокупность чего-либо может определяться как система, к тому же понятие система предполагает не только связь между входящими в него элементами, но и их определенную структуру, построение, иерархию.

Во-вторых, определением не охватывается такая важная стадия преступной деятельности (особенно по делам о вымогательстве) как подготовка преступления.

В-третьих, в структуру криминалистической характеристики могут входить и любые другие элементы, кроме перечисленных в определении, поэтому вряд ли целесообразно давать их исчерпывающий перечень.

И, в-четвертых, не определено значение криминалистической характеристики для предупреждения и профилактики преступлений, что является важной задачей всех правоохранительных органов.

Обобщив сказанное, нами может быть дано следующее определение: криминалистическая характеристика преступления - это система индивидуальных особенностей преступлений определенного вида, характеризующих обстановку, способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, личность преступника и потерпевшего, а также другие элементы

криминальной деятельности, которые имеют значение для выявления, раскрытия и предупреждения преступлений.

Литература и примечания

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М., 2001. С. 223.
 2. Сергеев Л.А. Руководство для следователей. - М., 1971. С. 473.
 3. См.: Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступлений//Вопросы борьбы с преступностью. Вып.25. - М., 1976. С. 102; Селиванов Н.А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования//Соц. законность. - 1977. № 2.С.56.; Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений //Криминалистические характеристики преступлений. - Свердловск, 1978. С. 11-18.
 4. Густов Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений//Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. С.44.
 5. Ковалев А.В. Криминалистическая характеристика преступлений в области охраны жизни и здоровья работников в процессе их производственной деятельности//Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования. - М., 1978. С. 45.
 6. Эйсман А.А. О содержании понятия криминалистической характеристики преступлений//Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. С. 99
 7. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. - Красноярск, 1991. С.78.
 8. Коновалова В.Е., Колесниченко А.Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики//Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. С. 16.
 9. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. - Томск, 1985. С. 167
 10. Каневский Л.Л. Указ.соч. С. 74.
-

Попов Д.В. К вопросу о соотношении уголовно-правовых понятий: принуждение и насилие

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Д.В. Попов - аспирант кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ: ПРИНУЖДЕНИЕ И НАСИЛИЕ

Каждый термин, закрепленный в Уголовном кодексе РФ, имеет содержательную сторону. Определение последней является порой не таким легким делом. В основном это происходит из-за отсутствия в уголовном законе, а также и в постановлениях ПВС РФ определений того или иного термина. Остается обращаться к научным работам, но и здесь возможны "белые пятна" или наличие различных мнений. Подобная ситуация в юридической литературе сложилась вокруг таких понятий как "принуждение" и "насилие", их соотношения. Нет единого понимания содержательных сторон физического или психического принуждения и физического или психического насилия.

В настоящей работе делается попытка разобраться в очерченном выше круге вопросов.

Рассмотрим содержательную сторону, под которой предлагаем понимать совокупность существенных признаков какого-либо явления, события, такого понятия как принуждение.

Впервые термин "принуждение" в уголовном законодательстве России встречается в Уложении о наказаниях Уголовных и Исправительных 1845 г. Так, в п.5 ст.93 главы 2, носившей название "О причинах по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину", называлась такая причина как - принуждение от превосходящей непреодолимой силы.¹ Далее в ст.100 Уложения указывалось, что "учинившему противозаконное деяние вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им также не вменяется в вину".²

Позже понятие принуждение употребляется в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1885 г. В п.142 (2) главы 11 "Об оскорблениях чести, угрозах и насилиях" закреплялось: "Сельские рабочие, самовольно по соглашению между собой, прекратившие, приостановившие или не возобновившие сельских работ к исполнению коих они были обязаны договором найма, виновные: в принуждении других сельских рабочих посредством угроз, насилия, отлучения от общения (далее указывается санкция за совершение указанного преступления).³

В отличие от Уложения 1845 г., в котором не раскрывалось понятие принуждение, Устав о наказаниях, формулируя п.142 (2) в вышеприведенной редакции, позволяет выделить следующие существенные признаки принуждения:

Во-первых: источником принуждения выступает человек, он прямо называется в тексте редакции п.142 (2).

Во-вторых: принуждение может осуществляться разными способами: путем угроз, насилия, отлучения от общения.

Кроме этого, данный пункт Устава, его анализ, позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство 19 века разделяло понятие принуждение и понятие насилие, причем первое из них было по объему шире второго.

Примечательно, что относительно развернутое определение понятия принуждение в то время содержалось в ст.201 Саксонского кодекса 1855 г. Согласно ей: "Кто кроме особо - упомянутых в этом кодексе случаев, употребит силу или угрозу, с целью заставить что-либо сделать, претерпеть или перестать делать, ежели насилие или угроза противозаконны, или если другой посредством насилия или угрозы должен быть определен к чем-нибудь противозаконному или безнравственному, то должен быть за принуждение наказан".⁴

Но, однако, вновь вернемся к понятию принуждения в России. Точка зрения юристов по данному вопросу на тот период времени сводилась к следующему: "В русском действующем праве вопрос о принуждении имеет крайне неопределенную постановку".⁵

Уголовное Уложение 1903 г. попыталось определиться по вопросу содержательной стороны принуждения и в ст.507 к нем отнесло принуждение насилием или наказуемой угрозой выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемого, или отказаться от осуществления права или от исполнения обязанности.⁶

Из текста ст.507 Уложения следует, что законодатель в понятие принуждения включает два существенных признака: насилие или наказуемую угрозу и во-вторых, цель применения - заставить человека действовать вопреки его воле.

В отличие от дореволюционного уголовного законодательства, в котором способы принуждения в основном сводились к насилию и угрозе, первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. расширил их перечень, установив в ст. 112 (1) ответственность, в частности, за принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего следствие или дознание" (далее идет санкция за совершение преступления).⁷

"Традиционные" же способы осуществления принуждения: насилие и угроза содержалось в ст.170 УК РСФСР, правда законодателем они были названы как физическое и психическое воздействие.⁸

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в принципе дублировал положения, содержащиеся в предыдущем уголовном законе по данному вопросу.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. также оперировал термином принуждение, но его легального определения не давал.

В юридической литературе того времени по вопросу о содержательной стороне принуждения либо ничего не говорилось,⁹ либо оно сводилось к угрозе или применению физического насилия. Так, в одном учебном пособии по уголовному праву автор писал - угроза и принуждение всегда исходят от другого лица, стремящегося заставить потерпевшего совершить преступление. Угроза-это психическое принуждение, которое проявляется в угрозе лишить жизни, нанести телесные повреждения или побои, уничтожить имущество, разгласить нежелательные сведения и т.п. Принуждение предполагает применение физического насилия над потерпевшим".¹⁰ Здесь угроза противопоставляется принуждению, а принуждение сведено к физическому насилию, с чем трудно согласиться.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс РФ, к сожалению, также не раскрыл содержание принуждения: термин принуждение фигурирует в таких статьях Особенной части УК как: "Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации"; "Принуждение к даче показаний" и др.

Заметим, что подобная уголовно-правовая терминология свойственна большинству УК стран СНГ. Вместе с тем, в отличие от УК РФ, а также ряда УК бывших союзных республик, уголовный закон Республики Беларусь содержит общий состав принуждения. Так, в ст.185 УК РБ закреплено: "Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашению иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления" (далее указывается санкция).¹¹ Приведенная норма дословно воспроизводит положения ст.142 Модельного уголовного кодекса стран СНГ.

Возвращаясь к вопросу о содержании понятия принуждения в российском уголовном праве, полагаем необходимым рассмотреть те мнения, которые на сегодняшний день существуют в доктрине. Так, Акоев К.Л., комментируя ст.120 УК РФ, считает, что: "принуждение-это неправомерное воздействие на личность с целью добиться от нее согласия на донорство под угрозой неблагоприятных последствий в случае отказа от него".¹² В качестве способов такого воздействия, по мнению автора, закон предусматривает как реальное применение насилия, так и угрозу его применения.

К сожалению, автор не поясняет, что следует понимать под словосочетанием "неблагоприятные последствия". В свою очередь, заметим, что для каждого человека содержание его различно. Так, например, для кого-то угроза прекращения дружеских отношения будет являться неблагоприятным последствием, однако такую угрозу вряд ли можно считать общественно-опасным, незаконным способом принуждения.

Голоднюк М.Н., анализируя ст.302 УК РФ, утверждает, что под "принуждением понимается такое воздействие на допрашиваемого, которое подавляет его волю...".¹³

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренные нами выше положения о понятии принуждения в основной своей массе сходны, поскольку называют одни и те же его существенные признаки.

Обобщив их, можно дать следующее уголовно-правовое определение понятию принуждения: Принуждение - это умышленное, общественно опасное, противоправное воздействие на лицо, осуществляемое путем физического или (и) психического насилия, а также путем иных незаконных действий (бездействия) с целью заставить данное лицо совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения.

При этом действия, к совершению которых лицо принуждается, по своему характеру необязательно должны быть преступными. Аналогичной позиции, придерживается, например, законодатель Республики Беларусь.¹⁴

Переходя к раскрытию содержания понятия насилия, заметим. Что достаточно подробно о термине "насилие" в истории российского уголовного права писал в одной из своих работ Шарапов Р.Д.¹⁵

На сегодняшний день УК РФ не дает легального определения понятию насилие. В юридической литературе на этот счет можно встретить различные точки зрения. Так, Джавадов Ф.М. под насилием понимает общественно-опасное, противоправное, умышленное воздействие на организм человека, совершенное против его воли и направленное на причинение вреда жизни и здоровью.¹⁶

Сердюк Л.В. считает, что насилие - это внешнее со стороны других лиц умышленное и противозаконное воздействие на человека (или группу лиц), осуществляемое помимо или против его воли и способное причинить ему органическую, физиологическую или психическую травму, и ограничить свободу его волеизъявления или действия.¹⁷

Иванова В.В. определяет насилие как общественно опасное, противоправное физическое или психическое воздействие на другого человека, совершаемое вопреки или помимо его воли, представляющее опасность для его жизни или здоровья в момент применения, лишение свободы, могущее повлечь причинение вреда здоровью различной степени тяжести или смерть.¹⁸

Следует заметить, что в вышеприведенном определении автор указывает только на такое насилие, которое опасно для жизни или здоровье. Однако насилием, в уголовно-правовом смысле следует считать и такое воздействие на лицо, которое может быть признано не опасным для жизни и здоровья. Такую позицию занимает и законодатель, и Пленум Верховного суда РФ, например, в Постановлении "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое".¹⁹

В приведенных определениях понятия насилия указывается на такой его обязательный признак как "помимо или вопреки воли".

Полагаем, что вопрос о включении "помимо или вопреки воли" в число конструктивных признаков, характеризующих насилие как уголовно-правовую категорию, должен быть решен отрицательно.

Если утверждать, что под насилием понимается только то воздействие на другого человека, которое осуществляется помимо (случай, когда лицо не осознает факт посягательства) или вопреки (случай, когда лицо осознает факт посягательства и относится к нему отрицательно) воли последнего, уголовно-ненаказуемыми следует признавать случаи, когда вред потерпевшему причиняется с его согласия. Однако, уголовное законодательство России "согласие потерпевшего" не относит к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния. Правда, законодатель может признать в определенных случаях согласие потерпевшего таковым (см., например, УК Австралии) или же смягчающим наказание обстоятельством (УК Испании, УКФРГ и т.д.), но это исключение из общего правила.

Исходя из сказанного, уголовно-правовое понятие насилия можно было бы сформулировать следующим образом: насилие - это общественно-опасное, противоправное, умышленное воздействие, оказываемое одним лицом на другое лицо, повлекшее или могущее повлечь наступление вреда, предусмотренного уголовным кодексом РФ.

Таким образом, определившись с содержательной стороной обоих рассматриваемых понятий и соотнеся их между собой, приходишь к следующим выводам:

Во-первых, понятие принуждение по своему объему шире, чем понятие насилие, т.е. последнее выступает одним из способов осуществления принуждения.

Во-вторых, существенным признаком, характеризующим принуждение, является его цель - принудить лицо действовать или бездействовать вопреки его воли. В содержательной же стороне понятия насилия указанная цель не выступает в качестве обязательного признака, т.к. возможны случаи применения насилия в иных целях (например, действия киллера).

Переходя к вопросу о соотношении понятий физическое или психическое принуждение с понятиями физического или психического насилия, заметим, что необходимость рассмотрения данного вопроса в науке уголовного права продиктована появлением в УК РФ 1996 г. ст.40 "Физическое или психическое принуждение".

В начале рассмотрим, что понимается в науке уголовного права под физическим насилием.

Наиболее развернутое определение данному понятию в юридической литературе было дано Шараповым Р.Д., который формулирует его как умышленное, неправомерное причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли путем энергетического воздействия на органы, ткани или физиологические функции организма.²⁰ К последним он относит: дыхание, движение, выделение и т.п.

Следует отметить, что само название: "физическое насилие" обусловлено тем обстоятельством, что оно направлено на физическую сферу человека, которая состоит из органов, тканей, физиологических функций.

Относительно понятия физическое принуждение в юридической литературе были, в частности, высказаны следующие суждения. Так, Тяжкова И.М. отмечает: "Иногда физическое принуждение отождествляется с физическим насилием. Эти понятия во многом сходны, однако полностью не совпадают. Физическое принуждение включает в себя не только физическое воздействие на телесную неприкосновенность лица, но и иные действия, ограничивающие либо лишаящие человека возможности действовать по своему усмотрению. Например, ограничение или лишение свободы".²¹

Схожую позицию занимает Т.В. Орешкина. Она пишет: "Следует задуматься над тем, являются ли термины физическое насилие и физическое принуждение синонимами. Представляется, что понятие принуждение несколько шире понятия насилия. Под понятие физическое насилие подпадает лишь такое ограничение или лишение свободы, которое связано с непосредственным воздействием на организм человека. Таковыми являются: вталкивание человека в помещение или отталкивание его от двери, препятствование его выходу из помещения и дальнейшее его связывание или запираение. Запираение человека в помещении без непосредственного телесного контакта с ним рамками физического насилия не охватывается. Вместе с тем, такая незаконная изоляция человека может выступить в качестве непреодолимого физического принуждения".²²

Заметим, что автор вначале ставит вопрос о соотношении таких понятий как физическое принуждение и физическое насилие, а ниже делает вывод, что понятие принуждение несколько шире понятия насилия.

Такая непоследовательность, как нам представляется, создает определенные сложности в понимании излагаемого автором материала.

В свою очередь, мы полагаем, что само название "физическое принуждение" как и в случае с "физическим насилием" обусловлено тем обстоятельством, что оно направлено на физическую сферу человека. А поскольку любое воздействие на физическую сферу человека есть физическое насилие, постольку объем содержания понятия физическое принуждение

равен объему содержания понятия физическое насилие. Подобным образом соотносятся понятия психическое принуждение и психическое насилие.

Литература и примечания

1. См.: Отечественное законодательство 11-20 веков: Пособие для семинаров. Ч.1 (11-20 в.в.) / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юристъ, 1999. С.343.
2. См.: Там же. С.136.
3. См.: Свод законов Российской империи / состав. А.М. Нюренберг. Книга четвертая, томы: 13-16. М., 1910. С.274.
4. См.: А.Ф. Бернер. Учебник уголовного права. Т.2, часть Особенная. С.-Петербург, 1867. С.92-93.
5. См.: Энциклопедический словарь. Т.25. Издатели: Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ. СПб, 1898. С.233.
6. См.: Энциклопедический словарь. Т-ва "Бр. А. И И. Гранат и К" под ред. Проф.Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова и др. Т.33. М., 1912-1914. С.474.
7. См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 г.г. / под ред. Проф. И.Т. Голякова.- М.: Гос.из-во юридической литературы, 1953. С.130.
8. См.: Там же. С.136.
9. См., например: Курс советского уголовного права (Часть общая) Т.2 ЛГУ, 1970. С.332; Советское уголовное право. Часть общая. Учебник / под ред. Здравомыслова Б.В. и др. М.: Юрид.лит., 1982. С.319.
10. См.: Советское головное право. Ч. Общая, под ред. Проф. М.И. Ковалева и др.- Свердловск, 1972. С.262.
11. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь.- Мн.: Амалфея, 2001. С.144.
12. См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / под ред. Проф. М.П. Журавлева и доцента С.И. Никулина. М.: Изд-во "Щит-М", 2001. С.67.
13. См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т.5. Учебник для вузов. Под ред. проф. Г. И. Борзенкова и проф. В.С. Комиссарова.- М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. С.193.
14. См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь.- Мн.: Амалфея, 2001. С.144.
15. См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.6-19.
16. См.: Джавадов Ф.М. Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: Автореф. Дис... канд.юрид.наук. М., 1985. С.11.
17. См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Изд-во "Юрлитинформ", 2002. С.22.

18. См.: Иванова В.В. Преступное насилие: Учебное пособие для вузов.- М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. С.16.
19. См.: Российская газета, №9, 18 января 2003 г.
20. См.: Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.290.
21. См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении.- М.: Изд-во "Зерцало", 1999. С.479.
22. См.: Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право, 2000, №3. С.34.
-

Шагеева Р.М. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.М. Шагеева - помощник прокурора Орджоникидзевского района г.Уфы, аспирантка кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Принудительные меры медицинского характера таковыми обозначены в российском уголовном законодательстве и в теории российского уголовного права. Аналог данным мерам существует и в законодательстве зарубежных стран. Они обозначены как меры безопасности (Уголовный кодекс¹ Польши), меры исправления и безопасности (УК ФРГ), меры безопасности, предусматривающие лишение свободы (УК Испании), изоляция дефективных правонарушителей, принудительное лечение алкоголиков, социальное восстановление наркоманов (США) и др.

При этом нормы одного государства в определении понятия принудительных мер медицинского характера, их разновидностей, целей и оснований применения отличаются от соответствующих норм других государств.

В этой связи представляет интерес сравнительный анализ уголовного законодательства, регламентирующего применение уголовно-правовых мер к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, к лицам, страдающим заболеванием алкоголизмом, наркоманией, психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, с целью взаимного обогащения государств положительным опытом правового регулирования в данной сфере, выявления недостатков, пробелов в национальном законодательстве, дальнейшего развития и совершенствования внутреннего законодательства, а в перспективе и сближения законодательства различных государств, выработки единых международных принципов, положений в данной сфере.

Для законодательства зарубежных стран характерен институт мер исправления и безопасности, который шире, чем институт принудительных мер медицинского характера, существующий в Российской Федерации.² Меры безопасности в зарубежных странах включают в себя также такие меры, как превентивное заключение, превентивный залог, запрещение посещать питейные заведения, информирование о преступниках, руководящий надзор, лишение водительских прав, запрет заниматься определенной профессией и т.п.³

Правовая природа рассматриваемых мер является спорным вопросом в уголовном праве зарубежных стран. Во многих из них меры безопасности фактически рассматриваются как альтернатива наказанию (США, Швейцария).

В основе назначения разнообразных видов так называемых "мер безопасности" лежит принцип соответствия, который заключается в соответствии назначаемой меры исправления и безопасности совершенному лицом или ожидаемому от него деянию и степени исходящей от него опасности.

Так, например, в Германии юристы придают большое значение системе мер исправления и безопасности, рассматривая ее, с одной стороны, как воплощение идей ресоциализации, а с другой, как раннюю профилактическую меру. Это помещение в психиатрическую больницу, помещение в терапевтическое учреждение для алкоголиков и наркоманов, превентивное заключение, руководящий надзор, лишение водительских прав, запрет заниматься определенной профессией. В тоже время, часть ученых Германии говорит о существующих мерах исправления и безопасности в отрицательном плане в связи с неясностью их правовой природы, невозможностью отграничить от наказания, репрессивностью этих мер, они не основаны на виновности лица.

УК Финляндии 1889 г. среди мер безопасности уголовно-правового характера называет: смирительное заведение, лишение права заниматься промыслом или профессией, конфискация имущества. Закон о душевнобольных 1952 г. предусматривает, что лицо, оправданное судом ввиду его невменяемости, может быть подвергнуто соответствующим предохранительным мерам, назначение которых относится к ведению административных органов, а не суда.⁴

В основном среди категорий лиц, к которым применяются меры безопасности, в зарубежных странах обозначены лица, совершившие противоправные деяния в состоянии невменяемости, лица, страдающие заболеванием алкоголизмом, наркоманией.

Также уголовному законодательству зарубежных стран известен институт уменьшенной (ограниченной вменяемости). Например, УК Швейцарии 1937 г., Швеции 1964 г., Дании 1986 г., Франции 1992 г., Германии от 15 мая 1871 г. в редакции 1998 г., Польши 1998 г., Испании 1995 г., Латвийской Республики 1999 г. Уменьшенная вменяемость в различных формулировках признается уголовным законодательством Венгрии, Чехии, Югославии,

Италии, Финляндии, стран Ближнего Востока (Иордания, Сирия), Южной Азии (Индия), Африки (Уганда). При этом применение мер медицинского характера к указанной категории лиц предусмотрено законодательством лишь отдельных стран.

Так, УК Швейцарии указывает, что суд по своему усмотрению может смягчить наказание указанной категории лиц (ст. 11), и с учетом рекомендаций экспертов принять решение о помещении уменьшено вменяемого в больницу (ст. 14).⁵

УК Франции позволяет применить к лицу, признанному ограниченно вменяемым, меры медицинского характера. Эти лица должны содержаться в специализированном учреждении, режим которого совмещает режим тюремного заключения и проведение медико-психиатрических мероприятий.⁶

УК Латвийской Республики содержит положение о том, что лицам, которые находились в состоянии ограниченной вменяемости в момент совершения преступления, в зависимости от конкретных обстоятельств деяния суд может смягчить назначаемое наказание или освободить это лицо от наказания, при этом суд применяет предусмотренные законом принудительные меры медицинского характера.

В целом в большинстве зарубежных стран последствием признания уменьшенной вменяемости обвиняемого предусматривается смягчение наказания (например, УК Швеции, Дании, Германии, Японии, Польши, Испании). Однако практика зарубежных государств имеет опыт признания психических аномалий обстоятельствами отягчающими ответственность. На человека с психическими аномалиями как бы ложится дополнительная обязанность по более тщательному контролю за своими нездоровыми страстями. Эта позиция занималась определенное время Верховным судом ФРГ.⁷

Согласно УК РФ лицам, совершившим деяния, предусмотренные УК, в состоянии невменяемости, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма, наркомании, принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Целями применения принудительных мер медицинского характера в уголовном праве РФ названы - излечение вышеуказанных лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых противоправных деяний.

В целом по данному вопросу принципиальных отличий в российском законодательстве и в законодательстве зарубежных стран нет.

Так, например, согласно ст. 93 УК Польши, суд может назначить меру безопасности, связанную с помещением в закрытое учреждение только тогда, когда это необходимо для предотвращения совершения лицом нового запрещенного деяния, связанного с его психическим заболеванием, умственной отсталостью или зависимостью от алкоголя или другого одурманивающего вещества.

В соответствии с §63 УК ФРГ лицо, совершившее противоправное деяние в состоянии невменяемости или уменьшенной вменяемости, помещается в психиатрическую больницу. Суд выносит такое решение, если приходит к выводу, что лицо вследствие своего

психического состояния может совершить серьезные противоправные деяния и поэтому оно опасно для общества.

Согласно статье 43 УК Швейцарии суд может вынести предписание о направлении душевнобольного, совершившего деяние, наказуемое каторжной тюрьмой или тюремным заключением, в лечебное учреждение или приют. Суд учитывает психическое состояние лица, а также необходимость осуществления за ним врачебного наблюдения или особого ухода. Целью данной меры является предотвращение или уменьшение опасности совершения этим лицом новых противоправных деяний.

Интересным представляется подход в законодательстве некоторых зарубежных стран к конкуренции мер безопасности и наказания.

Так, согласно УК Польши лицо, совершившее преступление в состоянии ограниченной вменяемости, помещается в пенитенциарное учреждение, в котором применяются специальные лечебные или реабилитационные средства. Если лечение дало положительные результаты, то суд может досрочно освободить лицо, осужденное к наказанию в виде лишения свободы до трех лет. При этом за лицом устанавливается надзор. Лицо, страдающее заболеванием алкоголизмом, наркоманией, по постановлению суда помещается в закрытое лечебное учреждение для прохождения курса лечения, если имеется вероятность совершения им нового преступления, и если лицо осуждено к наказанию в виде лишения свободы до двух лет. При положительных результатах суд условно освобождает осужденного от отбывания оставшейся части наказания. При этом в период испытательного срока суд может также обязать пройти еще курс амбулаторного лечения или реабилитации, передав лицо под надзор куратора или общественной организации. При нарушении осужденным условий испытательного срока (уклонении от лечения, реабилитации, совершение преступления, нарушения режима лечебно-реабилитационного учреждения) суд выносит постановление о помещении его в закрытое учреждение для прохождения курса лечения либо в пенитенциарное учреждение.

§67 УК ФРГ предусматривает, что назначенная мера безопасности (помещение в психиатрическую больницу или в лечебное учреждение для алкоголиков) исполняется перед мерой наказания. По решению суда, если цель меры безопасности будет достигнута таким образом лучше, наказание исполняется перед мерой исправления и безопасности. Уголовный кодекс Германии также предусматривает возможность условной отсрочки мер безопасности в случае, если суд придет к выводу о возможности достижения цели мер безопасности без помещения лица в лечебное учреждение. Срок отсрочки варьируется от двух до пяти лет. В случае нарушения условий условного освобождения суд решает вопрос о реальном исполнении данной меры.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает виды принудительных мер медицинского характера. Это амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрических стационарах общего, специализированного типа, специализированного типа с интенсивным наблюдением. При этом лицам, совершившим преступление в состоянии вменяемости, но признанным нуждающимся в лечении от алкоголизма, наркомании либо в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера только в виде амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра.

В уголовных кодексах зарубежных стран также предусмотрены виды мер безопасности, которые условно можно разделить на амбулаторные и на связанные с помещением лица в специализированные лечебные учреждения.

В частности, УК Польши разграничивает виды мер безопасности по категориям лиц. Так, лица, совершившие противоправные деяния в состоянии невменяемости и представляющие значительную общественную вредность, помещаются в психиатрические учреждения. Лица, совершившие преступления в состоянии ограниченной вменяемости, помещаются в пенитенциарное учреждение, где предусмотрены специальные лечебные и реабилитационные средства. Лица, совершившие преступление в состоянии, обусловленном зависимостью от алкоголя, по решению суда помещаются в закрытое учреждение для прохождения курса лечения.

Уголовное право Германии предусматривает виды принудительных мер медицинского характера - помещение лица в психиатрическую больницу и помещение лица в лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов. Лицо, совершившее преступление в состоянии уменьшенной вменяемости также может быть помещено в психиатрическую больницу, если оно вследствие своего психического расстройства может совершить серьезные противоправные деяния и опасно для общества. В лечебное заведение для алкоголиков или наркоманов согласно §64 УК ФРГ помещается лицо, склонное к чрезмерному употреблению спиртных напитков и других опьяняющих веществ, совершившее противоправное деяние в состоянии опьянения или в результате этой склонности и если имеется опасность, что данное лицо в силу своей склонности будет совершать серьезные противоправные деяния. УК ФРГ устанавливает последовательность исполнения наказания, при котором мерам безопасности отдается приоритет перед мерой наказания.

Согласно ст. 43 УК Швейцарии суд может применить к душевнобольному лицу, совершившему деяние, наказуемое каторжной тюрьмой или тюремным заключением, принудительные меры медицинского характера в виде помещения в лечебное учреждение или в приют. В случае отсутствия угрозы для общества со стороны больного суд применяет к нему амбулаторное лечение. В лечебное заведение для алкоголиков помещаются лица, страдающие алкоголизмом и совершившие в зависимости от этого преступление. При наличии достаточных оснований суд может назначить амбулаторное лечение. При этом он одновременно отсрочивает исполнение наказания в виде лишения свободы, с последующим решением вопроса об условном освобождении лица из лечебного учреждения под охранительный надзор.

Особенностью УК Швейцарии является добровольный характер такой меры безопасности, как помещение лица, страдающего наркоманией и совершившего преступление, в лечебное учреждение. Лицо при этом направляется на лечение только по собственному ходатайству с отсрочкой исполнения наказания.

УК Испании в качестве мер безопасности предусматривает лечение или получение специального образования в учреждении, соответствующем психической аномалии лица, совершившего противоправное деяние в состоянии невменяемости. Лицо, совершившее преступление в состоянии сильного алкогольного (наркотического) опьянения, помещается в государственный или частный восстановительный центр для алкоголиков и наркоманов.

Интересно положение УК Испании, согласно которого продолжительность нахождения в лечебном учреждении не должна превышать срок наказания в виде лишения свободы, который мог бы быть назначен по приговору за совершение деяния. Если лицо совершило противоправное деяние, наказание за которое не предусматривает лишение свободы, суд

назначает амбулаторное лечение. При этом мера безопасности засчитывается за исполнение наказания.

УК Франции в зависимости от тяжести совершенного алкоголиком решает вопрос либо он остается на свободе под надзором диспансера психической гигиены, либо принудительно помещается в один из центров специализированного перевоспитания до того времени, когда он снова может вернуться к нормальной жизни.

В англо-саксонском праве к лицам, совершившим преступление, караемое тюремным заключением, признанным привычным алкоголиком, суд может в дополнении к приговору или вместо него назначить направление на срок не свыше трех лет в государственный или частный реформаторий для алкоголиков. Если лицо совершило нетяжкое преступление и степень наркотической зависимости небольшая мера медицинского характера может быть назначена амбулаторно только при согласии преступника. В противном случае суд назначает меру наказания. В частности, В Англии одним из видов мер безопасности является направление лица на срок до трех лет в специальное заведение для алкоголиков, если: лицо осуждено за преступление, преследуемое по обвинительному акту; суд признает, что преступление было совершено под влиянием опьянения и сам преступник или присяжные считают, что он "привычный пьяница".⁸

Сравнительный анализ уголовного законодательства некоторых зарубежных стран и России показал, что вопрос осуществления мер безопасности в отношении лиц, страдающих заболеванием алкоголизмом, наркоманией в них урегулирован более подробно.

В главе 15 УК России 1997 года вопросам назначения принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим преступления и признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма и наркомании, уделено гораздо меньше внимания, чем даже в УК РСФСР 1960 года.

Мировая практика свидетельствует, что запретительными, ограничительными мерами противостоять угрозе здоровью населения в виде наркомании, алкоголизма не возможно. В Российской Федерации в последнее время наблюдается лишь ужесточение силовых методов борьбы с наркоманией на фоне ухудшения материальной базы наркологической службы и явных пробелов законодательства.

На наш взгляд, положительным отличительным моментом уголовного законодательства РФ является положение, что применение принудительного лечения к данной категории лиц (больных алкоголизмом, наркоманией) осуществляется независимо от того, были ли совершены преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или нет, не указывается срок применения лечения и он не ставится в зависимость от исполнения назначенного наказания.

В целях совершенствования внутреннего законодательства необходимо обратить внимание на положения законодательства зарубежных стран о возможности отсрочки исполнения наказания лицам, к которым применяются меры безопасности в виде лечения от алкоголизма, наркомании, с установлением надзора за ними и последующим освобождением от наказания. Это имеет большое профилактическое значение.

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение и сравнительный анализ уголовного законодательства различных стран становится еще более актуальным в условиях интеграции мирового сообщества, усиления влияния международно-правовых норм на внутригосударственные правовые системы.

Литература и примечания

1. Далее: УК
 2. Далее: РФ
 3. См. подробнее: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права.- М.: Междунар. отношения, 2002. С. 285-289
 4. Ключанова Т.Н. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть. - СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1996. - С. 24, 42
 5. Бородин Ю.М., Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии /Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М., Изд-во Спарк, 1998. - С. 144
 6. Н.Е. Крылова. Основные черты уголовного кодекса Франции.- М: Изд-во Спарк, 1996. - С. 45-46
 7. С. Шишков. Об ограниченной (уменьшенной) вменяемости // Российская юстиция. - 1995. - №2. - С. 21
 8. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие. - М.: Зерцало, 1997. - С. 121, 159
-

Еникеев Р.З. Некоторые процессуальные и криминалистические аспекты участия адвоката - защитника в доказывании по делам несовершеннолетних

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Р.З. Еникеев - соискатель кафедры криминалистики Института права БашГУ (г.Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА - ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Как известно, согласно УПК РФ в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно (ст. 51). В качестве защитников допускаются адвокаты. Но по определению или постановлению суда

наряду с адвокатом для защиты могут быть допущены один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката (ст.49), что, с нашей точки зрения, неприменимо к делам несовершеннолетних. И вот почему.

Во-первых, в соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинскими правилами), принятыми Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, Правилами ООН, касающимися защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, от 14 декабря 1990 года и другими международными актами, а также с Федеральным законом РФ от 24 июля 1998 года "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" ребенок (лицо до достижения им возраста 18 лет), в том числе совершивший преступление, имеет право на особую защиту (особые меры защиты), помощь, заботу и наилучшее обеспечение интересов, предоставляемые государством.¹ По нашему глубокому убеждению, такую приоритетную, полноценную, юридически грамотную защиту и правовую помощь могут оказать несовершеннолетним только высококвалифицированные адвокаты.

Во-вторых, в Пекинских правилах в числе основных процессуальных гарантий несовершеннолетних названо их право иметь не просто защитника, а адвоката.² При наличии такого желания подростка это право должно быть удовлетворено органами уголовного преследования и судом по принципу "Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав"³ и в силу того, что законом на них возложена обязанность обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст.16 УПК РФ).

Учитывая, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство (ст.1 УПК РФ), приведенные факторы наводят на мысль о необходимости предусмотреть в 50-й главе УПК "Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних" норму, уточняющую, что в качестве защитников в отношении несовершеннолетних участвуют адвокаты.

Высказывая такую идею, мы исходим также из следующих обстоятельств. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года "О судебной практике по делам несовершеннолетних" после слова "защитник" каждый раз в скобках указывается слово "адвокат",⁴ т.е. в лице защитника несовершеннолетнего представляется только адвокат. В ст. 28 Федерального закона от 24 июня 1999 года "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" предписывается обязательность участия адвоката в рассмотрении материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.⁵ В ст. 18 проекта Закона о ювенальной юстиции РФ записано положение: "При уголовном преследовании в отношении несовершеннолетнего обязательно участие адвоката, который занимает процессуальное положение защитника и пользуется всеми правами, предоставленными ему законом для осуществления защиты".⁶

Обязательность участия адвоката по делам подростков предполагает его обязанность защищать права и законные интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Соответственно его участие в доказывании, производное от осуществляемой им функции защиты, носит императивный характер. Доказывать - это обязанность адвоката, на что в свое время указывал В.И. Ленин словами: "Если я был бы адвокатом..., я был бы обязан доказывать".⁷

Такой вывод вытекает из обязанности защитника использовать все законные средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, оправдывающих подозреваемого, обвиняемого и смягчающих их ответственность. Она была прямо выражена в с. 51 УПК РСФСР, как и прежде закреплена в новых УПК республик Беларусь (ст. 48), Казахстан (ст.23, 74), Узбекистан (ст.53) и Кыргызстан (ст.18), и лишь подразумевается по смыслу ст. 49 нового УПК РФ, определяющей, что защитник - лицо, осуществляющее в установленном УПК порядке защиту прав и интересов подозреваемого и обвиняемого. По словам А.М. Ларина, "выяснять законными средствами и способами оправдывающие и смягчающие обстоятельства - это значит доказывать".⁸

Обязанность адвоката по законному доказыванию в практическом плане означает активную реализацию им своих полномочий в данной сфере. Именно такая интерпретация указанного феномена напрашивается из ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 года "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", требующей от адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами.⁹

Законные пути доказывания защитником установлены в статьях 53, 86 УПК РФ. В частности, защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (ст. 53). Причем защитнику разрешается собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ст. 53).

Однако в законе не определен механизм собирания защитником доказательств. Даже этот небольшой круг конкретно обозначенных полномочий защитника по сбору доказательств не обставлен четкими и надежными гарантиями. Если рассматривать вопрос в свете принципа состязательности и равноправия сторон, обнаруживается, что у стороны защиты существенно сужены возможности самостоятельного получения доказательств. Это находит подтверждение в том, что защитник может опросить лицо только с его согласия. Хотя вышеупомянутые органы и организации и обязаны предоставлять защитнику запрашиваемые им документы или их копии, они не несут никакой ответственности за невыполнение данной обязанности. Следовательно, это право защитника может остаться нереализованной.

Более того, имеются законы (например, Налоговый кодекс, Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года, Федеральный закон "О почтовой связи" от 17 июля 1999 года и другие), ограничивающие право защитника истребовать документы, так как в числе органов, кому могут быть предоставлены сведения, адвокатура не значится. В УПК нет ответа на вопрос, каким образом защитник может получить необходимые предметы, документы и сведения и как их получение должно быть зафиксировано.

Если сторона защиты самим УПК ограничена в праве и способах собирания доказательств, то сторона обвинения таких ограничений не имеет, напротив, пользуется широкими властными полномочиями, вплоть до применения мер принуждения. Несправедливо и то, что от должностных лиц стороны обвинения зависит - приобщить к уголовному делу или нет представленные защитником доказательства. Это вытекает из ст. 88, 122, 159, 219 УПК РФ, допускающих возможность оставления без удовлетворения ходатайств стороны защиты.

В юридической литературе еще до принятия УПК РФ предлагались разные пути расширения возможностей защиты в сфере доказывания. Так, для обеспечения равенства процессуальных возможностей стороны обвинения и стороны защиты по собиранию доказательств С.Д.

Шестакова считала необходимым лишить сторону обвинения права самостоятельно собирать доказательства и предоставить это право независимому третьему лицу - судебному следователю.¹⁰ По мнению В.В. Ясельской, солидаризирующейся с позицией ученых о предоставлении адвокату - защитнику права самостоятельно собирать доказательства, каждый способ получения предметов и документов защитником должен быть регламентирован в отдельной главе УПК: "Проведение частного расследования".¹¹ Тем не менее законодатель не воспринял эти и им подобные идеи. Очевидно, это потому, что согласно ст.15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равноправны только перед судом.

Понятно, что в нынешних условиях наделять защитника властными полномочиями недопустимо. К тому же деятельность адвоката - защитника носит не частный, а публично - правовой характер. Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов, институтом гражданского общества и не входит в систему органов государственной власти (ст.3 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ). Поэтому мы согласны с теми учеными, которые предлагают иные, приемлемые, на наш взгляд, пути выхода из создавшего положения: закрепление в УПК обязанности должностных лиц органов уголовного преследования приобщать к делу все представляемые защитником материалы, чтобы их доказательственное значение определил суд; установление в УПК исчерпывающих способов обнаружения и фиксации доказательств защитником; законодательное определение для каждой стороны своего предмета доказывания; наделение адвоката - защитника правом затребовать в бесспорном порядке через суд те документы, которые ему не были предоставлены в добровольном порядке.¹²

Помимо самостоятельного собирания доказательств, защитник имеет право на участие в доказывании, осуществляемом дознавателем, следователем, а именно участвовать: в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого, либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника (ст.53 УПК РФ). А его участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого является обязательным (ст. 425 УПК РФ).

Участие защитника в доказывании на предварительном следствии выражается также в заявлении им ходатайств о производстве следственных действий, имеющих значение для уголовного дела, обеспечении прав и законных интересов подзащитного в порядке, установленном ст. 119-122, 159, 217-219 УПК РФ.

Самостоятельность действий и участие защитника в доказывании присущи и судебному производству. К примеру: при согласии подсудимого дать показания первым его допрашивает защитник; первой задает вопросы свидетелю, эксперту сторона защиты, по ходатайству или инициативе которой они вызваны в судебное заседание; в случае назначения судебной экспертизы по ходатайству защитника, эксперту он представляет вопросы в письменном виде; сторона защиты участвует в осмотре местности и помещения, при производстве следственного эксперимента и т.д. (ст.271, 275, 277, 278, 282, 283, 287, 288 УПК). Здесь у защитника гораздо больше прав по вопросам доказывания, нежели в стадии предварительного расследования. Они предусмотрены в статьях 229, 234, 235, 244, 248, 259, 271, 274-276, 278, 280-288, 290-292, 294, 316, 319, 335, 336, 347, 364-367, 377, 399, 407, 417, 425 УПК РФ, которые определяют участие защитника в доказывании в процессе судебного производства. Такое количество этих норм в отличие от количества норм, регулирующих участие защитника в доказывании во время досудебного производства по уголовному делу, объясняется, во-первых, многостадийностью судебного производства, и, во-вторых, масштабностью действия принципа состязательности и равноправия сторон в судебном заседании на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных

формулировок по вопросам, указанным в пунктах 1-6 ч. 1 ст. 229 УПК, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства (ст. 244 УПК). В судебных прениях защитник излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, и по другим возникающим вопросам (ст. 248 УПК).

Независимо от того, действует ли защитник самостоятельно или просто участвует в доказывании, его действия в этой сфере так или иначе связаны с использованием как процессуальных, так и криминалистических знаний. Возможность применения им технических средств для снятия копий с материалов уголовного дела при их изучении по окончании предварительного расследования предусмотрена в самом УПК РФ (п. 7 ч.1 ст. 53, ч.2 ст.217). Федеральный закон об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ адвокату предоставляет право фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (ч. 6 ст.3). Без знания криминалистики, как и других юридических наук, адвокат не сможет быть ни полноценным, компетентным советником по правовым вопросам, ни лицом, оказывающим эффективную юридическую помощь своим подзащитным, тем более содействующим обеспечению особой, наилучшей защиты по делам несовершеннолетних. Поэтому исключительную важность представляет появление в криминалистике нового научного направления - исследований, посвященных адвокатской деятельности по уголовным делам.¹³

Определенную возможность для практической жизни научного потенциала криминалистики в плане защиты дает положение, закрепленное в п.11 ст. 53 УПК РФ: право защитника использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты, т.е. совершать иные действия, не противоречащие законодательству РФ (ч. 7 ст. 3 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ). Не запрещены, в частности: поиск защитникам необходимой информации и её источников; обзрение места происшествия, его киносъёмка; неофициальные эксперименты; составление схем, зарисовок; активирование получения предметов и документов, их фотографирование; магнитофонная запись объяснений свидетелей, даваемых защитнику с их согласия. Однако было бы правильно законодательно определить способы получения и закрепления данных, выявленных адвокатом в интересах защиты.

Значение криминалистики в сфере защиты видится еще в том, что она выполняет задачу приспособления достижений естественных, технических и гуманитарных наук к нуждам уголовного судопроизводства, да и самой криминалистики.¹⁴ Совершенствование научной базы как уголовного преследования, так и защиты было бы невозможно без широкого использования данных химии, биологии, физики, математики, кибернетики, антропологии, логики, психологии, психиатрии, медицины и многих иных наук. В Пекинских правилах применительно к делам данной категории даже указывается, что персонал, занимающийся делами несовершеннолетних, должен иметь подготовку в области права, социологии, психологии, криминологии и наук о поведении.¹⁵

В чем же заключается практическая ценность криминалистики в деятельности адвоката-защитника? Она вооружает его знаниями о тактике, методике и стратегии профессиональной защиты по уголовным делам, помогает выявлять и использовать в своей защитительной деятельности тактические ошибки следователя, дознавателя, допущенные при производстве предварительного расследования, плодотворно выполнять свои полномочия по собиранию доказательств и участию в их исследовании, учит, как обнаруживать сведения, оправдывающие подзащитного или смягчающие его ответственность, либо опровергающие или ставящие под сомнение доказательства обвинения.

Криминалистика - наука, непрерывно развивающаяся. Поэтому адвокат должен быть в курсе новейших ее достижений. Этого требует его обязанность постоянно совершенствовать свои знания и повышать свою квалификацию (ст. 7 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ). Нужно всегда помнить, что криминалистика - важный инструмент деятельности не только следователя, дознавателя, но и адвоката- защитника.

Физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей, особенно в подростковый период, таково, что они действительно нуждаются в особых, повышенных мерах защиты и помощи. Достаточно отметить, что численность детей страны только в 2001 году уменьшилась на 900 тыс. человек, уровень смертности детей в России остается одним из самых высоких в Европе, 14,7 умерших на 1000 человек. К моменту окончания общеобразовательной школы полностью здоровыми могут быть признаны лишь 10% учащихся. Проблемы детской беспризорности и безнадзорности приобрели угрожающий характер. Число беспризорных детей из года в год неуклонно растет и уже достигло астрономической величины - по данным разных источников их количество колеблется от 3 до 5 млн. человек.

Работу с этими детьми Российское законодательство возложило на органы социальной защиты. Но не было обеспечено ее финансирование, не были четко определены ее формы и методы. Поэтому не случайно, что рано или поздно, но неотвратимо безнадзорные и беспризорные дети становятся "героями" криминальных историй.

Более 2 млн. детей не посещают школу, что неизбежно провоцирует рост преступности, наркомании, алкоголизма, проституции, детского суицида. 200 тыс. детей до 18 лет официально состоят на учете в наркологических диспансерах. Подростковый алкоголизм возрос на 15,3% , а алкогольный психоз - на 76,9%. 66% ребятишек страдают заболеваниями нервной системы, психическими расстройствами. 62% воспитанников интернатов и детских домов отстают в умственном развитии, имеют различные психические отклонения. 69,6% семей с детьми находятся в состоянии крайней бедности. 16 Разумеется, больные, голодные дети не могут продуктивно участвовать в жизни общества, легко поддаются нездоровым влияниям и нередко оказываются в среде криминального мира, становясь злыми, агрессивными ввиду отсутствия надлежащей заботы о них. Оградить же подростка от преступления может только забота о нем.

Детский (подростковый, несовершеннолетний) возраст сам по себе (независимо от состояния здоровья и нахождения в трудной жизненной ситуации) обуславливает специфику судопроизводства по делам несовершеннолетних. Ибо "несовершеннолетний- тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает его полную гражданскую дееспособность, т. е. возможность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности".¹⁷ Несовершеннолетний- ребенок, частично дееспособный, отличающийся особыми психофизиологическими и социальными качествами личности, возрастной неприспособленностью к меняющимся условиям жизни. Видимо, поэтому в Пекинских правилах указывается, что несовершеннолетний может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применяемой к взрослому.¹⁸ Соответственно в УК РФ установлены особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (ст. 87-96).

Приведенными факторами диктуется необходимость особой, специальной правовой защиты несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. В этом плане резонна постановка вопроса о специализации адвокатов по делам данной категории. Она вписывается в международное положение о том, что "для обеспечения и поддержания необходимой

профессиональной компетентности всего персонала, занимающегося делами несовершеннолетних, следует использовать профессиональную подготовку, обучение в процессе работы, курсы переподготовки и другие соответствующие виды обучения" (п.22.1 Пекинских правил). Согласуется также с установкой Федерального закона " Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" в части обязательного обеспечения специализации правоприменительных процедур (действий) с участием или в интересах ребенка.¹⁹

Этот вопрос может быть решен в рамках предполагаемого в будущем Федерального закона о ювенальной юстиции в РФ. Тем более в разделе "Укрепление правовой защиты детства" "Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)", утвержденных Указом Президента РФ от 14 сентября 1995 г., ставилась задача создания системы ювенальной юстиции, специальных составов судов по делам семьи и несовершеннолетних.²⁰

Процессуальные и криминалистические аспекты участия адвоката - защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних сказанным, разумеется, не ограничиваются. Их столько, что описать в рамках одной статьи невозможно. Они охватывают такой круг вопросов, которые требуют обширного, монографического исследования. Но изложенное здесь достаточно для вывода о том, что рассматриваемая тема - серьезная проблема, и она должна быть решена как в научном, так и в законодательном и практическом плане.

Литература и примечания

1. См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. М. Норма.2000. С. 295, 307, 312, 315; Беляева Л.И. Несовершеннолетние в ВК: Международные стандарты. М. 1998. С.47, 53, 77, 97, 113, 117; СЗ РФ. 1998. №31. Ст.3802
2. См.: Международные акты о правах человека. С. 289, 294.
3. Маркс К. , Энгельс Ф. Соч.Т.16. С.13
4. См.: Рос.газета. 2000. 14 марта. С. 6.
5. См.: СЗ РФ. 1999.№26. Ст. 3177.
6. См.: Приложение 2 в книге: Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. М.: БЕК. 1997. С.302.
7. Ленин В.И. Собр. Соч. Т.38. С.291.
8. Ларин А.М. Презумпция невиновности. М.: Наука. 1982. С.57.
9. См.: Рос.газета. 2002. 5 июня. С.11.
10. См.: Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе. Автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб.1998. С.18.

11. См.: Ясельская В.В. Деятельность адвоката - защитника по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск. 1999. С.20-23.
 12. См.: Барщевский М.Ю. Адвокатская фирма (бюро) в системе адвокатуры. М.: Белые альвы. 1995. С.49; Шахкелдов Ф.Г. Участие защитника в доказывании на предварительном следствии. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М. 2001. С.13; Андреева О.И. Некоторые аспекты состязательности сторон как принципа уголовного судопроизводства; Ясельская В.В. Самостоятельная деятельность защитника по собиранию доказательств; Жеребцова Т.И. К вопросу об участии защитника в собирании доказательств на стадии предварительного расследования по УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч.10 Томск.2002. С.40, 55, 90-92.
 13. См., например: Реховский А.Ф. Адвокатская криминалистика: постановка проблемы // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток. 1997; Краснова Н.В. К вопросу об адвокатской криминалистике // 21 век. Юридическая наука-практике. Проблемы теории, законотворчества и правоприменения. Владивосток. 1999; Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам // Сост. В.Н. Карагодин, Л.А. Зашляпин. Екатеринбург. 2001; Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. Екатеринбург. 2002; Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М. 2003.
 14. По этому поводу см.: Криминалистика. М.: Высш. шк. 1994. С.9-14.
 15. См.: Международные акты о правах человека. С.299.
 16. Эти данные приводятся из Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ в 2001 году (Рос.газета. 2002. 22 июня. С. 13-14), материалов 5-го круглого стола " Об актуальных проблемах защиты детства" в г. Уфе (Актуальные проблемы защиты детства. Уфа.2002 г.) и других источников (См.: Рос.газета.2001. 25 июля; 2002. 24 января, 21 февраля, 20 марта, 16, 17 апреля, 24 мая, 1 июня, 10, 26 июля, 27 сентября, 3 октября, 19 декабря; 2003. 29 января, 5,14 февраля).
 17. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело. 2000. С.11.
 18. Международные акты о правах человека. С.285.
 19. СЗ РФ 1998.№ 31 , Ст.3802.
 20. СЗ РФ.1995. №38, Ст.3669.
-

Гатауллина Г.И. Особенности предмета доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Г.И. Гатауллина - ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Предмет доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями отличается определенными особенностями, объясняемыми специфическими требованиями уголовно-процессуального закона к процессу расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними и лицами с теми или иными психическими расстройствами. Кроме того, в частных методиках расследования перечень обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, конкретизируется с учетом специфики преступлений отдельных категорий.

Ст. 421 УПК РФ предусматривает, что при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием общего для всех уголовных дел перечня обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, устанавливаются:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

А при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

С нашей точки зрения, определенный законодателем перечень подлежит дополнению и уточнению в отношении психически неполноценных подростков обвиняемых в совершении преступления.

С учетом наших дополнений предмет доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних выглядит следующим образом:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;

- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, его ближайшего окружения;
- 4) наличие у подростка, совершившего преступление, психических аномалий, степень и характер расстройства психической деятельности в силу наличия этих аномалий, характеристика психического состояния подростка в момент совершения преступления и ко времени расследования дела;
- 5) поведение обвиняемого до, в момент и после совершения преступления;
- 6) способность несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент совершения преступления (вменяемость обвиняемого).
- 7) форма вины, вид умысла и неосторожности и мотивы преступления (уголовно-правовые и психологические);
- 8) наличие подстрекателей, других соучастников, лиц, так или иначе способствовавших совершению подростком преступления;
- 9) размер ущерба, причиненного преступлением;
- 10) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.
- 11) влияние симптомокомплекса болезненного расстройства психики обвиняемого на принятие решения о преступном деянии, на выбор варианта поведения и его реализацию (влияние психической неполноценности на сам факт и процесс совершения преступления);
- 12) взаимосвязь психического расстройства несовершеннолетнего с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (это требование ст. 434 УПК РФ, касающейся особенностей предмета доказывания по делам лиц, в отношении которых применяются принудительные меры медицинского характера).

Остановимся более подробно на каждом из обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории дел. Что касается возраста несовершеннолетнего, то его точное установление необходимо: для решения вопроса о возможности привлечения подростка к уголовной ответственности; учета несовершеннолетия подростка как смягчающего обстоятельства (п.б ч.1 ст.61 УК РФ); применения некоторых видов наказания и т.д.

Выявление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, его ближайшего окружения имеет существенное значение для характеристики личности подростка в целом, выяснения особенностей его мотивации при совершении данного конкретного преступления. Нахождение в неблагоприятной социальной среде, ежедневное наблюдение неблагоприятных примеров тех или иных проявлений образа жизни, привлечение с ранних лет к участию в асоциальных поступках неизменно влечет появление личностных деформаций, которые и определяют последующее поведение подростка. Так, несовершеннолетняя Муратова со своей малолетней сестрой совершали кражи детских колясок в своем и соседнем микрорайонах (обе страдают олигофренией в степени легкой дебильности). Объясняя совершенное, они показали, что ранее аналогичные действия совершали совместно с матерью, злоупотребляющей спиртными напитками. Затем по требованию матери выслеживали и крали коляски уже без ее участия. В случае, если они являлись домой без колясок, мать их избивала и не давала есть. В случае совершения хищения колясок, мать

продавал коляску, "покупала много еды, была веселая". Иной способ получения денег и возможности их заработать девочкам был неизвестен. И хотя они формально понимали запретность совершаемого и тот факт, что брали чужие коляски, в которых их владельцы нуждались, тем не менее, не относились к своему поведению критично.

Не останавливаясь подробно на вопросе о необходимости исследования наличия у подростка, совершившего преступление, психических аномалий, степени и характере расстройства психической деятельности в силу наличия этих аномалий, поскольку данный вопрос неоднократно являлся предметом исследования отечественных психиатров и криминалистов, заметим только следующее. Следователи, рассматривая данный вопрос, как правило, ограничиваются только констатацией ранее диагностированного психического расстройства, не обращая внимания на странности поведения подростка до совершения преступления, в процессе его совершения, а также в ходе расследования по данному делу. Подобная сложившаяся практика ведет к тому, что психиатрическая экспертиза назначается уже в ходе судебного разбирательства, либо аномалии выявляются уже после вынесения приговора - в местах лишения свободы либо медико-педагогических центрах, куда подростки направляются с целью предупреждения совершения ими новых преступлений. Все вышесказанное заслуживает критики, поскольку влечет за собой отсутствие учета влияния имеющихся психических расстройств на процесс совершения преступления, а значит на индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Определение формы вины в отношении психически неполноценных подростков также имеет некоторую специфику. Так, лица с интеллектуальной неполноценностью, обнаруживающие примитивность формирования преступного побуждения, как правило, затрудняются его характеризовать. Это приводит к тому, что они без должной критики и осмысливания соглашаются с формой вины и мотивами, указанными в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении. С другой стороны, процесс осознания своих действий у психически неполноценных лиц бывает нередко как бы "смазанным". В частности, у возбудимых психопатов бурная реакция в конфликтной ситуации - первичная форма поведения, не сопровождающаяся обычно обдумыванием. Даже у психически здоровых лиц степень осознания мотивов совершения преступления может снижаться в состоянии опьянения. Еще явственнее такое снижение наблюдается в состоянии опьянения у лиц, страдающих психическими недостатками (лицами, страдающими психическими недостатками, в состоянии опьянения совершено 86% преступлений).

Особо следует отметить патологическую мотивацию. Известно, что юридическое и психологическое понятие мотива во многом не совпадает с юридическим понятием, не раскрывает внутренних причин правонарушения и, несмотря на одинаковую квалификацию преступлений, действия могут иметь совершенно разные психологические мотивы.

У психопатических личностей мотивами кражи может быть не материальная выгода, а сам факт совершения преступления или процесс похищения, а также самоутверждение, протест, месть и другие; встречаются также факты совершения "безмотивных преступлений".¹ В связи с этим практическим работникам необходимо обращаться за объяснениями к психиатрам.

Что касается размера ущерба, причиненного преступлением, то как указывает В.В. Радаев, нередко бывает трудно определить истинные размеры ущерба, так как потерпевшие, материально ответственные лица, зная о психической неполноценности обвиняемого, могут намеренно их преувеличивать. Нередки случаи, когда несовершеннолетние с психическими аномалиями, совершая кражи денег не могут сообщить их действительное количество, больше обращая внимание на цвет купюр или толщину пачки с деньгами. Либо совершая

кражу продуктов питания, не могут назвать точное количество украденных шоколадок, пакетов с соком и т.п. Это связано с недостаточным осмысливанием, запоминанием либо другими особенностями сферы мышления аномальных подростков, а также крайне низким уровнем образования, неумением считать и т.п. (это особенно касается подростков с когнитивными нарушениями). Поскольку вышеперечисленные обстоятельства могут привести к злоупотреблениям со стороны потерпевших, необходимо проверять показания обвиняемых путем расспроса как, каким образом, на что именно были потрачены украденные деньги, с кем именно разделил украденные продукты несовершеннолетний, с кем их употреблял; проверить, помещается ли перечень украденного, указываемый потерпевшими, в тару, в которой несовершеннолетний уносил похищенное с места преступления. Возможно, в данном случае полезным будет проведение такого следственного действия, как проверка показаний на месте, поскольку так подростку будет легче вспомнить, с какой полки, из какой коробки и что именно было взято.

Говоря об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, следует указать, что помимо общих для преступлений несовершеннолетних обстоятельств, способствовавших их совершению, таких, как отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения, безнадзорность, нахождение в неблагоприятной для детской психики среде, отсутствие воспитательного воздействия со стороны школы и других учебных заведений, здесь должны быть проверены обстоятельства, повлиявшие на совершение преступления, связанные с наличием у подростка психических отклонений. Психиатры указывают, что именно в переходном (пубертатном) возрасте нередко впервые проявляются психические отклонения. Кроме того, дисгармония созревания у некоторых подростков может быть выражена так значительно, что можно говорить о патологическом пубертатном кризе.² Поэтому в такой ситуации есть необходимость устанавливать, не связано ли общественно опасное поведение несовершеннолетних с упущениями в работе медицинских учреждений, такими, как:

- отсутствие внимания к проявляющимся симптомам психических расстройств при наблюдении в поликлинических учреждениях, при проведении плановых профосмотров;
- ненадлежащее диспансерное наблюдение несовершеннолетних у которых ранее были выявлены органическое поражение головного мозга, черепно-мозговые травмы, наблюдались психиатрические симптомы при повышении температуры и т.п., а также недостаточность лечебных мероприятий в отношении больных с выявленными расстройствами, необоснованное снятие больного с диспансерного учета;
- неоказание несовершеннолетнему с психическими аномалиями медицинской и психологической помощи в социальной адаптации.

Если психически неполноценный подросток не состоял на учете в психоневрологическом или наркологическом диспансере, необходимо выяснить, в какой степени это способствовало совершению им правонарушения, имелись ли основания и принимались ли меры для постановки его на учет.

Поведение обвиняемых с патологией психической деятельности нередко бывает антисоциальным и до совершения преступления. Однако соответствующие меры к ним не принимаются по причине их психической неполноценности. В результате избегают ответственности лица, имеющие даже незначительные отклонения в психике. Следовательно должен реагировать на факты подобного попустительства, поскольку, уверовав в свою безнаказанность, страдающие психическими недостатками лица могут в дальнейшем совершить тяжкие преступления. Подробнее вопросы обстоятельств, способствовавших

совершению преступлений, несовершеннолетними с психическими аномалиями будут рассмотрены при изложении вопросов профилактики преступлений таких лиц.

По делам рассматриваемой категории тщательно выясняются также возможность самоговора обвиняемого, возможность участия других лиц в совершении преступления.

Изученная нами практика расследования и разрешения данной категории уголовных дел свидетельствует о недостаточном внимании следователей и судей к особым обстоятельствам, подлежащим обязательному установлению по данной категории дел либо формальному отношению к их установлению. Все это обуславливает необходимость четкого формулирования рекомендаций для практических работников, а возможно и внесения соответствующих изменений в ст. 421 УПК РФ, а также обязательность надзора за соблюдением правовых норм и практических рекомендаций.

Литература и примечания

1. Печерникова Т.Т., Гульдан В.В. Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психологический журнал, 1985, №1. С.162.

2. Судебная психиатрия / Под ред. Шостоковича В.Б. - М., 1997. - С.366 - 369.

Сардаров Э.Ш. К вопросу о предмете незаконной порубки деревьев и кустарников (ст.260 УК РФ)

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Э.Ш. Сардаров - аспирант кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ НЕЗАКОННОЙ ПОРУБКИ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ (ст.260 УК РФ)

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. расширил предмет незаконной порубки деревьев и кустарников (ст.260) по сравнению с УК РСФСР (ст.169) за счет включения в него с одной стороны, деревьев, кустарников и лиан, как входящих, так и не входящих в лесной фонд, с другой, деревьев, кустарников и лиан, запрещенных к порубке.

Анализ предмета незаконной порубки целесообразно начинать с обращения к естественнонаучным терминам, ибо законодатель при формулировании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против природы, не может не учитывать достижения естественных наук. Растительность в природе выступает в различных жизненных формах, представляющих собой комплекс морфологических признаков, отражающих приспособленность вида к условиям среды. Различают следующие жизненные формы: фанерофиты, хамефиты, гемекритофиты (почки у поверхности почвы), критофиты (почки в земле), терофиты (зимуют в стадии семян).¹ К фанерофитам относятся растения, у которых почки возобновления, продолжающие рост после неблагоприятного времени года, находятся высоко над землей (деревья, кустарники, деревянистые многолетние лианы).² Дерево представляет собой жизненную форму растений с сохраняющимся на всю жизнь многолетним одревесненным главным стеблем (стволом) и ветвями, образующими крону.³ Кустарники же это - многолетние деревянистые растения, ветвящиеся у самой поверхности и не имеющие во взрослом состоянии главного ствола, высотой до 6 метров. Продолжительность жизни побега 10-20 лет, иногда больше. Образуют различные кустарниковые сообщества (ивняки, ерники и др.).⁴ Лианы - вьюрусное ползучее и вьющееся растение. Лианы поднимаются, цепляясь за опору и обвиваясь вокруг нее или прикрепляясь к ней корнями. К лианам относятся - ваниль, плющ, актинидия, вьюнок, хмель и др.⁵ Таковы в кратком виде морфологические признаки предмета незаконной порубки. Однако, обращает на себя внимание то, что в биологии различают также такое растение как кустарничек, представляющий собой одну из жизненных форм многолетних одревесневающих растений, которые отличаются от кустарников меньшей продолжительностью жизни побега (5-10 лет) и размерами (высота до 60 см.). Распространены в высокогорьях, тундрах (береза, ива, вересковые), а также в хвойных лесах и на сфагновых болотах (клюква, голубика).⁶ Возникает вопрос: имеет ли ст. 260 УК РФ предметом уголовно-правовой охраны кустарнички. В пользу того, что кустарнички не включаются в предмет незаконной порубки говорят следующие аргументы: 1) в ст. 260 УК отсутствует прямое указание на кустарнички; 2) сравнительно небольшая продолжительность жизни побега свидетельствует о незначительности ущерба, причиняемого окружающей среде их порубкой, т.к. восстановление возможно в короткие сроки. Но можно привести доводы и о необходимости уголовно-правовой охраны кустарничков, наряду с кустарниками: 1) кустарнички характерны для местностей с суровыми климатическими условиями и их незаконная порубка несет не меньшую общественную опасность, чем порубка полноценных кустарников, произрастающих в более благоприятных условиях; 2) в Таксах для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный лесному фонду и не входящих в лесной фонд лесам, нарушением лесного законодательства (утв. постановлением Правительства РФ от 21 мая 2001 г.)⁷ размеры взысканий за незаконную порубку кустарника и кустарничка одинаковы. Представляется, что в предмет ст. 260 УК РФ следует включить и кустарнички, поскольку, на наш взгляд, степень общественной опасности незаконной порубки кустарничков не ниже, чем при порубке кустарников.

В период действия УК РСФСР 1960 г. большие затруднения в теории и на практике вызвала квалификация случаев незаконной порубки деревьев и кустарников, не входивших в лесной фонд. Пленум Верховного суда СССР в п.8 постановления от 7 июля 1983 г. "О практике применения судами законодательства об охране природы" вынужден был рекомендовать судам квалифицировать действия лиц, виновных в незаконной порубке защитных или озеленительных древесно-кустарниковых насаждений, не входящих в государственный лесной фонд (например, в городах и других населенных пунктах, на полосах отвода железных, автомобильных дорог и каналов) по ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.⁸ Т.е. Пленум Верховного суда фактически обратился к аналогии, что вызвало справедливую критику у отдельных авторов.⁹

Законодатель, учтя в некоторой мере критические замечания, выработанные уголовно-правовой наукой, в ст. 260 УК РФ 1996 г., как уже отмечалось, предусмотрел уголовную ответственность за незаконную порубку деревьев, кустарников и лиан так же не входящих в лесной фонд.

Анализ ст.ст. 10, 11 Лесного кодекса РФ показывает, что законодатель под деревьями, кустарниками и лианами, не входящими в лесной фонд, понимает, с одной стороны, леса, не входящие в лесной фонд, с другой стороны, древесно-кустарниковую растительность, расположенную на землях сельскохозяйственного назначения, транспорта, населенных пунктов (за исключением городских лесов) и на землях иных категорий. Вместе с тем, в п.11 Постановления Пленума Верховного Суда от 5 ноября 1998 г. "О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения" указывается, что предметом экологического преступления не являются деревья и кустарники, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, за исключением лесозащитных насаждений, на приусадебных дачных и садовых участках.¹⁰ Такую же позицию безоговорочно принимают некоторые авторы.¹¹ Возникает вопрос о правомерности такого ограничительного толкования предмета ст.260 УК РФ Пленумом ВС РФ.

Для того чтобы ответить на данный вопрос необходимо произвести разграничение предмета незаконной порубки и предмета хищений. В уголовно-правовой литературе является общепризнанным утверждение, что имущество в качестве предмета хищения должно обладать тремя признаками:

- 1) физический - предмет хищения материален, т.е. является частью материального мира, обладает признаком вещи;
- 2) экономический - наличие у имущества потребительской и меновой стоимости, т.е. оно должно иметь определенную ценность и аккумулировать человеческий труд;
- 3) юридический - предметом хищения может быть чужое имущество.¹²

Разграничение предмета экологических преступлений, в том числе незаконной порубки деревьев и кустарников, и предмета преступлений против собственности большинство авторов проводят по экономическому признаку, т.е. в зависимости от наличия у имущества как предмета хищения качества меновой стоимости в уголовно-правовом понимании (вложение человеческого труда и обособление от естественной среды обитания) и отсутствие такового у предметов экологических преступлений (они находятся в естественной состоянии, выступая органической частью естественной природной среды).¹³ Таким образом, природное богатство, чтобы выступать предметом хищения, должно не только овеществлять приложенный к нему общественно необходимый труд, но именно им быть в той или иной форме обособленным и выделенным из природной среды материальным объектом. Указание на обособление и выделение из природной среды является важным в силу того, что осуществление ухода за насаждениями в поселениях, лесовосстановительные работы, искусственные лесопосадки также связаны с приложением определенного труда, производением расходов, но однако в результате этих действий не происходит их изъятие из естественной среды.

Другие ученые приходят к выводу, что предметами хищения следует считать вещи, которые образуют инфраструктуру земельного участка, как то: поверхностный почвенный слой, лес и растения.¹⁴ Думается, что подобная точка зрения будет признана верной только при случае выполнения вышеуказанных критериев. Потому, что законодательство устанавливает те или иные формы собственности также и на деревья и кустарники, входящие в лесной фонд. И

квалификация как преступлений против собственности всех случаев посягательств на деревья и кустарники, находящиеся в частной собственности, привело бы к искажению подлинного характера общественной опасности экологических преступлений, подмене основного объекта.

Третьи же авторы считают, что деление вещей на природные богатства и продукты труда утрачивают свое прежнее значение, а затраты труда перестают выступать в роли основного критерия разграничения имущественных и экологических правонарушений. В уголовном праве вложенный в вещь труд становится дополнительным критерием разграничения указанных посягательств, основным выступает оборотоспособность вещей, т.е. способность вещественных благ быть объектом разных форм собственности, свободно отчуждаться и приобретаться субъектами имущественных отношений.¹⁵

Эта точка зрения безусловно заслуживает пристального внимания, так как примерно к такому же выводу приводит анализ ч.2 ст.40 Земельного кодекса РФ и ст. 20 Лесного кодекса РФ. В соответствии с указанными нормами собственник земельного участка имеет право собственности на расположенные на земельном участке многолетние насаждения, за исключением случаев, установленных Лесным кодексом Российской Федерации. Владение, пользование и распоряжение древесно-кустарниковой растительностью, расположенной на территории земельного участка, осуществляются собственником в соответствии с требованиями лесного законодательства Российской Федерации и законодательства Российской Федерации о растительном мире. Древесно-кустарниковая растительность, которая появилась в результате хозяйственной деятельности или естественным образом на земельном участке после передачи его в собственность гражданину или юридическому лицу, является его собственностью, которой он владеет, пользуется и распоряжается по своему усмотрению. Т.е. законодатель устанавливает различные правовые режимы для древесно-кустарниковой растительности, произрастающей на земельном участке. И этот правовой режим, безусловно, влияет на квалификацию посягательств на указанные объекты. Однако, придавать этому критерию главную роль все таки не следует. Представляется, что для правильного разграничения предмета незаконной порубки и предмета хищений следует учитывать не только совокупность таких критериев как вложение труда, обособление от естественной среды, свободный оборот, но также исходить и из функций, выполняемых насаждениями на земельном участке. Как справедливо отмечает В.Д.Пакутин, все посадки деревьев и кустарников в населенных пунктах преследуют главным образом цель обеспечения человеку благоприятной естественной среды и, следовательно, их уничтожение, повреждение, рубка есть, прежде всего, причинение вреда именно природоохранительному интересу.¹⁶ При этом деревья и кустарники на земельном участке могут специально разводиться людьми с использованием биологических сил природы в качестве товарной продукции либо в целях получения плодов и ягод. В указанном случае деревья и кустарники находятся в процессе товарного производства и, соответственно, могут выступать в качестве имущества, а их уничтожение, порубка, выкапывание в целях завладения будет квалифицироваться по соответствующим составам, предусматривающим ответственность за преступления против собственности.

В свете изложенного можно констатировать, что определить во многих случаях является ли дерево или кустарник предметом незаконной порубки или предметом хищения проблематично. В этой связи, на наш взгляд, является актуальным предложение некоторых авторов предусмотреть специальную норму, предусматривающую ответственность за порубку, повреждение, уничтожение деревонасаждений, являющихся объектами собственности, и поместить его среди преступлений против окружающей среды.¹⁷

В ч.1 ст.260 УК РФ в качестве предмета незаконной порубки предусмотрены деревья, кустарники и лианы, запрещенные к порубке. Однако в уголовно-правовой литературе недостаточно места уделяется раскрытию данной категории при анализе предмета незаконной порубки. Отдельные породы деревьев, кустарников и лиан, запрещенных к порубке, предусмотрены Правилами отпуска древесины на корню в лесах Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 1 июня 1998 г.).¹⁸ Так запрещается назначать в рубку и не подлежат рубке каштан, платан, яблоня, магнолия, дуб курчавый и др. Представляется, что в рассматриваемый вид предмета незаконной порубки входят также деревья, кустарники и лианы, занесенные в Красные книги различных уровней: стран участников-СНГ, Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также предусмотренные международными договорами. В Республике Башкортостан Красная книга учреждена Постановлением Кабинета Министров Республики Башкортостан от 11.09.2001 г. Так в списке редких растений, занесенных в Красную книгу РБ, указаны ива деревцевидная, ива Старке, полынь солянковидная, яблоня лесная и др. Порубка отдельных видов деревьев и кустарников может быть запрещена также специальными нормативно-правовыми актами субъекта Российской Федерации. Так в Приморском крае принят специальный закон "О ценных и редких видах деревьев, кустарников и лиан, не подлежащих рубке на территории Приморского края".

Таким образом, для квалификации незаконной порубки как порубки деревьев, кустарников и лиан, запрещенных к порубке, необходимо, чтобы указанные породы были прямо указаны хотя бы в одном из следующих документов: Красных книгах различных уровней, правилах отпуска древесины на корню или правилах рубок, иных нормативных актах органов государственной власти субъектов Российской Федерации либо были запрещены к порубке в пределах отдельного лесного хозяйства в лесовосстановительных целях.

В уголовном законодательстве стран СНГ и Прибалтики вопрос формулировки предмета незаконной порубки решен по разному. В ст. 291 УК Республики Казахстан уголовная ответственность предусматривается только за незаконную порубку деревьев и кустарников в лесах всех групп, а также деревьев и кустарников, не входящих в лесной фонд или запрещенных к порубке.¹⁹ Отсутствие указания на лианы видимо, связано с тем, что они не характерны для климата Казахстана. УК Республики Беларусь говорит только о деревьях и кустарниках в лесах первой группы и не входящих в лесной фонд защитных и озеленительных насаждениях.²⁰ УК Республики Узбекистан устанавливает ответственность за незаконную порубку леса или других насаждений.²¹ УК Эстонской Республики говорит о незаконной порубке леса и группы деревьев или кустарников.²² Представляется, что подобная формулировка предмета незаконной порубки не позволяет в полной мере осуществлять охрану древесно-кустарниковой растительности, так как выводит из под уголовно-правовой охраны деревья и кустарники, растущие обособленно. Думается, что такой пробел связан с тем, что в Эстонии до сих пор не принят новый уголовный кодекс, а действующая редакция сохранила недостатки, бывшие предметом споров в советский период развития уголовного законодательства. На наш взгляд, наиболее приемлемым является формулировка предмета самовольной порубки и повреждения деревьев в УК Латвийской Республики, который в ст.109 предусматривает ответственность за порубку деревьев в чужом лесу или на другом чужом земельном участке (ч.1), а также за порубку, уничтожение или повреждение деревьев или других насаждений на особо охраняемых государством природной территории или объекте, в парке, на дендрологическом объекте, на земельной или водной защитной полосе, в городской зеленой зоне или в других защитных полосах или зонах.²³ Законодатель справедливо включил в данную статью порубку деревьев на чужом участке, тем самым обозначив, что, несмотря на то, что в какой то степени этим преступлением причиняется вред отношениям собственности, экологический интерес в

сохранении деревьев как компонента благоприятной окружающей среды является приоритетным.

Литература и примечания

1. См.: Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Соломещ А.И. Современная наука о растительности: Учебник. - М.: Логос, 2001. С.8.
2. См.: Реймерс Н.Ф. Краткий словарь биологических терминов: Кн. для учителя.-2-е изд.-М.: Просвещение. 1995. С.316.
3. Там же. С.103.
4. Там же. С.170.
5. Там же. С.173.
6. Там же. С.170.
7. СЗ РФ. 2001. №22. Ст.2236.
8. См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. - М.: Изд-во "Спарк", 1997. С.193.
9. См.: Пакутин В.Д. Совершенствование уголовно-правовой защиты древесно-кустарниковых насаждений в городах и других населенных пунктах // Межвузовский сборник. Уфа: Изд-во БашГУ, 1987. С.123.
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. №1.
11. См.: Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2002. С.222.
12. См., например: Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. Учебник для вузов. Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н.Борзенкова и д-ра юрид. наук, проф. В.С.Комиссарова. - М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. С.410.
13. См.: Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия. - Автореф. дис. на соискание ученой степени канд.юрид.наук. - Екатеринбург-2002. С.23; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.И.Ветрова и д-ра юрид. наук, проф. Ю.И.Ляпунова - М.: Новый Юрист, 1998. С.214.
14. См. Мальцев В. Понятие хищения //Российская юстиция. - 1995. №4. С.35.
15. См.: Безверхов А.Г. Имущественные преступления. - Автореф. на соискание учен. степени д-ра юрид. наук. - Ижевск, 2002. С.32-33.
16. См.: Пакутин В.Д. Уголовноправовая охрана внешней природной среды (Объект и система преступлений). Учебное пособие. 1977. С.50.

17. См.: Пакутин В.Д. Уголовно-правовая охрана внешней среды и природных ресурсов в СССР (Квалификация отдельных преступлений). Учебное пособие. Уфа, 1976. С.60.
18. СЗ РФ. 1998.-№23.-Ст.2553.
19. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Предисловие министра юстиции Республик Казахстан, д-ра юрид. наук, проф. И.И.Рогова - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.321-322.
20. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Обзорная статья А.В.Баркова. Мн.: Амалфея, 2001. С.193.
21. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изменениями и дополнениями на 15 июля 2001 г.). СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.223.
22. Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод с эстонского В.В.Запелова - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.160.
23. Уголовный кодекс Латвийской республики / Науч. ред. и вступ. статья А.И.Лукашова и Э.А.Саркисовой. Перевод с латышского А.И.Лукашова. - СПб.: Изд-во "Юридический центр Пресс", 2001. С.137-138.
-

Мунасыпова Э.Ф. Эвтаназия: нарушение или защита прав человека?

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

Э.Ф. Мунасыпова - студентка Института права БашГУ (г.Уфа)

ЭВТАНАЗИЯ: НАРУШЕНИЕ ИЛИ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?

"...Страшнее ошибки в каком-то конкретном случае может быть только мнение, правильное сегодня, но ошибочное завтра. Эта та ошибка, которую нельзя обнаружить в настоящем..."

Юрий Сергеев?

В наше время, когда наука достигла незыблемых высот в разных областях и человеческая мысль проникла в самые отдаленные уголки общественного сознания, до сих пор остается открытым вопрос, имеющий чрезвычайно важное значение не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Эвтаназия: что это? грубое нарушение прав человека или необходимая их защита? И этот вопрос остро встает не только перед медиками и юристами, ответ на него ищет все человечество.

Термин "эвтаназия" - термин, впервые введенный английским философом Фрэнсисом Бэконом (1561 - 1626), происходит от греческих слов eu - "хорошо" и thanatos - "смерть", означая буквально "добрая", "хорошая" смерть. В современном понимании, данный термин трактуется как сознательное действие или отказ от действий, приводящие к скорой и безболезненной смерти безнадежно больного человека, с целью прекращения некупируемой боли и страданий. Проблема эвтаназии начинает свое летоисчисление с глубокой древности. И уже тогда она вызывала многочисленные споры. Так, в 9-6 веках до нашей эры в Спарте беспощадно убивали младенцев, родившихся слабыми, больными. Некоторые первобытные племена имели обычай умерщвлять немощных стариков, ставших обузой для семейства. Отношение к умышленному ускорению смерти неизлечимого больного, даже с целью прекращения его страданий никогда не было однозначным.

В начале XX века юрист Биндинг и психиатр Гохе предложили называть эвтаназией уничтожение так называемых "неполноценных" жизней. Такая чудовищная интерпретация понятия "эвтаназия" получила позже широкое распространение в фашистской Германии и в захваченных ею странах. Умерщвляли новорожденных, душевнобольных, больных туберкулезом или злокачественными новообразованиями, инвалидов, стариков и др. Была создана специальная индустрия умерщвления в виде газовых камер, душегубок, крематориев и т.д.

В 60-е годы XX века проблема эвтаназии вновь была поднята перед обществом, но уже в совершенно ином аспекте. В наши дни возникает другой вопрос: если эвтаназия - это яркое проявление реализации прав человека, гуманного отношения к личности, почему она не только не применяется на практике в нашей стране, а даже более того, строго запрещается законодательством. Проблема заключается в том, что здесь мнения ученых разделились на две совершенно противоположных точки зрения - "за" и "против".

Противники эвтаназии, считая ее аморальной, приводят следующие аргументы:

1. Эвтаназия прямо запрещается Клятвой Гиппократата: "Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла".
2. Сторонниками практики эвтаназии были нацистские медики. Это одно из явлений, характеризующих зверства фашизма, вопиющие преступления нацистских изуверов перед человечеством.

В виду этих фактов эвтаназия безнравственна и недопустима. В гиппократовой заповеди о святости человеческой жизни заложена величайшая нравственная мудрость, которая по своей высочайшей социальной целесообразности опережающе отражает, направляет противоречивую врачебную практику.

3. Кроме того, врачебная практика неизбежно чревата диагностическими ошибками, обусловленными некомпетентностью врачей и ограниченностью медико-клинической науки.

4. Эвтаназия, как форма медицинской практики, оказывает деморализующее действие на больных, а также не исключает возможность наступления общественно-опасных последствий вследствие злоупотребления ею.

Замминистра здравоохранения А. Вялков заявил в своем интервью новостям "КМ": "Мы не знаем всех возможностей человеческого организма. А раз не знаем, не нам и решать, когда ему время умирать"?. Вице-президент российской Академии медицинских наук А. Мартынов пояснил, что эвтаназия считается преступлением, сравнимым с убийством, и напомнил о многочисленных судебных процессах, связанных со случаями, когда врачи помогали больным уйти их жизни.

Несомненно, все приведенные аргументы являются достаточно вескими, однако они крайне уязвимы как в медицинском, так и в морально-этическом отношении. Поэтому необходимо рассмотреть и другую точку зрения по данному вопросу.

Вот мнение одного из сторонников активной эвтаназии, профессора права Сингапурского университета М. Чанга: "Сегодня мы должны переменить свой взгляд на смерть, невротическое отношение к смерти должно быть заменено более реалистическим взглядом на смерть как биологическую функцию. Необходимо ввести эвтаназию по отношению к случаям неизлечимых заболеваний, угрожающих человеку страданиями. При этом ударение следует делать на определении "добровольная". Добровольная эвтаназия есть право взрослого сознательного человека на то, чтобы жизнь его была безболезненно прервана врачом согласно его собственному желанию и при непременном соблюдении условий, оговоренных соответствующим законодательством. Поддержание жизни человека против его воли, когда сам смысл жизни для него потерян и он вынужден влечить жалкое существование в состоянии медленной агонии - это бессмысленная жестокость"?.

В журнале "Советское государство и право" доктор юридических наук Н.С. Малейн цитирует мнение А.Ф. Кони, согласно которому активная эвтаназия "допустима с нравственной и юридической позиций, если она проводится в исключительных случаях при наличии: 1) сознательной и устойчивой просьбы больного; 2) невозможности облегчить страдания больного; 3) точной доказанности невозможности спасти жизнь, установленной коллегией врачей при обязательном единогласии; 4) предварительного уведомления органов прокуратуры".

Действительно, эвтаназию в наше время важно рассматривать как осознанную необходимость, подчеркивая добровольность и гуманность данного подхода. Необходимо осознавать, что существуют такие больные, избавиться от физической боли которых не представляется возможным даже при использовании самых современных анальгетиков и фармакологических препаратов. И, когда такой человек неизлечимо болен, и просит лишь о скорейшем избавлении от мучений, то гуманно ли будет заставлять его переносить нестерпимую боль и испытывать невыносимые страдания, если исход известен? По-моему, ответ однозначен: эвтаназия в данном случае будет наивысшим проявлением гуманизма к больному и фактической реализацией его права на свободное распоряжение собственной жизнью.

В отношении диагностических ошибок, необходимо отметить, что, конечно же, этот факт встречается в медицинской практике, но в данном случае они должны быть полностью исключены. С этой целью, а также дабы избежать всевозможных злоупотреблений, вопрос об эвтаназии должен рассматриваться строго в консилиумном порядке, в присутствии группы специалистов, с использованием наиболее современных методов диагностики. И только исходя из заключения врачей, когда клинически установлена неизбежность летального

исхода, может быть принято решение об эвтаназии. Именно такой комплексный подход во многом поможет избежать возможных медицинских ошибок.

Что же касается деморализующего воздействия, то здесь важно пояснить, что если эвтаназия будет обоснованной, законодательно закреплённой, и, кроме того, подробно изложенной в печати процедурой, суть которой станет ясна каждому человеку, то, очевидно, подобного влияния на больных не будет оказано.

Важно, однако, заметить, что эвтаназия как массовая медицинская практика должна быть абсолютно исключена, т.к. именно в этом случае возможно возникновение всех негативных последствий, о которых говорят противники. Но как чрезвычайно редкая уникальная процедура, производимая под общественным контролем, она должна существовать в нашем обществе в качестве неотъемлемого права человека при жизни быть избавленным от страданий.

Литература и примечания

1. Эвтаназия: проблема с неизвестными решениями // Медицинская газета, 14 августа 1998 г. №65.
 2. В России эвтаназии не будет // КМ - Новости (интернет-журнал), 30 ноября 2000 г.
 3. Эвтаназия // Ридерз Дайджест, ноябрь 1997 г.
 4. Н. С. Малеин // Советское государство и право, 1981, №8.
-

Еникеев И.И. Понятие и критерии эффективности частного обвинения

// :

Межвузовский сборник научных трудов. - Уфа: РИО БашГУ, 2003.

И.И. Еникеев - ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ (г.Уфа)

ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В уголовно-процессуальной литературе довольно обстоятельно исследована проблема частного обвинения, рассмотрена деятельность потерпевшего как участника уголовного процесса. Однако вопросам эффективности частного обвинения, определения коэффициента полезности участия частного обвинителя в этой деятельности, значимости данного института для повышения качества уголовного судопроизводства, установления истины по делам названной категории до самого последнего времени не было уделено достаточного внимания.

Между тем в исследовании эффективности частного обвинения в уголовном судопроизводстве есть острая необходимость.¹ Тем более, обвинение и обвинительная деятельность способствуют противодействию преступности как социальному злу, наказанию виновных путем лишения или ограничения их прав и свобод, восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

При проведении исследования данного вопроса первоочередное значение имеет определение понятия и критериев эффективности частного обвинения.

В юридической литературе существуют различные суждения о понятии эффективности как правовой нормы, так и деятельности по ее применению. Но более устоявшееся и широко применяемое в настоящее время в юридической теории и практики понятие - это понимание эффективности правоприменительной деятельности (в том числе и деятельности по исполнению и использованию правовых предписаний) как деятельности, обеспечивающей достижение результата, запланированного в качестве цели.²

Если исходить из названной концепции, то эффективным будет такое частное обвинение, которое обеспечивает достижение ее цели.

Обвинение, в том числе и частное, имеет своей целью "реализацию уголовной ответственности",³ и поэтому любой акт об этом (обвинительное заключение, обвинительный акт, заявление потерпевшего или его законного представителя) есть обоснование уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

А чтобы определить, достигнута ли цель и насколько полно, нужно сопоставить с ним полученный результат. Результатом здесь выступает "осуждение виновного лица, исполнение наказания и имущественных взысканий, а также судимость".⁴ Отношение между этим результатом и целью фиксирует эффективность частного обвинения. И в зависимости от разрыва между ними определяется ее степень (низкая, средняя, высокая) и только при условии соответствия деятельности частного обвинения требованиям закона.

При определении эффективности частного обвинения, наряду с результатом, должен применяться и другой критерий, который бы позволял оценивать деятельность частного обвинителя с учетом правильного выбора им позиции в обоснование уголовной ответственности подсудимого, способов и средств его отстаивания в суде.

Таким критерием является оптимальность⁵ частного обвинения, под которой понимается наилучший, соответствующий цели частного обвинения и назначению уголовного судопроизводства, порядок его поддержания.

Данный критерий призван помочь обосновать решение практических задач различного рода и в конечном итоге способствовать эффективности частного обвинения. Одной из практических задач является - необходимость выбора частным обвинителем наилучшего варианта действий, обеспечивающих достижение заданного результата при минимальных

затратах, то есть "процессуальной экономии".⁶ К задачам этой сферы относятся действия частного обвинителя, направленные на поддержание частного обвинения только в рамках своих личных убеждений относительно доказанности обвинения, правильности квалификации преступления, предложения о мере наказания, которую следовало бы, по его мнению, определить виновному лицу.

Это обстоятельство обуславливает правомерность использования критерия оптимальности при оценке эффективности частного обвинения.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что между деятельностью по поддержанию частного обвинения, его результатом и эффективностью этого обвинения имеются определенные взаимосвязи, сущность которых проявляется в следующих зависимостях: во-первых, оптимальное поддержание частного обвинения в силу причинно-следственной связи должно закономерно привести к получению положительного результата - осуждению виновного лица и исполнению наказания, имущественного взыскания, а также судимости. В силу этого является правомерной постановка вопроса о его эффективности. Во-вторых, эффективность частного обвинения немыслима без достижения положительного результата, однако последний не может быть случайным, а должен быть закономерным результатом целенаправленной и оптимально организованной деятельности по его поддержанию частным обвинителем. В-третьих, по отношению к эффективности частного обвинения его оптимальное поддержание и полученный результат являются понятиями одного уровня - обязательными предпосылками эффективности, что дает возможность считать их в качестве критериев.

Таким образом, эффективность частного обвинения определяется как оптимальностью его поддержания в суде, так и получением положительного результата - осуждение виновного лица, исполнение наказания и имущественных взысканий, а также судимость, и не может быть достигнута при отсутствии одного из вышеуказанных критериев.

Литература и примечания

1. Зинатуллин З.З. О методах изучения эффективности уголовно-процессуальной категории // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. С.48.
2. Советский уголовно-процессуальный закон и проблема его эффективности. М.: Наука, 1979. С.210-218; Курс советского уголовного процесса. М. 1989. С.259-270; Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. (Отв. ред. проф. М.Н. Марченко). Том 3. М. 2002. С.110-138 и др.
3. Давыдов П.М.. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск. 1974. С.29; Парадеев В.М.. О понятии обвинения. // Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями. Свердловск. 1983. С.44.
4. Ткаческий Ю.. Уголовная ответственность // Уголовное право. 1999, №3. С.38-41.
5. Оптимальный (от латинского *optimus*) - наилучший, наиболее соответствующий определенным условиям и задачам. См.: Большой энциклопедический словарь, М. 2001. С.548.
6. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовном процессуальном праве. Л.: ЛГУ, 1976. С.66-67.
